

РОССИЯ И РАЗВИТИЕ

КАПИТАЛИЗМ, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

ЧАРЛЬЗ БАКСТОН

Бишкек 2022

УДК 323/324 (470+571)
ББК 66.3 (2Рос)
Ч-20

Ч-20 Чарльз Бакстон. Россия и развитие: капитализм, гражданское общество и государство — Б.: 2022. — 248 с.
Перевод книги «Russia and Development: Capitalism, Civil Society and the State» (Zed Books, UK, 2014).

ISBN 978-9967-9374-6-8

© 2022 Академия ОБСЕ в Бишкеке. Все права защищены.

Мнения, выраженные в этой книге, принадлежат исключительно автору и не обязательно разделяются или поддерживаются Академией ОБСЕ в Бишкеке.

Выдержки из этой книги могут быть процитированы или перепечатаны без специального разрешения в академических целях при условии включения стандартной строки с указанием источника.

ОБСЕ АКАДЕМИЯ
в Бишкеке

ISBN 978-9967-9374-6-8

УДК 323/324 (470+571)
ББК 66.3 (2Рос)

Благодарность за русское издание

Издание данной книги на русском языке было бы невозможно без участия группы заинтересованных людей. Хочу выразить большую благодарность Академии ОБСЕ в Бишкеке, в частности Александру Вольтерсу, Айгуль Абдубаетовой и Каныкей Темирбековой, проделавшим огромную работу по подготовке книги к печати. Спасибо Луизе Цой, Ларисе Тарасовой, Татьяне Матохиной и Анаре Молдошевой за причастность и большое терпение в процессе перевода и редактирования текста.

О книге Чарльза Бакстона «Россия и развитие: капитализм, гражданское общество и государство»

Из презентации на симпозиуме
«Советизация Центральной Азии:
между колониализмом и модернизацией», Штаб, 2015

Меня давно интересует вопрос о том, как сочетаются в Кыргызской Республике якобы противоречащие друг другу процессы политической либерализации, экономической стагнации, культурной реставрации и социальной инновации. В своей книге Чарльз Бакстон детально описывает подобные процессы в Сибири, на Урале и в Центральной Азии. Три момента подчеркивают оригинальность вклада его работы в актуальную сегодня дискуссию о роли гражданского общества в бывшем Советском Союзе. Во-первых, автор на протяжении всей книги представляет читателю множество примеров (case studies) движений и организаций в гражданской сфере. Из книги мы узнаем о работе социальных активистов в Перми и об их успешных попытках сотрудничества с местными властями, о проведении фестиваля «Пилорама» – для продвижения идей прав человека. Мы знакомимся с работой местных газет в Иркутской области, которые пытаются раскрыть коррупционные схемы в госадминистрации. В книге проблемы вокруг Байкальского целлюлозно-бумажного комбината являются примером продолжительной борьбы НПО за сохранение экологической среды (для меня это было интересно потому, что я принимал участие в этой борьбе в 2000-01 годах как волонтер). Нам становятся известны проблемы таджикских мигрантов в России и деятельность НПО в Таджикистане, которые помогают семьям уехавших мигрантов. Бакстон здесь делится своим огромным опытом работы в разных местах бывшего СССР за последние несколько десятков лет. Благодаря этим многочисленным примерам чтение книги приносит большое удовольствие.

Второй момент, на котором я хочу акцентировать внимание, – это системное использование источников современной русскоязычной социологии и актуальных ссылок на дебаты в России и в Центральной Азии. До сих пор дискуссии в западных кругах отличаются тем, что в них игнорируется работа местных организаций гражданского общества и часто не воспри-

нимается как их собственная попытка рефлексии актуальных проблем. Знакомство с дебатами в России о состоянии гражданского общества и о проблемах развития позволяет англоязычному читателю погрузиться в незнакомый, но инновативный дискурс.

Третий и, на мой взгляд, самый, «прогрессивный» момент – это умение Чарльза Бакстона находить в истории параллели сегодняшним процессам. Автор подробно рассказывает о достижениях советской власти в Центральной Азии в её попытках модернизировать или «развивать» регион. Раскрывая появление гражданских инициатив еще до прихода большевиков во времена Российской империи, книга Бакстона открывает читателю богатейшее наследие тех сил, которые уже в то время работали над современными концепциями развития общества. В своей работе автор обсуждает роль таких радикальных групп, как «Народная Воля», и описывает функции и развитие местных общин – как, например, народное собрание «вече» в средневековой Руси. Все эти исторические примеры помогают подтвердить тезис Бакстона о том, что развитие любого общества основано на «низовых» (bottom-up) инициативах. Именно здесь мы находим те силы, которые способны решить повседневные проблемы граждан, а также дать оценку правящим силам и их государственной машине. Книга делает большой вклад в раскрытие многообразности политики и многочисленных инициатив. Она обогащает наше «воображение» и, таким образом, следует призывам французского философа Алана Бадью отобрать историографическую инициативу у неолибералов и начать писать свою историю.

Автор мыслит в рамках марксистской доктрины: это становится очевидным в его определении распада Советского Союза как революции капитализма. Однако мне кажется, что подобное марксистское чтение также приемлемо при обсуждении таких вопросов, как дискриминация и ксенофобия, авторитарное правление и коррупция, миграция и недееспособные социальные сферы. Он раскрывает проблему фрагментированного гражданского общества, отсутствия сетей между активистами и НПО и отсутствия связей между постсоветским гражданским обществом и глобальным критическим движением. Я согласен с этим анализом: процесс фрагментации гражданского общества наблюдается не только в России, но на глобальном уровне. Концепция «множества» (multitude) Негри и Хардта страдает от отсутствия такого политического видения. Полагаю, нам необходимо найти новые подходы, чтобы сформулировать общее видение – для того, чтобы связать разнообразных акторов гражданского общества в целях усиления их возможностей. Книга сделала важный шаг в этом направлении и положила начало для дальнейшей работы, особенно в Центральной Азии.

Александр Вольтерс

Содержание

Введение к изданию на русском языке: о книге и ее авторе.....	8
Часть 1. Наследие	15
Глава 1. Гражданское общество, капитализм и развитие в России	16
Глава 2. Государство и развитие в советский период.....	39
Глава 3. Движения на восток и на юг: империя и после	68
Часть 2. Борьба за развитие	95
Глава 4. Политическая мобилизация от военного коммунизма к цветной революции	96
Глава 5. Децентрализация местного самоуправления и развитие ГО на Урале и в Сибири	122
Глава 6. Проблемы развития в небезопасном окружении — Таджикистан	145
Глава 7. После отчуждения: социальные движения и протесты в России 2000-х годов	168
Часть 3. Международный контекст	189
Глава 8. НПО, бросившие вызов политической и экономической власти	190
Глава 9. Современная модель развития России.....	214
Постскриптум.....	236
Аббревиатуры	242
Таблицы	244
Об авторе	245

Введение к изданию на русском языке: о книге и ее авторе

Настоящая книга, посвященная развитию России и постсоветского пространства, представляет собой взгляд специалиста в сфере гражданского общества, проработавшего более 20 лет менеджером и консультантом в программах международного развития в странах региона. С точки зрения географии материалы книги фокусируются на юго-восточной части постсоветского пространства. Это «Евразия» – термин, который имеет в России некое идеологическое значение, но для автора он означает просто регионы, расположенные между Европой и Азией, включая Центральную Азию и среднюю полосу Урала и Сибири.

Что касается времени, идея книги возникла в переходный период 1990-х годов и посвящается анализу современных проблем и приоритетов развития в регионе. «Переходный период» – это термин, который подвергается критическому анализу в рамках книги, поскольку в нем скрывается очень много сложного, противоречивого, трагического опыта людей. Но приходится сразу предупредить читателя о том, что книга охватывает более широкое поле зрения и научно-политических интересов, в том числе вопросы о развитии евразийского региона в советский и досоветский периоды, которые, по мнению автора, помогают нам лучше понять настоящее.

К сожалению, у немногих экспертов по международному развитию есть на это время: они заняты своими профессиональными задачами. И идеология переходного периода мало поощряла «исторические раскопки». Достижения советского периода быстро стали закрытой зоной для практиков неolibеральных философий и подходов развития. И дискуссии о природе царской экспансии в Евразии также стали неудобными для нового режима России. Я увидел в этом пробел. Для меня и советский, и досоветский опыт развития в регионе показали достаточно актуальными, и мне все больше хотелось выработать альтернативную историческую и критическую позицию по этим вопросам.

Первичные материалы для этой книги были собраны на уровне низовых или местных организаций, где главными субъектами являлись общинные группы, волонтеры, общественные активисты и неправительственные организации (НПО). Сферы работы таких групп действительно обширны – это образовательные, культурные, гендерные, экологические и эко-

номические вопросы. Наряду с более широким историческим анализом в этой книге я попытался дать небольшую картинку, отражающую характер, достижения и проблемы современных проектов и программ развития в Евразийском регионе.

Изначально моя книга была издана на английском языке. Но для меня русская версия имеет особое значение, поскольку я изучаю русский язык и регион на протяжении уже почти 50 лет. В 1960-х годах я открыл впервые ужасы русской грамматики в школе, затем выбрал русский в университете. В центре нашего внимания в университете была русская литература XIX века, но с возможностью познакомиться с поэзией раннего советского периода. Как и многие молодые люди моего поколения в Европе, я стал левым активистом в свои студенческие годы.

Что касается моей профессиональной жизни и опыта, здесь можно выделить несколько моментов, возможно, интересных читателю. На протяжении двух лет в конце 1970-х годов я жил в Москве, работая языковым редактором в агентстве печати «Новости». Так у меня появилась в то время довольно редкая для англичанина возможность: лично испытать условия жизни советского человека, каждый день сравнивая их с официальными сообщениями в СМИ. До и после этого некоторое время я преподавал русскую литературу и русский язык в университетах Великобритании. В 80-е годы я заинтересовался советскими детективами и перевел два романа Юлиана Семенова на английский язык. Первый из них был опубликован в 1985 году, а его презентация состоялась в Лондоне с участием автора¹.

После моего контракта в Москве мы с семьей вернулись в Ист-Энд Лондона, и в начале 1980-х мне посчастливилось поработать в четырех НПО, созданных профсоюзным движением в сотрудничестве с гражданским сектором и городскими властями. Первая организация занималась обучением альтернативным подходам к международному развитию под общим лозунгом «международная солидарность». Вторая организация открыла ряд профессиональных программ по использованию новых технологий для взрослых и молодых безработных – с фокусом на предоставление равных возможностей для женщин и мигрантов. Третья организация была межкультурным общинным центром, а четвертая – Лондонский консорциум НПО, работающий в сфере профессионально-технического образования. Из волонтера-активиста я превращался в штатного сотрудника в первой организации, а затем стал координатором во второй организации и позже – членом консультативно-наблюдательного совета в третьей и четвертой организациях. Свой опыт в области развития сообщества, социаль-

1. Yulian Semyonov, *TASS is Authorised to Announce*, John Calder, London, 1985.

ного развития и управления НПО я привнес в постсоветский регион, когда в середине 1990-х годов стал работать в сфере международного развития.

Россия и развитие: капитализм, гражданское общество и государство — это небольшая книга на большую тему. Я начал писать ее в Бишкеке (Кыргызстан), где живу с 2002 года. В действительности, ее можно считать прямым продолжением моей первой книги о гражданском обществе в Центральной Азии, в конце работы, над которой я осознал необходимость подробнее изучить роль России в регионе². Итак, я решил сфокусироваться на Центральной Азии, Урале и Сибири, и начал собирать материал. Книга стала для меня своего рода попутчиком, и первые записи для нее были сделаны в Оше, Душанбе, Алматы, Лондоне, Москве, Перми, Екатеринбурге, Новосибирске, Иркутске... В результате сформировалась своеобразная рефлексия, попытка обзора многолетнего изучения русского языка и культуры, советского социализма и постсоветского периода. Так возник ряд «кейсов» или «интерпретаций», которые занимают ключевую позицию во всех главах книги.

Первый аргумент, или предпосылка книги, заключается в том, что традиция прогрессивного развития России потерпела поражение с триумфом политики либерализации и приватизации после распада СССР. Моя книга не является попыткой описать первые годы перестройки или политические битвы в начале 1990-х годов, поскольку множество лучше информированных аналитиков уже осветили эту тему в полном объеме. Как и многие, я надеялся на успешные результаты новой политики, но на самом деле увидел больше негативных последствий «обратного развития» для широких слоев населения: разрушение системы занятости и социальной защиты, появление новых элит, новые конфликты между странами и людьми.

Стоит подчеркнуть, что, хотя моя книга и посвящена развитию, в ней не рассматриваются отношения России с Западом или сравнения с США и Европой по показателям развития (демократия, ВВП, экономическая конкурентоспособность и т.д.). Аргумент о важности исторического подхода к вопросам о развитии постепенно увел меня от обычных «синхронных» сравнений и от того, что мы иногда называем «лиги успеха», в сторону более долгосрочного взгляда.

В моем акценте на южных и восточных просторах Российской Империи, СССР и независимых государствах региона после 1991 года, строится другой аргумент — о последствиях современных процессов глобализации. Так,

2. C. Buxton, *The Struggle for Civil Society in Central Asia: Crisis and Transformation*, Kumarian, USA, 2011.

в советское время стратегия развития основывалась на тесной интеграции всего региона при координации Коммунистической партии и плановиков в Москве. Периферия Советского Союза была включена в единую модель развития, которая до некоторой степени стирала различия между республиками и ускоряла развитие более бедных регионов по сравнению с богатыми. В книге показано, что после 1991 года сложилась другая ситуация, при которой отдаленные регионы не имеют таких инвестиций или политического приоритета. В лучшем случае они являются источниками сырья (нефти, газа, древесины, золота и т.д.), а в худшем случае — «хрупкими государствами», представляющими угрозу безопасности для собственного населения и соседних с ними государств. Центр и периферия — это мир несправедливого развития, в котором одни регионы или страны обретают доминирующее положение за счет других.

Еще один аргумент заключается в том, что со временем люди начинают сопротивляться все более активно. Это происходит не везде и нелегко. Население региона довольно долгое время оставалось в недоумении и депрессии после захвата политической и экономической власти группами инсайдеров в начале 1990 годов, что привело к массовому разочарованию в демократии. Тем не менее многие граждане сейчас не видят иного выхода, кроме как проведение кампаний за свободные выборы, оспаривание результатов несправедливой приватизации, противодействие новым монополиям, контролирующим основные услуги, или требуя от национальных правительств применения более жестких мер для сдерживания цен и создания рабочих мест. Гражданское общество активно участвует в этой повестке по всему региону, где ему предоставляется пространство для организации и свободного выражения своих взглядов.

Структура книги

Книга состоит из трех частей. В первой части рассматривается наследие царского, советского и постсоветского периодов для развития. В первой главе последствия переходного периода рассматриваются в контексте истории капитализма и гражданского общества до 1917 года и после советского коллапса. Во второй главе я рассказываю о модели развития при ведущей роли государства, установленной в СССР. Третья глава переносит нас на восток и юг и рассказывает о колониализме и советском подходе к решению национального вопроса.

Во второй части книги мы посетим регионы бывшего Советского Союза и рассмотрим борьбу за развитие. В четвертой главе рассказывается о политической и гражданской мобилизации в Центральной Азии в советский и постсоветский периоды на примерах женского движения и цветных революций. Пятая глава посвящена децентрализации государственного управления и роли гражданского общества в Российской Федерации. В шестой главе мы возвращаемся в Центральную Азию и кратко описываем политические и экономические вызовы в современном Таджикистане, а также важный ныне фактор массовой миграции в Москву и другие города России. В седьмой главе говорится о развитии НПО и новых политических и социальных движениях в России в начале 2010-х годов.

В третьей, заключительной части книги, проблемы развития России рассматриваются в современном международном контексте. И снова в центре внимания находится гражданское общество и его взаимоотношения с государством и бизнесом. В восьмой главе описываются кампании НПО за демократизацию и подотчетность, приводятся примеры из местного, национального и глобального уровней. В девятой главе предпринята попытка определить современную модель развития России как члена группы БРИК, не игнорируя последствия международных конфликтов и ограничений, наложенных на гражданское общество в последние годы.

Источники при написании книги были очень разными. Я максимально использовал современные российские материалы, большинство из которых были получены из независимых источников и анализов гражданского общества. Книга не является попыткой провести полный теоретический или политический анализ поднимаемых в ней сложных вопросов; таким образом, не было приоритетом в ней ссылаться на работы самих известных экспертов (как англоязычных, так и русских). Но в моей «мозаичной картинке» я постарался сохранять какой-то баланс. То есть я беру из письменных источников то, что мне интересно и нужно, и комментирую кратко, оставляя за читателем право соглашаться со мной или нет. Где речь идет о моем собственном опыте работы и погружении в регион, там выражается мой профессиональный взгляд. В то же время, я надеюсь, что мои иногда мелкомасштабные кейсы помогут студентам и активистам определить для себя темы, которые им стоит подробнее изучить. Короче, в книге поднимается множество вопросов, на которые у меня нет полного ответа.

Моя книга была опубликована на английском языке в конце 2014 года. Что касается издания на русском языке, мне пришлось внимательно отредактировать текст, уточнить некоторые комментарии и выводы и убрать ненужные русскоязычным читателям детали. Русский текст включает ряд разделов, озаглавленных «интерпретация» или «кейс». Под «интерпретацией» я подразумеваю изложение и обсуждение важной исторической, политической темы или темы развития, обычно со ссылкой на определенного

автора или школу мысли. Тематика «кейсов» отличается – это описательные или повествовательные примеры, посвященные ключевому вопросу, и опять же, их источники указаны. Эти разделы призваны усилить мой собственный анализ и описание моего собственного опыта – и они играют очень важную роль в развитии основных аргументов, представленных в книге. Для большей ясности каждая глава разделена на 3-4 подраздела. Также имеется небольшое количество врезок с важнейшей статистической информацией для развития в регионе. Сноски дают дополнительные пояснения к ключевым моментам текста, и именно в моих сносках читатель найдет источники и библиографические ссылки для дальнейшего чтения.

Никакие содержательные разделы книги не были потеряны или изменены – с одним исключением. На финальном этапе подготовки английской версии книги в 2013–2014 годах у меня появилась возможность лично наблюдать за событиями на Украине, но было уже поздно писать об этом в английской версии. В русском издании я решил это делать, поскольку ухудшение международной обстановки неизбежно сказывается на регионах, на которых фокусируется моя книга. Мой взгляд на стоящие перед Россией проблемы развития и роль гражданского общества в регионе никоим образом не изменился после драматических событий последнего времени. Вызовы развитию, описанные в этой книге, остаются прежними; во многих случаях их положение ухудшилось.

Часть 1. Наследие

Глава 1.

Гражданское общество, капитализм и развитие в России

1. Возвращение к переходному периоду

Изнуренный напряженной работой на протяжении 12 лет в быстро развивающихся неправительственных организациях (НПО) в Ист-Энде Лондона, летом 1995 года я получил работу в другой неправительственной организации – Voluntary Services Overseas («Добровольная служба за рубежом»). VSO является крупнейшей в Великобритании международной волонтерской организацией. Она была основана в 1950-х годах для оказания помощи новым независимым развивающимся странам, главным образом бывшим британским колониям, в поддержании и развитии их экономики, услуг здравоохранения и образования. В первые годы большинство волонтеров VSO были молодыми людьми, только что закончившими университет. Волонтеров размещали у работодателей в принимающих странах сроком на два года, им предоставлялось бесплатное жилье и оклад по местным меркам. Основной целью был обмен навыками с местными коллегами для улучшения работы принимающей организации.

Я занимал должность регионального менеджера программ VSO в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Находясь в Лондоне, я работал с небольшой командой, изучая возможности для распределения волонтеров, отбирая и обучая их для работы на местах, а также помогая волонтерам во время их пребывания за границей. Так я получил неожиданную возможность в совершенно ином качестве вернуться в регион, с которым я был знаком 15 лет назад. В начале 1990-х годов VSO была запущена программа под названием East European Partnership («Восточноевропейское партнерство»). Я отвечал за регион, в который входили Российская Федерация, а также ряд стран Центральной и Восточной Европы: Венгрия, Чехия, Словакия, Польша, – и бывшие советские республики: Литва, Латвия и Казахстан. В последующие шесть лет я объездил весь регион вдоль и поперек, от Будапешта до Риги, от Москвы до Алматы, занимаясь исследованиями, отбором, запуском и мониторингом различных проектов по обучению английскому языку, развитию малого бизнеса, здравоохранению, социальной работе и развитию НПО.

Будучи знаком с крупными городами России, какими они были в конце 1970-х годов, я был шокирован происходившими в середине 1990-х годов переменами. Я начал вести дневник, в котором описывал свои наблюдения и чувства: удивление от того, что мне удаётся посетить когда-то закрытые города, такие как Горький, ныне Нижний Новгород, и уральские города; депрессию от заброшенных колхозных полей и закрытых заводов, разбросанного мусора в городах и проросшей сквозь брусчатку травы; шок при виде стариков, попрошайничающих на улицах; отвращение к новой, грубой рекламе 1990-х годов. В целом – изумление от темпов происходивших изменений. Например, мое поколение левых активистов выступало против радикализма Тэтчер, предусматривавшего приватизацию 15% британской экономики в течение 15 лет, но россияне приватизировали 60% своей экономики всего за пять лет...

Основным донором программы VSO был Фонд «Ноу-хау», созданный консервативным правительством Джона Мейджора, объединивший сотрудников и ресурсы департаментов для развития, с одной стороны, и для торговли и промышленности – с другой. Главной целью Фонда являлось содействие политическому плюрализму и рыночной экономике. Мои прямые работодатели «Восточноевропейское партнерство» (ЕЕП) были полуавтономным подразделением VSO, работавшим в рамках новой стратегии «перехода», продвигаемой донорами и международными агентствами развития. Ожидалось, что переход произойдет намного быстрее и проще, чем процесс социально-экономического развития в более бедных странах мира. Одной из самых ранних инициатив ЕЕП был сбор и направление социальных работников и учителей в детские дома Румынии для оказания им временной помощи после падения режима Чаушеску. Большое количество преподавателей английского языка было направлено ЕЕП в университеты и педагогические колледжи Восточной Европы в первые годы после падения Берлинской стены.

Как в VSO, так в ЕЕП волонтеры из западных стран проходили процесс первоначального найма и подготовки, после которого мы предоставляли их резюме потенциальным работодателям в принимающих странах. После подписания договора с работодателем мы отправили волонтеров в регион и дистанционно поддерживали до конца их контракта. Цели «командировки» рассматривались подробно до отъезда волонтера. В общем речь шла об обмене навыками и о совместном освоении новых методов работы, о поддержке в национальных реформах и государственных программах в странах региона. Волонтеры ЕЕП были, как правило, в возрасте 30–50 лет и обладали высокой профессиональной квалификацией и опытом. В соответствии с концепцией ускоренных темпов «перехода», большинство их жили и работали только год в регионе – в отличие от VSO, где самый короткий контракт был на два года.

В рамках нашей программы постепенно развивались компетенции в двух основных областях: 1) содействие гражданскому обществу, поддержка местных НПО и национальных программ волонтерства; 2) развитие государственных социальных услуг, в том числе переход от долгосрочной институциональной помощи к общинным учреждениям, и продвижение междисциплинарных и ориентированных на клиента подходов. Что касается географического охвата, в России рамочные договоры были прописаны с властями на Поволжье и в Уральском регионе, а также в городе Москве и в Московской области. На Урале это были Пермская, Свердловская и Челябинская области.

Реалии переходного периода. Сам термин «переход» рано стал раздражать людей, включая партнеров VSO. Я слышал об этом от одного местного эксперта во время своего первого визита в Москву: переход куда? Мы не понимаем... И почему все разваливается? Подобные настроения можно было услышать по всему региону в 1990-х годах в каждом поезде, зале ожидания аэропорта, магазине или на семинаре во время кофе-брейка. На исходе декады наиболее объективные аналитики признали, что это была катастрофа, полная пародия на слово «развитие». Для обсуждения этого вопроса и многих связанных с ним противоречий, нам приходится раскрывать некоторые общие процессы и последствия декады 1990-х годов, рассказывая о значении и истории двух ключевых слов в названии этой книги – «капитализм» и «гражданское общество».

В 1990-х годах в России возникла несправедливая форма общества, порожденная поспешными рыночными реформами. Банки рухнули, население потеряло все свои сбережения, миллионы были лишены работы или же сохранили её без оплаты. В результате приватизации жилья криминальные элементы выкидывали стариков из их квартир. Олигархи заработали миллионы. Прибыль от продажи управляющим и другим инсайдерам государственных предприятий по бросовым ценам вывозилась в западные банки и офшорные налоговые гавани. О «диком капитализме» стали говорить наряду с вопросами о «переходе».

Во главе перестройки и гласности стояли либеральные, демократические силы общества, связанные с реформаторами коммунистического режима по всему региону. «Гражданское общество» было лозунгом и знаменем, использовавшимся этими силами в 1980-х и 1990-х годах в борьбе с государством. К сожалению, после падения Берлинской стены в 1989 году и провала путча в России в августе 1991 года рядовые граждане не получили власти в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза. В странах, которые приобрели независимость, политическую власть немедленно захватили новые элиты или старые элиты под новыми именами. Почти повсеместно проходили выборы, чаще всего сопровождавшиеся большими нарушениями и несправедливыми результатами. Возникшие объединения

гражданского общества (мы можем обобщенно называть их НПО) зарегистрировались и сделали много интересного и нового, но они не смогли остановить жесткое перераспределение экономической и политической власти, которое привело к обнищанию и отчуждению большинства³.

Все это стало печальным концом того, что когда-то было очень захватывающим периодом. Новые российские общественные движения, возникшие в период перестройки, вселяли надежду у многих левоориентированных наблюдателей на то, что в СССР сталинизм не совсем разрушил традиции самоорганизации на низовом уровне. Казалось, что есть реальный шанс не только рыночных реформ, но и усиления прогрессивных политических сил в таких сферах, как национальное самовыражение, права женщин, местное самоуправление и другие⁴.

Провал перестройки представляет собой мрачную картину. В этой главе вкратце упоминаются некоторые важные элементы картины для того, чтобы задать такие вопросы: Почему? Как? Кем? Кому? С какими результатами? Отчасти ответ может заключаться в слове «переход», поскольку очевидно, что это было время великих и неопределенных перемен. Многие апологеты случившегося подчеркивали сложность и скорость этих изменений, утверждая, что необходимо было сначала разрушить прежнюю систему, что было сложно предсказать многие ошибки в политике и ее реализации, что коррупция испортила то, что в теории было хорошим планом, или просто: потребуется еще несколько десятилетий, чтобы увидеть положительные результаты таких крупных преобразований. Однако эти аргументы не очень впечатляли жителей региона. Им стало быстро понятно, кто оказался победителем, а кто проигравшим.

Интерпретация: капитализм 1990-х в России как «серая зона». Почему после 1990 года Россия пошла по такому трагическому пути? Почему гражданское общество не сумело сделать его гуманным или заставить его работать в рамках каких-то хороших новых законов? Некоторые проблемы отмечены английским политологом Лейном в раннем описании политических и экономических реформ, начатых Борисом Ельциным⁵. В политической сфере Ельцин и его союзники пришли к власти на основе

3. Один из первых критических анализов нового гражданского общества в регионе можно читать в С. Hann & E. Dunn, *Civil Society: Challenging Western Models*, London, Routledge, 1996.

4. Связь перестройки с более широкими социальными движениями обсуждается в А. Arato, *Social Movements and Civil Society in the Soviet Union*, in J. Sedaitis & J. Butterfield, *Perestroika from Below*, 1991, 197–213.

5. D. Lane (ed.) *Russia in Transition*, Longman, 1995.

отрицания политики Горбачева и его курса (пусть и утопического) на демократический социалистический переход. А после свержения Горбачева они боролись не менее жестко с оппозиционно настроенными коммунистами. Было много разных или противоположных мнений по поводу институтов, которые должны были заменить старые советские партийные и правительственные структуры. Пока президент конфликтовал с парламентом в Москве, несколько регионов Российской Федерации (например, Татарстан, Чечня) угрожали отколоться от Москвы и провозгласить свою независимость, как это уже сделали во второй половине 1991 года 14 бывших советских социалистических республик.

В экономической сфере у команды Ельцина было два основных направления политики: либерализация цен и быстрая приватизация предприятий. В январе 1992 г. был отменен контроль над ценами на 90% товаров, что привело к немедленному росту цен на большинство товаров в 2-3 раза. В результате инфляция уничтожила сбережения населения (которые в советское время были довольно значительными). По некоторым подсчетам, с 1990 по 1992 год доля людей, живущих в бедности, возросла в России почти до 30%. Из-за провала рыночных реформ политическая арена превратилась в ожесточенную борьбу, в которой Ельцин вскоре прибег к использованию своей исполнительной власти, то есть к чрезвычайным мерам без согласия парламента или большинства населения.

В своей книге о «диком востоке» Сергеев подробно описывает криминальные аспекты развития капитализма в посткоммунистической России⁶. Он показывает, как уровень преступности в Советском Союзе начал резко расти с середины 1980-х годов, что было тесно связано с первыми этапами приватизации. В 1987 году началась легализация кооперативов, а ограничения на употребление алкоголя, введенные Горбачевым в конце десятилетия, вынудили этот крупный традиционный бизнес уйти в подполье. Кооперативы использовались для отмывания денег, полученных от продажи расхищенных государственных ресурсов, создавая серую зону вокруг социалистических предприятий, составившую, по оценкам, 5% ВВП в 1988 году. Зарплата в кооперативах в 4-5 раз превышала заработную плату в государственном секторе. Началась борьба за власть и ресурсы между кооперативами, местными властями и «красными директорами» государственных предприятий. Из-за отсутствия ясности в вопросах приватизации и собственности усилилось влияние неформальных элит или мафиозных кругов. На самом деле, многие олигархи (Борис Березовский и другие) уже были «подпольными миллионерами» до процессов приватизации в 1990-е годы.

6. V. M. Sergeev, *The Wild East: Crime and Lawlessness in Post-communist Russia*, M. E. Sharpe, 1998.

Еще одна серая зона сформировалась вокруг законодательства и действия (или неэффективности действия) новых законов. В советское время принимались рамочные законы, излагавшие общий подход, но предусматривавшие последующее принятие нормативных актов органами, расположенными ниже по административной лестнице. С начала 1990-х годов этот процесс был подорван борьбой между президентом, парламентом и конституционным советом. Таким образом, принимались законы, которые не могли быть реализованы.

Третьим фактором стало усиление анархии и противодействия авторитаризму среди населения. Хотя в советское время статистика об уровне преступности хранилась в тайне, во время перестройки оппозиционная пресса широко публиковала ее, уделяя особое внимание истории ГУЛАГа, судебным делам и нарушениям прав человека. Было опубликовано множество воспоминаний заключенных, возродилась традиция «человека из подполья» Достоевского, прославляющая борцов с тоталитаризмом и с дискредитированной ныне «социалистической рациональностью». Это повлияло на мнение общественности и люди сделали для себя вывод, что преступник иногда может быть героем. Либеральная интеллигенция снисходительно относилась к коррупции, утверждая, что при «первичном накоплении капитала» позволено все. Противостоять коррупции было особенно сложно, когда взяточники работали в государственных структурах и одновременно занимались бизнесом, как это часто случалось в России в 1990-х годах (и после).

Далее Сергеев описывает, как лидеры перестройки выдвинули идею «выкупа власти» как способа борьбы с советской номенклатурой. Другими словами, они предлагали партийным бюрократам экономическое положение в обмен на их уход с политической арены. Эта схема уже была «успешно» опробована в Польше и других странах Восточной Европы, то есть без большого кровополития. Но в России произошло по-другому. На VII Съезде народных депутатов России в декабре 1992 года были опубликованы действительно тревожные статистические данные: в том же году в России было убито 17 000 человек. В большинстве случаев эти акты насилия были связаны с разделом нового имущества. Распродажа государственных активов продолжалась, несмотря на сопротивление населения, выраженное на выборах в декабре 1993 года и декабре 1995 года.

Одной из распространенных форм коррупции в начале 1990-х годов стала выдача лицензий на экспорт российского сырья по смехотворно низким ценам. По оценкам, только за январь–март 1992 года из России было незаконно вывезено 10-15 миллиардов долларов США. Особенно прибыльной оказалась серая зона в банковской сфере. К 1993 году банки стали лидерами на рынке в развитии новых форм криминальной капиталистической

практики в России, чему способствовали их тесные связи с чиновниками режима Ельцина.

Население чаще всего оставалось за бортом, рядовым гражданам раздавали ваучеры, чтобы каждый мог получить долю в бывшей советской государственной собственности. Их рыночная цена постепенно упала до 10 долларов США и в среднем каждая семья получила 2-3 ваучера (в зависимости от количества кормильцев в семье). Среднестатистической семье отчаянно не хватало наличности, и многие быстро продавали свои ваучеры. Торговля ваучерами вскоре была переведена в разряд преступлений. Еще одной формой мошенничества, обанкротившей сотни тысяч людей, пытавшихся быстро заработать деньги, стали знаменитые пирамиды Сергея Мавроди и «Властилина». И здесь на сцену вышли те, кто скоро заработали себе дома и за границей ярлык «новые русские» – своим высокомерием и экстравагантным образом жизни. Все это шокировало людей, привыкших к сравнительно эгалитарным правилам поведения в советские времена.

Мы часто говорим о гражданском обществе как об институте, который может мониторить власть или обеспечить ее подотчетность перед населением. Так что возникает вопрос: почему гражданское общество не стало более решительно противостоять олигархам? Почему НПО не смогло создать новый согласованный с народом этический порядок взамен старых механизмов государственного контроля? Дело в том, что новые либеральные или демократические НПО были в зачаточном состоянии с ограниченными ресурсами. Неожиданный, внезапный спад прежде влиятельных организаций и лидеров оставил людей без ориентиров. Сергеев приходит к выводу, что общество не было готово к переменам такого масштаба или, по крайней мере, к темпам, с которыми они происходили. Решение правящей верхушки двигаться вперед с экономическими и политическими реформами без понимания или согласия народа привело к криминализации как государства, так и самого общества.

Несколько ранних волонтерских проектов. ЕЕР открыло свой московский офис в 1995 году. Профессиональная карьера первого директора была несколько схожа с моей, она преподавала русский язык и раньше работала переводчиком в Советском Союзе. Несколько из числа первых волонтеров занимались преподаванием английского языка в университетах и педагогических институтах. Это был огромный новый рынок, в который вскоре проник частный сектор. Один из самых успешных проектов был организован британской неправительственной организацией Opportunity International («Возможности-Интернационал»), запустившей проект «этический микрокредит» в городе Нижний Новгород. Opportunity International имела религиозную направленность как и многие западные миссионеры в России в переходный период. В то время система кредитования была новой для большинства россиян: здесь мы видим попытку научить более

бедные слои населения сберегать и заимствовать финансовые средства. Задним числом мы, наверное, должны критически посмотреть на результаты таких программ. Например, кредиты скоро стали долгосрочной, далеко не переходной, стратегией выживания для бедных групп населения и вряд ли инструментом их развития.

Более многочисленными были проекты ЕЕР в социальном секторе. Один из них находился в двух шагах от знаменитого театра на Таганке в Москве и поддерживал местные инициативы по развитию самопомощи, образованию и занятости молодежи. Как в странах Восточной Европы, так в Российской Федерации британские социальные работники успешно провели работу по созданию новых услуг для людей с инвалидностью, а также по внедрению новых методов терапии при определенных заболеваниях, в частности диабетом и ВИЧ-СПИДом.

Флагманом новых социальных проектов ЕЕР в то время была финансируемая Европейским союзом двухлетняя программа по защите детей в Бауманском районе Москвы. Центром «Озон» руководил коллектив преданных своему делу российских врачей, психологов и социальных работников, которые уже наладили хорошие связи с британскими благотворительными организациями, работавшими в сфере защиты прав детей. Власти города Москвы предоставили средства для переоснащения центра, а финансирование Европейского союза тратилось на разработку новых методов оценки потребностей, работу с клиентами, перевод и печать новых информационных материалов. В то время произошло несколько скандалов в Западной Европе, связанных с насилием в отношении детей, и полицейские эксперты и психологи были приглашены в Москву, чтобы рассказать о мерах по предотвращению случаев жестокого обращения.

Однако у Центра «Озон» были гораздо более широкие задачи, то есть борьба с любым психологическим, эмоциональным или физическим насилием, которому подвергаются дети. Его сотрудники в значительной степени сохранили профессионально-коллегиальные навыки советского периода. Когда я посещал их проект, я часто вспоминал, как в советское время детей называли «единственным привилегированным классом» страны. С одной стороны, была построена мощная инфраструктура яслей, детских садов, школ-интернатов, пионерских лагерей, а с другой – проблемы безнадзорности или насилия в семье редко признавались. К сожалению, в 1990-е годы по мере распада российских семей из-за безработицы и моральных/духовных сомнений проблемы только усиливались.

В России среда для НПО была более сложной, чем в странах Центральной Европы. В течение двух лет этого совместного проекта нам довелось наблюдать, насколько тщательно наши партнеры проводили четкую грань между своими спонсорами из ЕС, с одной стороны, и Комитетом по

образованию города Москвы, с другой. Работа, которую они проводили при поддержке европейских агентств, была неоценимой, но упоминание о «помощи» было политически неприемлемым в стране, которая недавно была сверхдержавой и по многим индикаторам развития вошла в число самых передовых стран мира. Российские НПО, принимавшие гранты от западных стран, рисковали потерять государственное финансирование или возможность бесплатного использования зданий местных органов власти.

2. Бедность, стратегии выживания и роль гражданского общества

Сейчас доступно большое количество литературы о стратегиях выживания, использовавшихся НПО и рядовыми гражданами в России 1990-х годов. Среди первых примеров можно назвать исследования Бриджера и Пайна, где есть анализ нескольких женских групп в Москве, работавших при международной поддержке и пытавшихся найти свои ниши на сильно изменившемся рынке труда⁷.

Городская и сельская бедность резко возросла в 1990-х годах как в самой России, так и в бывших советских республиках, но совершенно по-разному. Исследование, проведенное в России «Институтом экономики города», показывает, что сравнительно крупные города, такие как Москва и Санкт-Петербург, в переходный период испытывали коммерческий строительный бум. Посетители этих двух городов в конце десятилетия действительно часто поражались сверкающим новым офисам и торговым центрам (хотя большинство населения не могло позволить себе покупать товары в магазинах и их едва ли можно было встретить в отелях и бизнес-центрах). Положение в других регионах было хуже, особенно в монопромышленных городах и в отдаленных и климатически неблагоприятных регионах, как например Крайний Север⁸.

7. S. Bridger & F. Pine, *Surviving Post-Socialism: Local Strategies and Regional Responses in Eastern Europe and former Soviet Union*, London, Routledge, 1998. Это было новое понятие – «пост-социализм».

8. Институт экономики города: *Городская бедность в России*, 2004, с. 60–63.

Было ли в 90-е годы легче или труднее выжить в городе, чем в селе? Если посмотреть на уровень доходов, городское население, похоже, было в лучшем положении. Тем не менее исследования расходов домохозяйств отражают иную картину. Например, 90% сельских жителей выращивали на своих приусадебных участках овощи и фрукты, тогда как менее половины городских домохозяйств могли позволить себе то или другое. В 1990-е годы выращивание собственного картофеля стало одной из важнейших стратегий выживания. Общий вывод исследования Института заключался в том, что в конце десятилетия крайняя бедность затронула около трети городского населения России.

Финансируемый ЕС исследовательский проект, проводившийся в то же время, выявил несколько основных факторов риска, приводящих людей к нищете. Во-первых, это инвалидность или тяжелая болезнь кормильца. Во-вторых, это отсутствие доступа к сетям социальной защиты, будь то пособия, получаемые от местных властей или недавно созданных благотворительных организаций (деньги, продукты питания, одежда и т.д.). В-третьих, проблемы, стоявшие перед недавними мигрантами, например, беженцами с Южного Кавказа и Чечни, которые часто приезжали вообще без каких-либо вещей. В-четвертых, развал малого бизнеса⁹. В исследовании отмечается, что многие маргинализированные группы в 1990-е годы были вынуждены использовать неформальные методы теневой экономики. Самозанятые и мелкие торговцы банкротились чаще всего, теряя все свои вложения, как и недавно зарегистрированные малые предприятия. Наконец, у некоторых было по несколько иждивенцев. Но исследователи отметили, что «нормальная» семья с обоими родителями и двумя детьми не является страховкой от социальной исключенности: более половины таких домохозяйств в выборке исследования также были социально исключены.

Кейс: социальная исключенность в Екатеринбурге в 1990-е годы. Большинство волонтеров ЕЕР находились не в Москве, а в Уральском регионе. Летом 1996 года в рамках программы был открыт небольшой офис в Екатеринбурге. Это был момент, когда люди в этом городе начали обращать внимание на тот неудобный факт, что во время гражданской войны царь Николай II и его семья были казнены в находящемся здесь доме: на этом месте только что открыли новый музей и храм. Город расположен на границе между Европой и Азией, поэтому данное тематическое исследование также является небольшими «воротами» в раздел моей книги об Азии.

Во времена холодной войны уральские города были закрыты для людей из западных стран. Приходилось тщательно готовить жизненные условия

9. N. Manning & N. Tikhonova (ed.), *Poverty and Social Exclusion in New Russia*, Ashgate, 2004.

и рабочее место для волонтеров. Большинство работодателей были в государственном секторе: в больницах, поликлиниках, детских домах и аналогичных учреждениях. Среди вызовов, с которыми столкнулись волонтеры при выполнении задач командировки, были: языковой барьер, нехватка нужного оборудования на месте работы, огромные вариации в жизненном опыте, профессиональных знаниях и привычках. В период серьезного сокращения финансирования и множества проблем в семье не все местные сотрудники были убеждены, что обмен опытом – это именно то, что им необходимо. Волонтерам потребовалось время, чтобы проявить себя. Но они получили возможность видеть условия жизни в уральских городах, живя в обычных многоквартирных домах и получая ту же зарплату, что и их российские коллеги.

Интересно сравнить опыт ЕЕР в Екатеринбурге с впечатлениями другого гостя из Великобритании в то же самое время. В своем исследовании об ухудшении положения в городе Фрэнсин Пикап уделяет особое внимание деятельности мафиозных группировок и новой городской элиты. В ее описании преступных группировок в Екатеринбурге можно увидеть, как они были активными не только на улицах, например, контролируя уличные киоски и алкогольный бизнес, азартные игры и проституцию, но у них были гораздо более широкие экономические интересы. Например, группировка «Уралмаш» занималась сбытом цветных металлов с крупнейшего промышленного предприятия в регионе. «Центральная» группировка занималась контрабандой оружия. Нередко сочетались социальные и коммерческие цели. Так, третья группировка создала филиал Союза ветеранов войны в Афганистане, предоставляющий социальную помощь и работу 85 000 бывшим военнослужащим в Свердловской области. Их освободили (как общественную организацию) от налогов и таможенных пошлин, что очень облегчало их торговые операции на городских базарах¹⁰.

В научной литературе о гражданском обществе большое внимание уделяется неформальным группировкам или сетям, наряду с зарегистрированными НПО. Эксперты сходятся во мнении, что во многих странах мира существуют аналогичные серые зоны, расположенные где-то между формальными объединениями, с одной стороны, и неформальными, или «негражданскими» группировками, – с другой. Ярким примером этого являются описанные выше организованные преступные группировки. Почти во всех этих мафиозных группировках можно увидеть черты «Робин Гуда», то есть борьбу определенных социальных или этнических групп против враждебного или несправедливого общества любыми доступными средствами.

10. F. Pickup, *Local Level Responses to Rapid Social Change in a City in the Russian Industrial Urals*, PhD Thesis, 2002.

Гендерные вопросы. В переходный период мужчины и женщины подвергались многочисленным формам эксплуатации условий их жизни. Одной из общих проблем было сокращение государственного бюджета и невыплата заработной платы в тех отраслях, где работало много женщин, таких как образование и здравоохранение, и в промышленных секторах, где преобладала мужская занятость. У мужчин повысилась статистика ранней смертности. У женщин появились новые формы деградации и эксплуатации. О судьбе женщин в центрально-азиатском городе Алматы в 1990-е годы писал Жоман Назпари, акцентируя внимание на сексуальных стратегиях выживания. Насилие и стигма, связанные с этими стратегиями, анализируются наряду с новой потребительской культурой, которая начала распространяться в городах бывшего СССР, и с тем, как, несмотря ни на что, люди пытались придерживаться своей прежней морали¹¹.

В заключительном разделе своего отчета Пикап делает выводы о влиянии меняющейся экономической ситуации на гендерные роли. «Выход государства из семейной жизни привел к пересмотру роли в домохозяйствах. Опрошенные мужчины старались быть добытчиками, но возможности заработать на жизнь у не имевших востребованной на рынке квалификации и со слабыми социальными связями были очень ограничены». Не все мужчины хотели брать на себя новую роль в управлении домохозяйством и поддержания родственных связей. «Женщины взвалили на себя более тяжелое бремя ответственности за семью, работая на нескольких работах, помогая находящимся на иждивении родственникам и участвуя в сетях поддержки. Это затрудняло их участие в более широких, более влиятельных сетях...» В то же время ответственность за зависимых от них родственников могла негативно влиять на отношения между супругами и способствовать дальнейшему уклонению мужчин от ответственности в семье¹².

Таким образом, общество Екатеринбурга состояло из двух отдельных миров. В богатом мире распад Коммунистической партии вкупе с новыми возможностями обогащения привел к быстрым переменам и хрупкому миру. На самой верхушке находились экономические и политические эшелоны, цеплявшиеся за контроль над ресурсами региона; под ними – тонкий слой новых экономических элит, в том числе молодые предприниматели, воспользовавшиеся экономическими реформами. В этот мир постепенно проникали организованные преступные группировки, заключавшие союзы с государственными чиновниками. В конце 1990-х годов становилось все сложнее войти в городскую элиту, так как государство начало восста-

11. J. Nazpary, *Post-Soviet Chaos: Violence and Dispossession in Kazakhstan*, London, Pluto, 2002.

12. F. Pickup, op. cit., 310–314.

навливать контроль над экономикой, и те, кто был на борту, уже сделали все возможное, чтобы исключить новых игроков... В другом мире – в мире большинства людей, политика структурных преобразований не привела к расцвету частного сектора, который, по ожиданиям, должен был стать основой для огромного среднего класса. Чаще всего люди использовали любые имеющиеся у них ресурсы, чтобы оградить себя от изменений, происходивших вокруг них.

Сергеев называет «дилеммой заключенного» некоторые важные моменты мафиозной культуры, захватившей в 1990-е годы большую часть постсоветского пространства. «Дилемма заключенного» возникает, когда два человека, совершивших преступление вместе, отдельно допрашиваются полицией. Проблема здесь в том, что, если задержанный остается верным своему партнеру, он не может знать, что другой вернет ему услугу. Следовательно, во многих или в большинстве случаев допрошенный будет пытаться вести дела со следователем индивидуально. В примере с российским предпринимательством 1990-х годов он чаще всего присоединялся к коррумпированной системе, чтобы не попасть в ловушку. Вина здесь действительно в отдельных лицах, но также и в тех, кто позволил этой новой системе взять верх¹³.

Мне кажется, что эта схема привлекает внимание к одной из основных проблем, с которой организации гражданского общества сталкиваются в современной России: циничная и жестокая корпоративная культура, которая восстала из пепла «дружественного к рабочему классу» государства СССР. На самом деле общественные организации – это не просто конкуренты мафиозных группировок, они один из незаменимых инструментов ослабления влияния последних на общество. Назпари называет НПО и общественные группы «островками морали» в хаотичном, жестоком мире¹⁴.

Большинство людей из западноевропейских стран считали, что падение Берлинской стены явилось прорывом к свободе, которой воспользовались граждане бывшего Советского Союза, создавая НПО и настаивая на демократических реформах. По крайней мере, такая картина была создана в наших СМИ. В действительности многие граждане так и сделали. Однако, к большому сожалению, это движение, каким бы ценным оно не было, не охватило большинства населения бывшего Советского Союза. В частности, можно было бы полагать, что большинство русской интеллигенции, которая так критиковала советскую власть и славилась своими высокими идеалами, гражданственностью и служением людям, будет в первых

13. В. Сергеев, там же, 40–43.

14. J. Nazpary, *op. cit.*, 88–89.

рядах новых общественных организаций. Но так не произошло, и надо вспомнить, что к началу 1990-х термин «интеллигенция» охватывал с социальной, географической и тематической точки зрения очень широкий слой работающего населения. В него входили не только «литературная» или «культурная» интеллигенция Москвы или Ленинграда, но и работники технического и государственного секторов всего СССР: не только в России, но и в таких регионах, как Центральная Азия, Сибирь и Крайний Север, где с 1920-х годов были достигнуты огромные успехи в социальном и культурном развитии. К сожалению, многие члены бывшей советской интеллигенции получили очень мало от переходного периода, если получили что-то вообще.

Это один из «парадоксов» того времени, как отмечает российский социолог Тощенко в его анализе социальных и психологических последствий распада СССР¹⁵. По мнению Тощенко, весьма ограниченное число людей принимало активное участие в социальных и политических преобразованиях, в то время как основная масса технической и гуманитарной интеллигенции осталась в стороне, растерянной и отчаявшейся, попавшей в «ничью землю между прошлым и настоящим». Работая с российскими работодателями и коллегами, волонтеры ЕЕР встретили представителей обеих этих групп: и активных, и отчаянных. Волонтерам, которые были все еще новичками в стране, зачастую было сложно понять или адекватно реагировать на глубину чувств, которые выражали их местные коллеги в отношении перемен в стране.

3. Гражданское общество в России в исторической перспективе

Выше мы рассмотрели несколько драматических и противоречивых аспектов развития России в 1990-е годы. Советский социализм рухнул, или произошла прокапиталистическая революция. Перестройка привела к распаду «народной интеллигенции» советской эпохи и быстрому росту новых гражданских и негражданских групп, сторонников демократии и мафиозных элементов. Политические левые оказали серьезное сопротивление и в 1993 году Ельцин использовал танки против бунтующих депутатов в здании российского парламента. Для укрепления своих позиций

15. Ж. Т. Тощенко, *Парадоксальный человек*. Москва: Гардарики, 2001.

новый режим отчаянно пытался легитимизировать себя новыми законами и старыми досоветскими традициями.

В настоящей книге попытка взглянуть на гражданское общество и развитие в России с исторической точки зрения связана с некоторым отказом от «универсального» подхода, что характерно в сфере международного развития. В такого рода исследованиях сравнивается опыт в одной стране с опытом в других странах (часто выражаемый в «рейтингах»). Однако часто сравнительный анализ не объясняет, почему что-то происходит или не происходит, почему одна страна «добилась большего успеха», чем другая, и не поднимают вопрос о приверженности западным / глобальным моделям¹⁶.

Исторический подход, напротив, зиждется на истории и культуре определенной страны и старается «говорить на ее языке». В России и странах бывшего СССР среди ключевых терминов в любом обсуждении гражданского общества найдем слово «интеллигенция», о которой мы уже стали говорить, и прилагательное «общественное» применительно к людям и организациям в социальной или политической сфере, основанное на коллективной, добровольной социальной деятельности. С начала 2000-х годов вопрос о заимствованных понятиях и моделях все чаще поднимался во время моей работы в Центральной Азии. И в бывшем колониальном регионе, как Центральная Азия, мы видим разностороннюю борьбу за влияние между западными-капиталистическими, российскими-советскими и местными традициями. В этих дебатах язык и терминология имеют большое значение.

Демократическая традиция в России «берет» свои корни из сельских собраний (сходов), которые тысячу лет назад были важным институтом общественной жизни. В Великом Новгороде ключевой этап в развитии демократических структур начался с создания *вече* – или «городского совета», на которых делегаты выносили вопросы с уличных собраний для более широкого обсуждения. Здесь, как и в соседнем Пскове, существовало определенное общественное пространство для обсуждений. Намного позже в XVI–XVII веках были периоды, когда царь предпринимал (строго ограниченные) меры с целью открыть правительство для определенных социальных групп (или «сословий»), таких как бояре (феодалы).

16. Для полного освещения этих вопросов см. С. Салменниemi «Теория гражданского общества и постсоциализм», в П. Романов и Е. Ярская-Смирнова, *Общественное движение в России*, Библиотека Журнала социальной политики, Москва, 2009 и J. Howell & J. Pearce, *Civil Society and Development: A Critical Interrogation*. London: Lynne Rienner Publishers, 2002.

Российские историки спорят о том, насколько эффективными были эти местные или традиционные формы гражданского общества. Так, утверждается, что на деревенском сходе принимались важные решения и достаточно эффективно отражались сложные, многочисленные интересы, но не было никаких четких правил или структуры. Эксперименты по демократическому управлению в Новгороде или Пскове в средние века – интересные явления, но за ними последовало много веков жестокости и деспотизма в делах государства. Как отмечают историки, во «времена смуты» имели место яркие моменты обсуждений и коллективного принятия решений. А между ними чаще всего было «молчаливое» самодержавие¹⁷. В поиске истонных моделей демократии полезно рассмотреть другую важную идею – *народовластие*, или «власть народа», которую мы будем обсуждать дальше.

От «интеллигенции» к «гражданскому обществу»

Термин «интеллигенция» появился в 1860-х годах. Я хорошо помню, как изучал русскую литературу XIX века в университете в Великобритании, где мы узнали о нескольких поколениях русской интеллигенции – писателей, мыслителей и «народных трибунов», связывая каждое поколение с периодом царской реформы или реакции. Так, историки называют восстание декабристов 1825 года первым героическим выступлением представителей прогрессивной интеллигенции, после которого царь Николай I отказался от политических реформ и ограничил доступ к высшему образованию. Два поколения, увековеченные в романе Тургенева «Отцы и дети», вошли в историю как либеральные сторонники Запада, принадлежавшие к поместному дворянству (1840 годы), и упрямые революционеры из новых мелкобуржуазных классов и купцов (разночинцы или «люди разного социального положения» в 1860-е годы). Здесь мы видим ту же связь между развитием гражданского общества и ростом национального буржуазного класса, какую мы видим во многих западных странах. В конце XIX века, когда революционное движение набрало силу, образованные классы оказались под сильным подозрением и надзором со стороны властей, и поэтому быть интеллигентом означало почти то же самое, что и быть революционером или членом тайной секты.

История термина «гражданское общество» гораздо длиннее¹⁸. Однако в России этот термин широко не использовался ни в XIX веке, ни в советский период. Но с начала 1990-х годов он стал предметом широких научных

17. См. анализ Яковенко в его книге о культуре, политике и пропаганде: И.Г. Яковенко, *Политическая субъективность масс*. Москва: Новый Хронограф, 2009, с. 37–63.

18. См. Фергюсона и других социологов и политологов в Великобритании с XVIII века.

исследований и споров, частично вытеснив термин «интеллигенция». По всей России и в постсоветских странах открылись отделы и курсы обучения в университетах, проводились исследования, посвященные гражданскому обществу. Они привнесли современные понятия из социальной, экономической и политической науки в «героическую историю» интеллигенции XIX века, исследуя правовую и институциональную среду для ранних организаций гражданского общества (ОГО) и главные сферы, в которых они работали¹⁹. В отличие от советской школы, которая акцентировалась на непримиримой оппозиции царизму, современная школа делает упор на попытки реформ или сотрудничества с властями. В следующем разделе мы приведем несколько примеров этого.

Великие реформы 1860-х годов. В этот период самым значимым событием стала отмена крепостного права в 1861 году, которой историки в России придают примерно такое же значение в развитии гражданского общества, как кампании за отмену рабства в Великобритании и США²⁰. Отмена крепостного права представляла собой важный этап на пути к капитализму и менее авторитарному правлению в России и была экономически обоснованной. Реформы затронули не менее 23 миллионов частных крепостных, полностью изменив общественные отношения в России. Прежде всего, один класс людей был освобожден от рабского подчинения другому классу. Во-вторых, в первые годы после освобождения все классы и сословия в российском обществе должны были договориться о том, как они будут взаимодействовать друг с другом как работодатели, работники или граждане в будущем. Представители прогрессивной интеллигенции раскритиковали условия отмены крепостного права, утверждая, что они были несправедливо обременительными для крестьянства и, в частности, что предоставленные им земельные наделы были слишком малы. Для борьбы с этой несправедливостью была создана организация «Земля и воля». Сформировалось новое общественное движение «Народничество», и поколение молодых радикалов покинуло российские города и университеты и отправилось работать и агитировать население в деревнях.

Ранние российские благотворительные объединения и их деятельность. В XIX веке государственной системы социального обеспечения в России не существовало, и с середины 1890-х годов этот пробел постепенно заполнялся организациями взаимопомощи. Их деятельность включала

19. Например, Центр исследований гражданского общества при Высшей школе экономики в Москве, Центр социальной политики и гендерных исследований при Саратовском университете.

20. См. тематическое исследование об Обществе борьбы с рабством в книге. С. Tilly & S. Tarrow, *Contentious Politics*, Colorado, Paradigm, 2007, 1–26.

предоставление финансовой или материальной поддержки нуждающимся слоям населения, например, вдовам, сиротам или жертвам несчастных случаев на работе, а также «интеллектуальную помощь» профессиональным группам (например, посредством организации библиотек, концертов, литературных вечеров). К социальным проблемам относились проблемы бездомных, брошенных детей, рост преступности и так далее. Примером комплексного подхода, разработанного некоторыми из них, является Можайская благотворительная ассоциация, целью которой было не просто кормить детей и заботиться о них, но и обучать их рабочим специальностям, находить для них работу, помогать в развитии школьного образования и распределять учебники и учебные материалы. Еще одним примером является Взаимно-благотворительное общество, основанное ведущими деятелями феминистского движения в Санкт-Петербурге в 1895 году. В каком-то смысле оно рассматривалось как традиционный женский клуб, в другом – как механизм для организации широкого спектра благотворительной и общественной деятельности: от дневных яслей до ночных приютов, от кухонь по раздаче супов до образовательных и профессиональных курсов и кампаний по политическому представительству женщин.

В сельской местности особую ценность представляла поддержка земств (местных органов власти, созданных в период реформы 1860-х годов) как в качестве источника дотаций для нуждающихся, так и для обмена опытом оказания социальной помощи. В городских районах ассоциации взаимопомощи помогали работникам и специалистам накапливать средства, чтобы помочь пострадавшим от несчастных случаев на работе оплатить медицинские услуги или пенсии. К началу XX века подобные ассоциации были созданы для писателей, художников, преподавателей высших учебных заведений, школьных учителей, врачей, медсестер, стоматологов, коммерсантов, ремесленников, портных, пекарей и так далее, а члены платили регулярные взносы²¹.

После освобождения крепостных возникла серьезная проблема с заключением новых договоров, на основе которых освобожденные крестьяне могли бы свободно обрабатывать землю. Лев Толстой был одним из 1 700 помогавших в этом процессе «судей», большинство из которых были из числа либеральной или демократической интеллигенции. Как показывает недавнее исследование (Изели, 2009), это был оспариваемый и во многом печальный процесс. Помещики/бывшие хозяева крепостных не были готовы к переговорам с теми, кто находится ниже них на социальной лест-

21. Примеры взяты из работы Л. И. Якобсона «*Может ли государство справиться самостоятельно?*» Отдел исследований гражданского общества, Высшая школа экономики. Москва, 2011.

нице. В свою очередь, крестьяне считали судей ставленниками дворянства и чаще всего были недовольны земельными наделами, выделенными им после отмены крепостного права. В исследовании утверждается, что этот новый институт не просто представлял либеральные интересы, он привел к развитию «общественного пространства» между тремя секторами – обществом, государством и экономикой. В целом, в конце XIX века число благотворительных организаций быстро росло – с 1 690 в 1897 году до 45 000 в 1905 году: общества по сбережению средств и группы взаимопомощи – со 135 в 1898 году до 200 в 1905 году; ассоциации врачей и медицинских работников – со 100 в 1898 г. до 130 в 1905 г. Аналогичная ситуация с другими профессиональными и творческими коллективами²².

4. Капитализм до 1917 и с 1989 года

Переосмысление российской истории охватывает широкий спектр вопросов и, конечно, споры вызывает вопрос: были ли революции 1905 и 1917 годов настолько неизбежными, какими они казались всего несколько десятилетий назад? Могли ли капитализм, элементы парламентского правления и гражданского общества укрепиться и обеспечить адекватные темпы и уровень развития, чтобы удовлетворить население? Был ли в России начала XX века социальный разрыв между аристократией и новым средним классом, владеющим капиталом, с одной стороны, и крошечным, но радикально настроенным рабочим классом и огромными недовольными массами крестьянства, с другой стороны, действительно слишком большим, чтобы его можно было устранить? Похоже, в советское время сами события показали, что никакой другой исход, кроме революции, не был возможен. Но сейчас, под влиянием 1990-х годов, многие утверждают обратное.

В действительности реформы 1860-х годов положили начало гражданской активности нового вида в земствах и других социально ориентированных объединениях. Индустриализация набрала силу, Российская империя продвигалась на восток и юг, чему способствовало развитие железных дорог в конце XIX века, был проведен ряд политических и судебных реформ. Но после убийства Александра II в 1881 году членами партии Народная

22. Цифры из книги: А. В. Кружков, *Проблемы народовластия в России*. Москва, 2005, с. 50–55.

воля, его сын и преемник Александр III отменил реформы, начав новый период репрессий. Чиновники, все еще настроенные на реформы, сопротивлялись как могли, например, пытались защищать органы местного самоуправления. Так, Изли рассказывает о том, что, когда царь урезал полномочия земств и поставил во главе их своих чиновников, местные лидеры организовали «Банкетную кампанию» по случаю 40-й годовщины Великих реформ для продвижения своих политических позиций. Многие сторонники либеральной политики в России позже присоединились к партии кадетов (конституционных демократов)²³.

На международной арене для расширяющейся Российской империи не все складывалось гладко. На рубеже XX века царский режим потерпел крупную неудачу – поражение в войне с Японией, что ускорило русскую революцию 1905 года. В августе того же года царь объявил о создании новой консультативной ассамблеи в ответ на общенациональное восстание, которое было подавлено лишь ценой огромных человеческих жертв. Однако этот орган обеспечивал лишь ограниченную представленность, исключая женщин, рабочих, сельскую бедноту и солдат, и оказался недостаточным для удовлетворения потребностей населения. К концу 1905 года в России действовали в отдаленных регионах империи, где царило двойное угнетение – по социальному и национальному признаку. На самом деле многие из этих регионов уже давно стали домом для изгнанных радикалов, в то время как другие были затронуты революционными движениями, например, пантюркизмом, завезенным из-за границы.

К этому времени начал править новый царь Николай II. Ограниченная политическая власть ассамблеи (Думы), созданной в результате революции 1905 года, показала, во-первых, нежелание царя разделять власть, во-вторых, неопытность новых депутатов и слабую, неактивную социальную базу, которую они представляли. Так, русское крестьянство по-прежнему считало царя своего рода «божеством», а депутаты, представляющие сельские избирательные округа и отдаленные регионы империи, занимали часто позицию просителей милостей.

Петр Столыпин – ключевая фигура в реформах – был как националистом, так и либералом. Цель его реформ заключалась в укреплении самого богатого слоя крестьянства, то есть людей, «экспроприровавших» земли у крестьянских общин и пытавшихся расширить производство и торговлю; отсюда сопротивление крестьянской массы к его реформам. Столыпин

23. R. Easley, *The Emancipation of Serfs in Russia: Peace Arbitrators and the Development of Civil Society*, Routledge, 2009.

также предложил значительные изменения в земствах, которые включали объединение гражданских и административных органов и вытеснение традиционных сословных элементов. Но реформы натолкнулись на сопротивление со стороны царя, сам Столыпин был убит в 1911 году. Таким образом, режим не пошел по пути кардинальных реформ и не превратился, например, в конституционную монархию европейского типа. Потери России в Первой мировой войне спровоцировали революцию 1917 года так же, как большие человеческие потери привели почти к тому же самому в некоторых других европейских странах: например, в Германии и в Венгрии. Большевики воспользовались этой слабостью, захватив власть в октябре 1917 года, о чем позже Ленин написал: «Наша отсталость двинула нас вперед».

Развитие демократии в 1990-х годах. Перенесемся в 1990-е годы – в другое время «великой смуты» и дезориентации России, которая перевернула надежды тех, кто на протяжении стольких лет рассматривал перспективы социалистической революции в капиталистических странах. Главные события «прокапиталистической революции» – это уже много раз пересказанная история. Бурный съезд народных депутатов, на котором Ельцин публично унижал Горбачева. Ельцин стоит на танке и бросает вызов военному путчу в 1991 году. Ельцин обстреливает Белый дом в 1993 году, его сомнительные победы на выборах над коммунистами в 1990-х годах. Неудачная попытка парламента объявить импичмент президенту летом 1998 года. Назначение Путина премьер-министром в 1999 году...

Здесь будут отмечены только три момента, связанные с развивающейся политической моделью России. Во-первых, за декаду 1990-х годов центр значительно ослаб в своей работе с регионами (т.е. 89 федеральных «субъектов» или административных единиц в России). Как мы увидим в следующих главах, российские регионы воспользовались анархией и серыми зонами в центре, чтобы получить некоторую автономию при разработке политики и распределении ресурсов. Во-вторых, поскольку не только СССР, но и сама Российская Федерация начали распадаться, именно Ельцин инициировал процесс возвращения к централизованной системе, стремясь укрепить исполнительную власть президента над законодательной властью (Съездом народных депутатов, впоследствии – Думой).

В-третьих, какими бы несовершенными или коррумпированными ни были политические договоренности, достигнутые в 1990-х годах, внутри и за пределами парламента шла активная политическая борьба между четырьмя основными группировками: 1) Ельциным, Гайдаром и неолиберальными, или капиталистическими «большевиками», как их иногда называли; 2) левой оппозицией, представленной в Думе Зюгановым и Коммунистической партией; 3) националистами во главе с либеральной партией Жириновского; и 4) различными оппозиционными партиями (например, левоцентристским «Яблоком» и правоцентристским «Союзом правых сил» в начале

2000-х годов), которые были менее успешными на выборах. В целом, россияне пытались использовать свои новые свободы, и явка избирателей на общенациональных выборах почти всегда была достаточно высокой.

В России к слову «демократия» относятся с предубеждением, как и к выражению «переходный период». Аргумент, который обычно приводят возражающие, заключается в том, что этот термин для населения бывшего СССР в 1990-х годах был в значительной степени лишен первичного значения. Как «демократия» может грабить население, лишить стольких прав, снизить их уровень жизни, разрушить их надежды на будущее? Отсюда и протесты на улицах во главе с профсоюзами и политическими партиями от крайне правых до радикальных левых, и одна волна забастовок за другой в 1990-х годах. В качестве альтернативы большое число людей просто отказались от участия в общественной жизни, покончили жизнь самоубийством или стали употреблять алкоголь и наркотики, либо, как мы уже видели, примкнули к асоциальным группам.

Интерпретация: Капитализм издание 1, издание 2. Апологеты переходного периода оказались безнадежными оптимистами. Провал стратегии Ельцина в России 1990-х годов давно стал одним из главных аргументов тех, кто выступает против шоковой терапии и нерегулируемого рыночного капитализма – «анархо-капитализма», как их называет Грей²⁴. Оппозиция внутри России была упорной, но не смогла остановить процесс реформ.

А есть ли общие черты у русского капитализма в те два периода, которые мы рассматривали в этой главе? Интересно рассмотреть недавние сравнительные анализы в журналах «*Левая политика*» или «*Альтернативы*», в которых показаны сходства и различия между экономической и социальной базой русского капитализма во время двух основных периодов его дореволюционного роста (1890-е годы и 1907–1914-е годы), с одной стороны, и недавним (после 2000 года) экономическим ростом в России. Например, во всех этих периодах мы видим зависимость экономической стратегии от сбыта сырья на мировом рынке и доминирование государственной бюрократии в экономических вопросах. Общие факторы включают также низкий уровень жизни большинства населения и комплекс неполноценности, продемонстрированный многими представителями культурной и политической элиты России по отношению к западным странам²⁵.

Но между «Капитализмом: издание 1» и «Капитализмом: издание 2» существуют также значительные различия. В настоящее время Россия

24. J. Gray, *False Dawn - the Delusions of Global Capitalism*, London, Granta, 2002, 133–65.

25. Б. Кагарлицкий, А. Тарасов. «*Второе издание капитализма в России*»: *Левая политика*, 2008, № 7–8, с. 33–68.

является промышленно развитой страной с преимущественно городским образованным стареющим населением; это современное общество с высоким уровнем технологических навыков. В начале XX века промышленный пролетариат составлял незначительное меньшинство, окруженное мелкой буржуазией и крестьянскими массами. Сегодня рабочий класс намного больше и более разнороден. Между большинством населения и правящей элитой происходят конфликты по ряду вопросов, многие из которых не только из-за классовой принадлежности.

Иногда к переходному периоду применяется термин «возрождение капитализма», он подразумевает возврат к предыдущей модели, что, по утверждению авторов статей в журнале *«Левая политика»*, невозможно. В действительности были попытки «вернуть время вспять», например, споры о достоинствах монархизма, реституция собственности, принадлежавшей частным владельцам до 1917 года, восстановление в обществе доминирующей роли Русской православной церкви. Однако, по их мнению, эти инициативы не являются центральными для новой формы капитализма в России, которая слишком сильно изменилась в экономическом, социальном и политическом отношении. И чтобы изучить эти изменения, нам следует взглянуть на развитие страны в советский период – это тема следующей главы.

Глава 2. Государство и развитие в советский период

1. Современные дебаты о развитии

«Развитие» является центральным понятием в социальной, политической и экономической науке, особенно в любых дискуссиях о современности, но в то же время это понятие довольно оспариваемое. Например, мы уже видели в первой главе, что есть периоды, когда оно принимает противоположное направление и страна откатывается назад. В любой стране могут быть интересные связи и сходства между разными этапами ее развития, как и большие контрасты. Если под развитием России мы подразумеваем процесс перехода от феодального к капиталистическому, индустриальному и постиндустриальному обществу, то этот процесс продолжается в России и на постсоветском пространстве, по крайней мере, на протяжении 400-500 лет с разными темпами.

Все это было довольно сложно проанализировать работникам в программах международного развития в начале 1990-х годов. На самом деле, отсутствие анализа исторических факторов в то время трудно понять. Вопросы о сравнении или конвергенции коммунизма с капитализмом обсуждались уже давно в академических институтах и университетах. Споры между сторонниками троцкизма и сталинизма о достижениях и ошибках советского периода продолжались в левых организациях. И во время процесса международной «разрядки» можно было четко видеть жесткую и мягкую линии в экономических и торговых отношениях к советскому режиму. Эти вопросы горячо обсуждались в политических и научных кругах до конца 1980-х годов, но, кажется, перестали иметь значительное место в дискуссиях и дебатах о целях, стратегиях и результатах «международного развития» в регионе после 1991 года.

Словом, превалировал краткосрочный подход. Хорошо зарекомендовавшие себя агентства по развитию, такие как VSO, взялись за работу в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе в начале 1990-х годов в качестве эксперимента, чтобы удовлетворить то, что представлялось срочной или гуманитарной потребностью, и потому что для этого появились новые источники финансирования. Потребовалось несколько лет, чтобы более глубоко проанализировать и оценить ситуацию в регионе и определить, чего могут добиться агентства из западных стран.

Дебаты о развитии продолжают регулярно в северных/западных странах-донорах. Критики предостаточно со всех сторон. Одни утверждают, что агентства по развитию работают неэффективно, другие – что освещение проектов помощи на западном телевидении дискредитирует бенефициаров в принимающих странах, третьи, опять же, считают, что деньги на развитие лучше было бы потратить у себя в стране. В то время как представители частного сектора требуют сосредоточиться на торговле или экономическом развитии, оппоненты в секторе НПО отвечают, что экономический рост не может быть единственной целью и вопросы о социальной справедливости или экологии должны учитываться во всех программах. Профсоюзы обеспокоены эксплуатацией дешевой рабочей силы в странах третьего мира, экологи – загрязнением внешней среды, вызванным транснациональными компаниями. В свою очередь, представители бизнеса иногда обвиняют НПО в том, что они преследуют корыстные цели или «строят из себя святых».

Аналогичные споры можно услышать в южных/восточных «слаборазвитых» или «развивающихся» странах. Одни группы населения благодарны за программы по оказанию помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий, другие приветствуют внешнюю поддержку заграничных борцов за права человека или демократию. И наоборот, третьи группы смотрят на процессы развития сквозь призму политики, видя только западный империализм, стремление к военной или политической власти, а в своих собственных обществах – кумовство, подкуп и коррупцию местных элит. НПО обвиняют в том, что они были искусственно навязаны, они «гонимы за грантами», оторваны от тех общин, которые, по их утверждению, они представляют. Эти противоречивые вопросы о международном развитии и помощи регулярно звучат в странах бывшего СССР так же, как и в других странах и континентах.

Ситуация, где «капитализм происходит после социализма», смущала многих, особенно левых, для которых развитие всегда означает противоположное направление. В России требовался широкий процесс переосмысления истории страны, где почти все вопросы и позиции стали открытыми. Например, в недавней книге о реформе местного самоуправления в России, Кордонский отмечает, что структура постсоветской российской государственности на самом деле сохраняет многое от имперских и советских периодов. Язык и концептуальные схемы экспертов до сих пор не могут дать полного, убедительного ответа на вопросы, которые волнуют людей, обсуждающих развитие (или его отсутствие) в стране сегодня. В своей книге он сравнивает административную-территориальную структуру страны, описанную в официальных документах, с ситуацией, совершенно другой, которая существует на самом деле. Его книга показывает, что, независимо от государственной идеологии или постановлений правительства, ответственные лица любого ранга (на уровне региона, города или села) считают подконтрольную единицу своей «вотчиной», а население выступает в роли подчиненных социальных «сословий». И эта

система сословий под индивидуальным правлением имеет очень много схожих черт с Имперской Россией (и с элементами советского строя)²⁶.

Ссылка на книги Кордонского приводится потому, что действительно важно попытаться взглянуть на крупные проблемы – в литературе XX века их называли «проклятыми вопросами» – и постараться найти ответы. В этой книге есть попытка рассмотреть два основных блока вопросов. О первом мы уже говорили: это взгляд на историю и результаты социалистической революции с позиции современных понятий и практик развития. Во-вторых, у меня стал вопрос: как мы должны оценивать опыт развития в условиях «сильного государства» и какие условия создаются для различных классов, социальных групп и гражданского общества в такой системе? Похоже, невозможно не учитывать модель сильного (как говорят, авторитарного) государства и следуют ее изучить, если мы хотим говорить о существующих альтернативах так называемым «либеральным» режимам в западных странах. Примеры стран, прошедших социалистические революции или установивших сильное государство, включают не только Россию и Китай, но и другие страны, пережившие войну, революцию и быстрые социальные перемены и оказавшиеся в оппозиции к либеральной или неолиберальной гегемонии США. У сильного централизованного государства есть много преимуществ и заслуг. Однако без демократических институтов и активного гражданского общества революция и государство столкнутся с проблемами, о которых дальше пойдет речь.

Сторонники и критики развития

В критическом анализе главных течений современного международного развития основные «школы» и позиции представлялись очень ясно. На фоне этих дискуссий легче будет определить наши позиции в отношении развития в России и на постсоветском пространстве²⁷.

«Миссионеры» развития. Для внедрения программ, основанных на понятии «развитие», в течение последних 50 лет было создано множество институтов, управляемых настолько преданным персоналом, что критики их называют современной религией. Основными из этих институтов являются Всемирный банк, Программа развития ООН, Международный валютный фонд и другие международные агентства (секторальные, тематические, географические). Эти агентства отождествляют развитие с «прогрессом», экономическим ростом, общим улучшением уровня жизни людей, то есть чем-то обнадеживающим и позитивным. Это так называемая

26. С. Кордонский, *Россия – Поместная федерация*, Европа, Москва, 2010 и его другие публикации: *Рынки власти, Ресурсное государство*.

27. В этом разделе школы развития группируются так, как описано в книге G. Rist, *The History of Development*, Zed Books, 2008.

Бреттон-Вудская программа. В период до 1991 года марксисты регулярно ставили под сомнение некоторые из их основных установок, аргументируя, что международные институты не готовы провести классовый анализ внешней среды или своих собственных действий или снизить глобальное и национальное структурное неравенство (это была и официальная советская позиция). А социальный и экономический крах в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе после 1990-х со всей очевидностью, на практике, опроверг идею неуклонного повышения уровня жизни (статистику о возрастающем неравенстве в 1990-е годы см. Таблицу 1).

Нео-девелопменталисты. Можно сказать, что многие международные НПО и практикующие специалисты в области развития так же, как и автор этой книги, принадлежащие к этой группе, делали все возможное для содействия и внедрения другого вида развития, например, с усилиями гражданского общества и местных стратегий развития, описываемых в этой книге. Но, по утверждению других наблюдателей (в том числе многих социалистов и националистов в России), программы развития до сих пор оказывали незначительное воздействие из-за дискриминационных мер, применяемых к самым бедным странам и общинам в рамках нынешней глобальной экономической системы. Скептики могут с легкостью сослаться на структуральные проблемы, с которыми столкнулись бедные страны по всему миру, пытаясь достичь Целей развития тысячелетия ООН на 2000–2015 годы.

Глобалисты. С исчезновением СССР, как главного противника мирового капитализма, США и их союзники провозгласили «новый мировой порядок», который Рист иронически называет временем «счастливой глобализации»²⁸. Эти настроения продолжались не очень долго. В конце 1990-х годов произошел последовательный обвал азиатских, российских и латиноамериканских рынков и возникло новое антиглобалистское движение. Кампании в защиту окружающей среды занимают в антиглобалистском движении центральное место, а как раз экологические НПО долгое время были лидерами гражданского общества на постсоветском пространстве. Почему? В Советском Союзе экологический ущерб представлялся правительством как нежелательное, но неизбежное последствие их программ по строительству новых плотин, заводов и дорог. Многие советские граждане были согласны с этими приоритетами, хотя и неохотно. Но сейчас такие аргументы находят гораздо меньше поддержки.

Националисты и «локалисты». Похоже, развитие в своей основной форме предполагает, что западный способ капиталистического производства универсален. Однако далеко не все готовы принять этот аргумент за чистую монету. После краха коммунистического интернационализма в 1991 году эмоциональным и интеллектуальным убежищем для миллионов людей на постсоветском пространстве стал национализм. Многие уже написано о наци-

28. Rist, op. cit., 11–12.

онализме в этом регионе. В своей книге я, не повторяя предыдущие анализы, сделаю акцент на местные стратегии развития (то есть стратегии на субнациональном уровне)²⁹. В попытке иллюстрировать подходы недавних пропагандистов концепции «постразвития», для которых стратегии местного развития занимают центральное место, мы рассмотрим российские общественные движения, стремящиеся к определенной самостоятельности как от государства, так и от международных агентств посредством создания своих собственных политических и социальных сетей, а также сетей взаимопомощи³⁰.

Крах и возрождение. Как отмечается во многих теориях, развитие часто носит волнообразный или циклический характер. Традиционные индикаторы международного развития, представленные в таблице 1, показывают глубокий кризис России и Казахстана в 1990 годы и их медленное восстановление после 2000 года. Для сравнения в таблице приведены данные о Польше, Китае, Индии и США по тем же индикаторам.

Таблица 1. Развитие в России, соседних, дружеских и конкурирующих странах в переходный период

Страна	1990		2000		2011	
	ВВП ³¹	ИЧР ³²	ВВП	ИЧР	ВВП	ИЧР (2010)
Российская Федерация	8 028	0.735	6 825	0.722	22 799	0.781
Республика Польша	6 170	0.718	10 677	0.790	22 828	0.840
Республика Казахстан	8 265	0.690	7 734	0.685	20 780	0.764
Китайская Народная Республика	982	0.499	2 920	0.588	10 300	0.699
Республика Индия	1 201	0.429	2 096	0.495	4 494	0.579
Соединённые Штаты Америки	23 888	0.865	36 335	0.886	49 882	0.916

Источник: Всемирный банк, ПРООН

29. Другими словами, «локализм», или местничество.

30. Rist, op. cit. 256–261.

31. ВВП на душу населения, ППС (в текущих международных долларах) - Российская Федерация. Всемирный Банк. Ссылка: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?locale=ru&locations=RU>.

32. Human Development Reports 2022, UNDP. Ссылка: <http://hdr.undp.org/en/countries>.

Примечания

1. Разница в доходах показана как валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения, скорректированный с использованием «паритета покупательной способности» (ППС).
2. Индекс человеческого развития (ИЧР) объединяет различные факторы, включающие состояние здоровья, уровень смертности, образования, занятости, пол и т.д. для более глубокой оценки.
3. Таблица показывает, что в России и Казахстане показатели ВВП на душу населения и ИЧР упали в 1990-е годы, тогда как в других странах эти индикаторы значительно повысились.
4. К 2011 году Россия почти догнала Польшу по уровню доходов на душу населения. В период 1990-2011 гг. уровень доходов на душу населения в России и Казахстане почти утроился (в 2.8 и 2.5 раза соответственно). В Индии он утроился (в 3.7 раза), а в Китае увеличился более чем в десять раз. Китай также лидирует в темпах увеличения ИЧР.
5. В 2000 году доход на душу населения в США был пять раз выше, чем в России, а в 2011 году разница уменьшалась значительно, что говорит о том, что начинает работать «стратегия догоняющего развития» в России.

Хотя мой анализ основывается на диахроническом (историческом) анализе, не исключаю, что такие синхронические сравнения тоже о чем-то говорят.

2. Стратегия развития советского государства

Советский период можно охарактеризовать как попытку «отказа» от капиталистической системы. Захват власти большевиками в ноябре 1917 года быстро привел к национализации земли и экономики, хотя элементы частного предпринимательства остались, и иностранные инвестиции продолжали играть немаловажную роль. Гражданская война охватила всю страну, и несколько регионов на западе (например, в Украине и странах Балтии) были потеряны; они стали ценой, уплаченной новым социалистическим режимом за выход из Первой мировой войны. Попытки большевиков и левых сил в других странах разжечь революции в самых развитых странах постепенно сошли на нет. Итак, в конце 1920-х годов страна советов начала эксперимент с социализмом в одной стране, в которой центральное место отводилось роли государства. Далее мы вкратце рассматриваем некоторые стратегические вопросы того времени.

Некоторые споры по поводу развития в советский период

Большевики против меньшевиков. Легко рассматривать события советского периода (как и саму революцию 1917 года) как нечто неизбежное, будь то из-за характера большевистской партии (с ее «железной дисциплиной и решительностью») или «отсталости» России на рубеже XX века. На самом деле все было не так просто, и в этот период происходили многосторонние серьезные дебаты о стратегии развития в радикальном или революционном лагере. Хорошо известно, что, находясь в изгнании в Европе, Ленин постоянно противостоял ревизионизму таких европейских социалистов, как Карл Каутский и Роза Люксембург. Внутри России большевики рассматривали индустриализацию как единственный способ преодоления отсталости, вопреки широко распространенному мнению (во главе с народниками), что основой для социализма может стать коллективная природа крестьянской общины. Ленин считал эту точку зрения романтической иллюзией, указывая на новые заводы, уже построенные в России за счет инвестиций Германии и других европейских стран, на расширение железнодорожной сети и в целом на первые шаги в экономической модернизации, которые уже наблюдались в России в конце XIX века. Наряду с новыми заводами и индустриализацией, какую ведущую роль могла играть российская крестьянская община? Мнение Ленина было однозначно отрицательным.

Споры между большевистскими и меньшевистскими фракциями в Российской социал-демократической партии в первые годы XX века определили основные направления развития России в последующие десятилетия. Большевики выступали за национализацию во имя народа, а затем расширили и превратили ее в стратегию диктатуры пролетариата (который составлял на тот момент небольшой процент населения). Меньшевики, в

свою очередь, считали, что период капиталистического экономического развития плюс создание либерально-демократических институтов были необходимы для создания социальной, экономической и политической базы для социализма (рабочий класс, расширенная система образования, функционирующая представительная демократия и т.д.). Они также выступали за более децентрализованное государство, в том числе передачу власти муниципальным властям³³.

Ленин обвинял меньшевиков в чрезмерной «предопределённости», то есть в том, что они дали классическим марксистским позициям (речь идет об этапах развития от феодализма до капитализма и социализма) затмить революционный потенциал, сформированный на их глазах царским угнетением и рядом разрушительных империалистических войн. Здесь нелегко разобраться: обе стороны приводят много хороших аргументов. Однако распад СССР после 70 с лишним лет социалистического строя и развития в значительной степени поддерживает тех, кто утверждал, что «отказ Ленина дождаться истории» представлял собой своего рода волюнтаризм или авантюризм, хотя и с максимальным соблюдением дисциплины и целеустремленностью партии-авангарда.

Коммунизм и национальное освобождение. В области международных отношений возникли и другие серьезные дилеммы для новой советской власти. Во-первых, стоит ли смотреть на Восток или на Запад. В 1917 году разногласий было немного: большевики ожидали, что пролетарская революция вспыхнет в западных странах, прежде всего в Англии, Франции или Германии. Действительно, капитализм серьезно пошатнулся из-за человеческих потерь в процессе Первой мировой войны и политического стимула Октябрьской революции. Но постепенно он восстановился, подавив восстания и противостояние рабочих по всей Европе. Между тем другая часть коммунистического движения стремилась к национально-демократическим преобразованиям в колониях на Востоке. Коминтерн (Коммунистический интернационал) регулярно пересматривал свою тактику, обсуждая, какое подразделение движения первым достигнет своих целей – пролетарии в западных странах или активисты национально-освободительного движения на Востоке. Какое подразделение поведет, а какое последует за ним? Какие лозунги или действия были приоритетными теперь, когда коммунисты пытались координировать стратегии? Как они могли лучше всего помочь, не мешая друг другу?

33. См. Т. Shanin, *Russia as a "Developing Society"*, Macmillan, 1985 и А. Nove, *Political Economy and Soviet Socialism*, George Allen & Unwin, 1979. Шанин уделяет особое внимание крестьянству, показывая структурные проблемы, с которыми пришлось столкнуться советскому режиму в попытках внедрить социализм, догнать и превзойти развитые капиталистические страны.

Левые и правые тенденции. Почти во всех дебатах раннего советского периода мы видим борьбу между «идеалистами» и «реалистами» и их фракциями в большевистской партии. Поскольку в начале 1920-х годов перспективы всеобщей мировой революции угасли, советская власть становилась все более изолированной. Устойчивый рост движения рабочего класса во многих странах оказывал ограниченную практическую помощь советским лидерам, противостоявшим экономической и военной мощи крупных имперских держав и растущей угрозе нацизма у их порога. Было сделано несколько тактических отступлений, одним из которых стало введение Новой экономической политики (НЭП) с уступками большому и малому бизнесу на советском пространстве. Еще одной уступкой стал более тесный союз большевиков и национально-буржуазных сил на Востоке, к примеру, союз с Кемалем Ататюрком в Турции и Гоминьданом (Чан Кайши) в Китае. По всем этим вопросам шли споры между сторонниками западной стратегии /левым крылом во главе с Троцким и сторонниками восточной стратегии/правым крылом во главе со Сталиным.

Когда в 1929–30 годах началась «вторая (сталинская) революция», направленная на коллективизацию и индустриализацию, начался новый «ультра-левый» период, сопровождавшийся подавлением так называемой правой тенденции (Бухарина и других). Жестокие репрессии против «реакционеров» в партии, а также нападки на кулаков (зажиточных крестьян) во время коллективизации и истерия, возникшая в ходе чисток от любых признаков буржуазных сил, эффективно привели к исключению «правого» курса из публичного обсуждения вплоть до смерти Сталина в 1953 году. Отныне правые – реформистское направление начало медленно, но неуклонно восстанавливаться: от оттепели во время Хрущева, через бюрократическую, но более мягкую политику Косыгина и Брежнева, до Горбачева и зари перестройки.

Все эти споры и дилеммы находят отголоски и аналогии в постсоветском периоде. Мы уже упоминали «большевистских» сторонников капиталистической шоковой терапии, которые игнорировали протесты тех, кто выступал за более постепенные экономические реформы в 1990-е годы. Вопрос о том, должна Россия смотреть в сторону Запада или Востока в построении своих политических и экономических стратегий явно существует и сегодня, и будет рассмотрен в общих чертах в следующих главах. И вопрос о том, каким образом государство должно сотрудничать с рынком, по-прежнему занимает важное место в политике каждой страны Восточной Европы и бывшего Советского Союза, и везде по всему миру это борьба между левыми и правыми.

Международное влияние советской модели развития. Как мы уже отмечали, на протяжении всего периода своего существования советская модель была привлекательной для многих стран по всему миру. Здесь речь идет не только об ожиданиях социалистической революции в Европе в годы сразу

после 1917-го, о создании международного коммунистического движения и ведущей роли КПСС в нём в 1920-х и 1930-х годах. Это и вдохновение и поддержка, которые получали лидеры антиколониальных движений в течение 75 лет XX века от СССР; создание социалистического лагеря в Восточной Европе после победы над Гитлером в 1945 году (хотя уровень согласия населения здесь был гораздо ниже); и обеспечение жизненно важной политической солидарности и экономической поддержки революций в Китае, Вьетнаме и на Кубе с 1950-х по 1970-е годы. Эти успехи на международной арене позволили советской власти продолжать выступать в материалах АПН и других СМИ в качестве лидера социалистического «блока» вплоть до конца 1970-х годов.

После шока от развала СССР такие аспекты истории XX века редко упоминаются в литературе мейнстрима, но они остаются как ключевые аспекты теории и практики международного развития прошлого века и вряд ли будут надолго забыты. Успехи социалистической модели заставили страны западного лагеря принять контрмеры, побудив правительства США и Европы уделять больше внимания своим рабочим классам и колонизированным народам. Социалистическая революция и ее консолидация подняли вопросы, которые имеют большое значение по сей день для критиков нынешней международной системы. Например, как нам решить проблему глубоко укоренившихся властных систем? Как достичь большего равенства внутри стран и между странами? Как нам расширить права и возможности бедных и обездоленных? Как выживать социалистической революции в условиях политической изоляции и экономической блокады? В 1920-х годах большевики выдвинули несколько очень мощных лозунгов, среди них «Коммунизм – это есть советская власть плюс электрификация всей страны» или «сделаем кухарок нашими правителями», и неудивительно, что эти «максималистские» идеи вызвали большой резонанс среди обездоленных по всему миру.

В 1950-х и 1960-х годах среди европейских и американских экспертов, планирующих мировую стратегию постколониализма, очень влиятельной стала теория ступеней развития. Существует мнение, что теория ступеней Ростоу – учебник для не одного поколения стратегий развития – это в некотором смысле «Ленин минус марксизм». Как отмечает Рист, «изобретение развития» после 1945 года началось с плана президента Трумэна в 1949 году. В официальных СМИ дискурс о развитых и развивающихся странах постепенно заменил дискурс о колонизаторах и колонизированных, и новый подход к старым проблемам опирался на анализ «этапов развития» (например, Шумпетера). Ленин в свое время писал об империализме как высшей ступени капитализма. Но новые теории развития обошли неудобные вопросы, такие как экономическая эксплуатация, присущая капитализму, и роль государства в развитии. Первостепенное значение

стало уделяться валовому внутреннему продукту (ВВП) и ужесточилась конкуренция между странами с использованием таких индикаторов³⁴.

Но критики системы международного развития не отступали. Так, теории, основанные на идее «зависимости», делали акцент на неравенстве в сердце мирового экономического и политического уклада – то есть на разделении мира между «центром» и «периферией», и пытались предлагать более равные альтернативы. Мы находим продолжение этих теорий у Валерстайна и Кагарлицкого в описании нового статуса России как второстепенной державы на периферии мирового капитализма³⁵. Попытка Советского Союза вырваться из капиталистической системы использовалась такими лидерами, как Юлиус Ньерере в его философии самообеспечения Африки. Аналогичные идеи о самодостаточности продвигались такими коммунистическими лидерами, как Фидель Кастро на Кубе, Энвер Ходжа в Албании и Чаушеску в Румынии. Страны социалистического лагеря получили огромную политическую и экономическую поддержку от СССР – а каким был результат? Подробный анализ оказываемой Советским Союзом помощи показывает, что ее разработчикам приходилось балансировать между идеологией социализма, с одной стороны, и практическими целями в области развития – с другой. Чаще всего результатом была поддержка своего рода государственного капитализма, а не социалистической революции³⁶.

Похоже, распад Советского Союза опрокинул всю эту стратегию, доказывая правоту тех, кто утверждал, что макроразвитие «сверху-вниз» под руководством всемогущего государства с его видением «светлого будущего» человечеству не удалось. Здесь речь идет не только об идеологах свободного рынка, таких как Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер, которые поддерживали Горбачева в разработке и выполнении его стратегии перестройки, но и о целом ряде других, более поздних мыслителей «постразвития», которые, как отмечалось выше, возлагают свои надежды не на правительство или международные агентства, а на самостоятельные общественные движения, небольшие местные проекты и сети взаимопомощи. Какую позицию занимают официальные российские эксперты по таким вопросам сегодня? Чтобы нивелировать противоречия политического и экономического развития в современной России, очень часто используется термин «модернизация» в отношении и советской,

34. Rist op. cit., 76, 93–104.

35. B. Kagarlitsky, *New Realism, New Barbarism: Socialist Theory in the Era of Globalisation*, Pluto Press, London, 1999.

36. Для описания советской помощи одному из ее главных бенефициаров, новой независимой Индии, см. S. Clarkson, *The Soviet Theory of Development: India and the 3rd World in Marxist-Leninist Scholarship*, University of Toronto Press, 1978.

и постсоветской стратегий (то есть различия двух периодов постепенно сглаживаются). Так, 2-я и 3-я части этой книги посвящены различным аспектам модернизации в переходный период.

Ещё раз стоит отметить трудности независимого, неакадемического анализа таких явлений, как результаты модернизации, переходного периода и международного развития в России. Примерно с середины 2000 годов я начал систематически собирать материалы о Центральной Азии и России (после полного рабочего дня как руководитель своей организации в Бишкеке). Не было ни времени, ни возможностей сидеть в научных библиотеках, и довольно мало было полезной информации по моей теме в книжных магазинах Бишкека или Алматы. В Москве мы начали посещать крупные книжные магазины «Москва», «Библио-Глобус», где можно было найти учебники, журналистику и работы таких популярных обозревателей, как Александра Зиновьева или Сергея Кара-Мурзы. Большим шагом вперёд стал тот момент, когда мы обнаружили магазины «ВШЭ» и «Фаланстер». В первом было много новых научных работ в русском переводе, во втором – всякого рода политических журналов и широкий спектр книг с критическими, альтернативными позициями в отношении вопросов, которые я хотел лучше понять.

3. Результаты советского развития

В следующем разделе мы приводим две недавние попытки анализа политических и экономических аспектов развития под руководством советского государства. Примеры взяты из 1920-х и 1930-х годов, драматично иллюстрирующих стратегии и вызовы развития под руководством государства и роль местных субъектов и организаций гражданского общества в довоенный период. Надо отметить, что примеры никоим образом не претендуют на полный анализ событий и тенденций этого периода, а скорее дают слово некоторым современным экспертам, работающим по интересующим меня темам.

Народовластие, советская власть и партийное правление

В истории русской революции можно найти множество ярких примеров «народовластия», то есть моментов прямой власти «простого народа»³⁷. Одним из ключевых моментов был период с февраля по октябрь 1917 года. За это время сложилось широко известное «двоевластие» – с временным правительством Керенского, с одной стороны, и Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов – с другой. К концу марта 1917 года насчитывалось свыше 500 советов, которые не только выдвигали политические требования рабочих, но и выполняли такие практические функции, как обеспечение общественного порядка и распределение продуктов питания. Это было массовое политическое движение, представлявшее требования широкого круга социальных групп. Хотя режим Александра Керенского оказался не способным ни покончить с разрушительной войной с Германией, ни предотвратить революцию на внутреннем фронте, он добился определенных успехов в развитии демократических систем. Например, летом 1917 года ему удалось провести новую реформу местных органов власти и организовать первые свободные выборы в городские думы.

Еще более важным был созыв Всероссийского Учредительного собрания в том же году. Впервые в российской истории принятые правила проведения собрания дали всем партиям возможность участвовать в тайном голосовании на основе всеобщего избирательного права независимо от пола, национальности или религиозных убеждений избирателя (включая служащих в армии и на флоте). Система голосования предусматривала пропорциональное представительство, а некоторые аспекты были действительно прогрессивными, например, расширение избирательного права на женщин и отсутствие ограничений в зависимости от имущественных прав или от места проживания. Голосование по Учредительному собранию состоялось в середине ноября 1917 года. Большевики получили 22% голосов избирателей, другие социалистические партии – 60,5% (из них 55% голосов были за эсеров), а либерально-демократические партии – 17%.

Однако, как отмечает Кружков, в этот момент политическая практика большевиков стала расходиться с принципами народовластия. Одним из их наиболее важных решений в этот кризисный момент стал отказ от результатов выборов в соответствии с ленинским тезисом «Республика

37. См. А. В. Кружков, *Проблемы народовластия в России*, Москва, 2005. Мне кажется, эта небольшая книга рассказывает о важных моментах опыта демократии и массовых гражданских и политических движениях в России. Народовластие как понятие до сих пор употребляется в прогрессивном социальном дискурсе, и в этом смысле может быть противовесом в отношении понятий политического мейнстрима о гражданском обществе.

Советов выше республики с Учредительным собранием». В январе 1918 года Всероссийским центральным исполнительным комитетом было принято постановление о роспуске Учредительного собрания, которое вскоре было утверждено 3-м Всероссийским съездом Советов. Таким образом, большевики отвернулись от диалога с жизненно важной в предыдущие полвека части российского демократического движения за «сельский коммунизм», представленного в 1917 году социалистами-революционерами (эсеры, Чернов), и продолжили борьбу с меньшевиками³⁸.

Совет – еще одно древнерусское слово – от корня вече («говорить») плюс с («вместе»). По словам Кружкова, советская власть могла бы стать новой формой подлинной демократии, если бы она соответствовала принципам народовластия. Но как орган власти народа советская власть была ослаблена, когда была поставлена на службу диктатуре пролетариата. Для большевиков диктатура пролетариата была «высшей формой демократии» – «в миллион раз демократичнее самой демократичной буржуазной республики». С одной стороны, решения Ленина и руководства большевиков обеспечили выход России из Первой мировой войны и дали старт огромным социальным и экономическим трансформациям. С другой стороны, политическая система страны постепенно попала под господство одной партии, поскольку, как сказал Ленин, диктатура пролетариата «невозможна иначе, как через Коммунистическую партию».

Принятие новой конституции в июле 1918 года и формирование нового правительства – Совета народных комиссаров – стали решающими шагами на пути к диктатуре «с целью полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и введения социализма, при котором не будет разделения на классы и господства государства»³⁹. Жертвами этого процесса стали институты местного самоуправления, постепенно создаваемые на протяжении предыдущих 70 лет вопреки авторитарной реакции царского режима. В декабре 1917 года большевики призвали местные Советы захватить все правительственные учреждения и органы и использовать их для консолидации нового социалистического режима. В феврале 1918 года Народный комиссариат внутренних дел объявил об упразднении городских и сельских земств, распустив тех, кто выступал против нового режима, и призвал тех, кто поддерживал его, подчиниться местным советам.

38. Ленин десятилетиями полемизировал со сторонниками русской деревенской коммуны, утверждая, что последняя никогда не может стать основой для социализма и модернизации в России. Смотрите Robert Bideleux, *Communism and Development, Methuen*, 1985: объясняются аргументы обеих сторон.

39. *Съезды Советов в документах 1917-36*, Т.И.М., 1959, с. 72 (Цитируемое Кружковым.)

В течение следующего десятилетия аналогичная судьба ожидала независимые институты гражданского общества. В начале революции расцвела активность населения. Советский художественный, культурный и научный авангард 1920-х годов хорошо известен всему миру. В то же время в меньшей степени известен тот факт, что местные движения, крестьянские и пролетарские организации играли ключевую роль в мобилизации населения по всей стране. Например, в начале 1920-х годов почти каждое поселение и районное отделение имело свое собственное крестьянское общество взаимопомощи, а Центральное бюро Пролетстуда удовлетворяло потребности студентов в улучшении быта так же, как добровольные объединения до революции. Эти добровольные объединения предлагали альтернативные способы решения социальных проблем, но во время кампании за быструю коллективизацию в начале 1930-х годов и под угрозой подъема фашизма в Германии советские власти засомневались в их долгосрочной полезности и политической надежности их участников. В следующие 10–15 лет независимые гражданские организации были постепенно «национализированы» и вместо них в рамках государственной машины были созданы новые объединения. В конечном итоге из первоначальных групп социальной помощи остались только Фонд Красного Креста и Детский фонд⁴⁰. Более поздние массовые движения, такие как Советский комитет за мир, Союз атеистов или Союз женщин, имели явно коммунистическую идеологию.

Комментарий к тематическому исследованию. Позиция Кружкова свидетельствует о продолжении споров о том, как интерпретировать советский период, в том числе важные элементы его политического наследия. Анализ Кружкова показывает, как трудно достичь или сохранить ключевые аспекты народовластия. Его собственный вывод заключается в том, что советская власть, предложенная Лениным и большевиками, в конечном итоге привела к однопартийному государству. Предполагается, наоборот, что народная власть должна основываться на компромиссах между большинством и меньшинством; она означает равные права для всех граждан, поддержание баланса между различными интересами не только через гражданское общество, но и через государственные органы, в частности, органы местного самоуправления⁴¹. Эта дискуссия представлена в следующем примере, где вызовы определения генеральной линии развития при однопартийной системе правления ярко освещаются.

40. Л. И. Якобсон (ред.) *Справится ли государство в одиночку? О роли НКО в решении социальных проблем. Российские общественные организации и решение социальных проблем: ретроспектива*. Москва: ВШЭ, 2011.

41. Кружков. Там же, с. 14–21.

Экономическая история, уральский регионализм и репрессии 1930-х годов

В этом примере мы смотрим на ситуацию выше – в советской административной иерархии – на уровне областей и регионов, основываясь на исследованиях Харриса по уральскому регионализму в 1920-е и 1930-е годы⁴². Его анализ продолжает тему о местном экономическом развитии, о котором мы начали рассказывать, рассматривая историю освобождения крепостных и роль земств в первой главе. Он иллюстрирует дебаты и конфликты вокруг экономических вопросов, которые были важнейшими в умах большевиков, полагающих, что экономика определяет сознание и все остальные аспекты жизни.

История Урала раскрывает многое о достижениях экономического развития России и человеческих трагедиях, связанных с насильственной индустриализацией страны. Регионализм земского движения в конце XIX века находит свое продолжение в лоббистских усилиях лидеров большевиков на Урале в 1920-е годы. В работах Харриса переосмысливается история, чтобы показать, что, вопреки многим анализам, посвященным структуре и процессам советского государства, решения не принимались полностью централизованно. На самом деле советские лидеры в Москве не смогли бы разрабатывать свои планы для быстрого развития советской промышленности без идей, информации и планов от самих регионов. Решения, действия и руководство на местном уровне имели большое значение. Показаны корни сталинского террора в процессах, приведших к внедрению системы пятилеток, где левая и правая фракции в партии большевиков были настроены друг против друга. В этом примере, как это часто бывает, политика тесно переплетена с экономикой.

Уральский регион стал одним из первых в России, где развивалась тяжелая промышленность со времени петровских реформ. Причина для решения царя запускать развитие черной металлургии была во многом вызвана военной необходимостью. В 1700 году шведы нанесли сокрушительное поражение русским войскам под Нарвой, и Петр ускорил свои планы; за десять лет Урал стал крупным производителем металла. К 1800 году в регионе насчитывалось более 170 металлургических заводов, большинство из которых принадлежали частникам, но частные предприниматели полностью зависели от заказов и поддержки со стороны государства. Это был прибыльный бизнес: пуд железа стоил 10 копеек на Урале и продавался за 65 копеек в Санкт-Петербурге; на заводах работали крепостные. К 1750 году Россия полностью обеспечила свой внутренний рынок и даже смогла

42. J. R. Harris, *The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System*, Ithaca NY, Cornell University Press, 1999.

экспортировать 22 000 тонн железа. Согласно данным Харриса, к концу XVIII века Россия стала крупнейшим производителем металла в мире.

Однако уральская металлургическая промышленность была основана на древесине и отставала от своих конкурентов в других странах и регионах, которые в XIX веке постепенно перешли на уголь. Промышленные магнаты Урала недостаточно быстро реагировали на новые технологии, впервые запущенные в Англии, и мало реинвестировали из своей огромной прибыли. Между тем после освобождения крепостных затраты на рабочую силу выросли на 60–80% и российское государство начало развитие Украины, используя ее обильные запасы угля и железа. Таким образом, создался новый промышленный регион, который со временем стал конкурировать с Уралом. Благодаря развитию железнодорожной системы России при Витте, объемы государственных заказов достигли почти 5 миллионов тонн рельсов, но Урал мог поставлять только одну пятую этого объема. Украинские промышленники использовали свои обильные природные ресурсы и государственные заказы для привлечения иностранных инвестиций, и в общем объеме производства за только 10 лет они вышли на уровень Урала.

В 1920-е годы большевистские лидеры пытались восполнить потери в промышленности, вызванные гражданской войной и устранением владельцев заводов и профессиональных управленцев. Даже во время новой экономической политики многие заводы оставались закрытыми. В своей работе Харрис показывает, как с появлением первого пятилетнего плана возникла возможность восстановить положение Урала. Несмотря на контроль со стороны центра, конкуренция за государственные инвестиции между регионами была высокой (особенно с Украиной). Индустриализация в основном аграрной экономики в такой большой стране и со сложными климатическими условиями создавала много проблем, для которых не существовало простых решений. Левый блок в советском руководстве продвигал накопление капитала посредством увеличения налогов и реквизиции в сельской местности (рискуя вызвать еще большее сопротивление со стороны крестьянства), тогда как Сталин и его сторонники сосредоточились на решениях в промышленном секторе. Характерной чертой экономической системы к тому времени стал принудительный труд граждан, заключенных в тюремные лагеря, которые были разбросаны по всему Уралу и Сибири⁴³.

В конце 1920-х годов многие лидеры из регионов постепенно оказались на стороне Сталина и его союзников из Политбюро. К тому времени у уральского региона было хорошее железнодорожное сообщение с

43. Harris, op. cit., 9–15, 71–93.

Кузнецким угольным бассейном, и почти половина его железной руды теперь производилась в угольных печах. Они с энтузиазмом разработали планы, отражавшие выполнимость и окупаемость за счет увеличения строительства и инвестиций (например, разработка знаменитой «магнитной горы» в Магнитогорске). В Уральском регионе были подготовлены проекты, которые внесли бы значительный вклад в национальный план и в то же время конкурировали бы с Украиной. Для его лоббирования необходимым условием было единство в руководстве, но на самом деле между «революционными оптимистами» и теми, кто опасался, что проект нереалистичен, существовали разногласия⁴⁴.

Когда переговоры по первому пятилетнему плану достигли своего апогея, лидеры центра попытались сократить расходы без снижения темпов индустриализации. Многие эксперты и управленцы воспротивились мерам по сокращению расходов. В конечном итоге это привело к одному из первых политических процессов, так называемому Шахтинскому делу в Украинском угольном бассейне (Донбасс). На пленуме Центрального комитета в апреле 1928 года горных инженеров Донбасса обвинили в задержке инвестиционных программ, препятствовании планированию и направлению ресурсов на неглубокие шахты, требовавшие меньше затрат – все это якобы в попытке вызвать топливный кризис в СССР. Эти обвинения поддержали лидеры из других регионов, стремящиеся показать свою политическую лояльность или получить выгоды для своих собственных промышленных центров.

Вскоре аналогичный скандал разразился на Урале – это дело Уралплатина. И снова выдвигались аргументы о планируемом объеме инвестиций и доходности крупных промышленных проектов. Уральское ОГПУ (финансовая полиция) выявило группу «контрреволюционеров», подрывавших планы. В этом случае геологов обвинили в преднамеренном занижении объемов запасов полезных ископаемых и затягивании разведки новых месторождений, таким образом, ставя под угрозу надежды Урала догнать или перегнать Украину по выполнению плана.

Эти споры отозвались в центре и привели к вмешательству Бухарина, который предупредил об опасности использования завышенных цифр; а затем к кампаниям против «трусости правого уклона», развернутых Сталиным и его сторонниками. Позже в том же году первого секретаря Уральской

44. История развития под руководством советского государства включала использование принудительного труда на шахтах, строительных площадках и новых промышленных проектах. Солженицын, Рой и Жорес Медведевы, и другие начали разоблачать эту темную сторону в 1960-х и 1970-х годах. С началом перестройки анализ принудительного труда углубился, в том числе региональными исследованиями на Урале. См. три тома в серии «История Сталинизма». Москва: РОССНЭП.

региональной партийной организации заменил сторонник более высоких объемов инвестиций и производственных показателей. Многие целевые показатели Урала по первой пятилетке были удвоены. Капитальные вложения в регионе были более чем утроены, что обеспечило будущее уральской промышленности. Во второй пятилетке эта тенденция сохранялась, но условия стали намного жестче: целевые показатели должны были быть достигнуты на 100%...

Осознавая опасность принятия нереалистичных планов, многие в уральском регионе выступали против стахановских кампаний партии за увеличение производства, но их сопротивление было обречено, так как в середине 30-х годов начался период террора. В конечном итоге на первого секретаря Кабакова стали указывать пальцем, но не раньше, чем он обвинил многих своих коллег. В 1937 году Уральский областной комитет был охвачен волнами утечек информации, доносов и признаний о поддельных отчетах о производстве, подрывной политике, завышенных резервах и т.д.⁴⁵ Сталинский режим, столкнувшись с вероятностью войны с Гитлером и падением промышленного производства (частично из-за экономического хаоса, развязанного террором), запаниковал, что привело к еще большему числу арестов и демонстрационных судебных процессов, дискредитировавших всю советскую систему.

Золотой век «реального социализма». В огне сталинских репрессий аргументы в пользу радикальной децентрализации или народовластия исчезли, или ушли в подполье на многие годы. Между тем СССР вышел победителем из войны с Германией под руководством Сталина ценой огромных человеческих жертв. Во время войны страна была оккупирована немецкими войсками от Бреста на польской границе до Сталинграда на Волге, недалеко от того места, где начинаются пустыни и степи Центральной Азии. Новая страница истории открылась колоссальными послевоенными усилиями по физическому восстановлению страны, хотя и без политического ослабления вплоть до смерти Сталина в 1953 году. Почти сразу последовало драматическое разоблачение Хрущевым преступлений Сталина и постепенная «оттепель» в социальной и экономической политике, начавшаяся с середины 1950-х годов.

Это был уже период холодной войны с усилением государственных репрессий против коммунистов в США и решительными усилиями правящих режимов в Европе для того, чтобы остановить политические завоевания, достигнутые левыми в послевоенные годы. В академической сфере и в сфере обучения преобладали правые и антисоветские идеи и

45. Harris, op. cit., 188–90.

подходы, при этом многие научные журналы или исследовательские институты финансировались ЦРУ или его идеологическими союзниками. Общества дружбы, продвигаемые СССР по всему миру, воспроизводили доминировавшие взгляды КПСС. Тех, кто из левых или либеральных лагерей пытался придерживаться дружеских, но независимых взглядов, называли «попутчиками», и они не пользовались большим доверием со стороны правящих кругов с обеих сторон.

В январе 1978 года я прибыл в Москву со своей супругой и маленьким сыном по контракту в качестве переводчика/редактора для советского информационного агентства «Новости». Это было время того, что сейчас иногда называют «золотым веком» «настоящего», или «реального», социализма при Генеральном секретаре ЦК КПСС Брежневе. Мы жили в СССР два года, по январь 1980 года. Это были годы «процветания», как утверждала советская статистика, хотя даже в хорошо обеспеченной Москве стоять в очереди за предметами первой необходимости быстро стало нашим обычным образом жизни. Нам предоставили просторную квартиру в многоэтажном доме в районе Сокольники, и я получал свою ежемесячную зарплату частично в рублях, частично в иностранной валюте. Мы воспользовались некоторыми достижениями в потребительской сфере брежневского периода, например, я купил автомобиль «Жигули», на котором мы ездили не только по Москве, но и к друзьям на дачу и как-то даже в Ленинград, чтобы принять участие в параде по случаю годовщины Октябрьской революции. Другим преимуществом моего контракта были поездки в разные регионы страны во время ежегодных отпусков, которые мы смогли организовать с помощью моих работодателей из «Новостей». Так, мы посетили Киев, элитный советский курорт «Пицунда» на Черном море, Грузию и Азербайджан, Самарканд, Бухару и Ашхабад в Средней Азии.

Каждый день наш отдел «Новостей», находящийся в то время на площади Пушкина, давал сводку ежедневных новостей на нескольких иностранных языках. Тематика была очень широкая – от экономических и политических новостей и аналитических материалов по всей стране до подробного перевода выступлений Брежнева и информации об официальных государственных мероприятиях. В общем, это было время очередной разрядки напряженности с Западом. Советская пресса продолжала свои информационные войны против внутренних диссидентов. В «Новостях» об этом много писали, как и о военной интервенции СССР в поддержку своих светских и коммунистических союзников в Афганистане. В начале 1980 года наши страницы начала заполнять объемная информация о подготовке к Олимпиаде в Москве, но это уже был конец моего контракта.

Спустя двадцать лет после распада СССР во многих странах стали популярными новые исследования социального, культурного и политического

наследия советского времени. Они написаны с разных точек зрения и с разными оценками, нередко противоположными, о результатах советского развития. Например, «Советский век» Моше Левина – масштабное обобщение политической системы СССР «от начала до конца», с которым ни в коем случае не могут сравниться мои короткие записи⁴⁶. В книге Ловелла (гораздо короче в масштабах анализа) приводится перечень преимуществ «реального социализма» в брежневский период, с которым я могу сравнивать свой собственный опыт. Он отмечает, что народ поддерживал советский строй потому, что он представлял собой «сильное распределительное государство и некоторую степень социальной справедливости». После 1945 года жизнь постепенно смягчилась, в результате чего все больше советских граждан осознали свои права на жилье, отпуск, пенсии и так далее. Режим воплощал приверженность «альтернативному пути» модернизации, включая принципиальную критику рыночной экономики, потребительской культуры и либеральной демократии. И все же... в СССР уровень национального развития определялся путём сравнения его с западными странами, и в эпоху Брежнева общество медленно, но, верно, двигалось в направлении потребительства⁴⁷.

Книга Ловелла отражает мнения людей как в России, так и за ее пределами, которым стало ясно, как много было утрачено в 1990-е годы. И это была не только ностальгия, которую испытывали многие группы населения, особенно рабочий класс, государственные служащие и жители географической периферии России; это осознание потери социальных благ, которыми они действительно пользовались в то время. На самом деле, если посмотреть глубже, влияние институтов и реформ советской эпохи все еще ощущается во многих сферах жизни. В Центральной Азии, например, сохранились многие административные процедуры и структуры, а также большая часть правовой системы и секторов здравоохранения и образования, унаследованных от советского периода и перестройки. «Остатки» советского периода раздражают нетерпеливых сторонников неолиберальных реформ, но они во многом предотвратили полный развал стран региона, обеспечивая социальную поддержку, нужные для выживания в самые страшные годы после коллапса политической системы СССР⁴⁸.

46. M. Lewin, *The Soviet Century*, London, Verso, 2005.

47. S. Lovell, *Destination in Doubt: Russia since 1991*. London: Zed Books, 2006.

48. Полезные сведения о влиянии советского развития в Центральной Азии смотрите в S. Akiner (ed.), *Sustainable Development in Central Asia*, Central Asia Research Forum, 1998, O. Roy, *The New Central Asia*, I. B. Tauris, 2000, P. Jones-Luong (ed.), *The Transformation of Central Asia: States and Societies from Soviet Rule to Independence*, Ithaca, Cornell University Press, 2004.

В итоге, что представлял собой советский социализм? Во время своего пребывания в Советском Союзе я работал со множеством документов, в которых разъяснялась разница между структурой общества «производителей», таких как СССР, и общества «потребителей», с которым я был знаком у себя в Англии. Действительно, философия, основанная на интересах производителей, имела много привлекательных моментов – при условии, что она была способна достичь качества этой же продукции и избежать такого же бессмысленного производства товаров, которые мы видим в своём обществе. И преимущества общества, основанного на ценности «труда» (то есть работы и других видов деятельности для социальных нужд на разных уровнях), по сравнению с обществом, построенном на «капитале», принадлежащем немногим и использовавшемся для защиты их привилегий от большинства, также были вполне понятны. В этом смысле у советской социалистической пропаганды был аргумент, который до сих пор не получил адекватного ответа со стороны другого лагеря. Вопрос больше заключался в том, как воплотить аргументы в реальную жизнь.

4. Период после 1991 года: «ремонтные работы»

Решения советского руководства, касающиеся развития отдаленных регионов, в частности, Урала, Сибири или Центральной Азии, принимались в Москве по результатам анализа производственных показателей и политических приоритетов на высоком уровне КПСС и государственных органов. Так, после геологического или технико-экономического исследования могло быть принято решение о строительстве завода вблизи месторождения угля или железной руды. Жилье для рабочих завода согласовывалось в соответствии со стандартами для работников конкретных отраслей, установленными централизованно. Как отмечалось выше, в годы до Второй мировой войны объекты инфраструктуры часто строились с использованием принудительного труда. Но с середины 1950-х годов эта практика постепенно прекратилась и вместо этого стали проводиться кампании массового найма для привлечения добровольцев со всей страны. Первоначально новобранцев размещали в бараках для временных рабочих, которые впоследствии должны были быть заменены (зачастую много лет спустя) многоквартирными домами. Местным исполнительным органам поручалось обеспечить людей жилищными, транспортными и коммунальными услугами. Городки, созданные рядом с ключевым заводом или воинской частью, обычно имели «московское обеспечение» с лучшими удобствами, чем в прилегающих районах, так что люди приезжали издалека за покупками в магазины этих городков.

Советские власти придавали огромное значение развитию промышленности и инфраструктуры. В последние годы экологическое движение критикует многие аспекты этого подхода – от лежащей в его основе философии (агрессивной научно-утилитарной в своем подходе к природным ресурсам) до способа ее реализации⁴⁹. Однако его масштабы и высокая приверженность, а также потенциальные преимущества для рядовых граждан не вызывают сомнений.

А затем страна распалась... Печальная судьба, которая ожидала многих гигантов советской индустриализации в 1990-х годах, уже породила обширную литературу – от глянцевого фотоальбома разваливающегося завода до сатирических описаний неудач ускоренной индустриализации страны. Для тех, кто работает в секторе международного развития в бывшем Советском Союзе, проблемы распада инфраструктуры рано приобрели большое значение. Бедность в бывшем Советском Союзе в 1990-х годах несколько отличалась от бедности в «обычных» бедных странах (то есть в «развивающихся» или колонизированных странах). У бывших советских граждан было довольно много материальных ценностей: теперь они продавали их на тротуарах, на всевозможных базарах или блошиных рынках (от книг до кухонной утвари, электроприборов, мебели или машин), и большие надежды, которые они возлагали в последние годы СССР на потребительское счастье, кажется, уже полностью разбились. А в области инфраструктуры проекты развития обычно не предусматривали рытье колодцев или прокладку линий электропередачи там, где их раньше не было, или строительство новых домов и школ. Они занимались ремонтом или сохранением уже построенных в советское время объектов.

Социальный антрополог Хамфри, рассматривая инфраструктуру как унаследованную от Советского Союза основу социальной жизни, отмечает, что это слово перекликается с марксистским противостоянием между «базисом» и «надстройкой», где экономика является базисом, а политическая и культурная жизнь – надстройкой, которую она поддерживает⁵⁰. Таким образом, инфраструктура имела широкий резонанс в бывшем Советском Союзе как материальная основа всей общественной жизни. Она считалась ключевым условием или индикатором для уровня «цивилизации», которого достигло общество. Советские люди имели твердые убеждения, что инфраструктура городов или сел будет сохранена в рабочем состоянии силами своего государства.

49. См. П. Щедровицкий, *Формула Развития: сборник статей 1987–2005*, Школа культурной политики, 2005. С. 43–9; О Яницкий, *Экологическая культура*. Москва: Наука, 2007, с. 21–7.

50. К. Хамфрис, *Преобразования в азиатской части России в постсоветское время*. Москва: Наталис, 2010, с. 234–52.

Ремонт объектов советской инфраструктуры: взгляд НПО. Но даже социалистическая инфраструктура без нужных инвестиций разваливается, как мы видели в переходный период ... Когда в начале 2000-х годов я покинул VSO и начал работать с ИНТРАК в Центральной Азии⁵¹, оказывая поддержку НПО, бросалось в глаза, как наши партнерские НПО и всевозможные группы сообщества, особенно в сельской местности, постоянно были заняты восстановлением инфраструктуры. То есть старались сохранить объекты советского времени (системы водоснабжения, генераторы электричества) и поддержать социальную среду (мосты, плотины, школьные здания, молодежные клубы), спасая их от разрушения или развала. Для этого они получали небольшие гранты от международных агентств, дополняя их добровольным трудом и помощью в натуральной форме от своих местных властей. Эта система воспроизводилась во всем регионе бывшего СССР, и было много хороших достижений.

Хамфри описывает ситуацию в Улан-Удэ, столице Бурятии, когда одна из двух городских электростанций вышла из строя в особенно суровую зиму 2000–2001 годов. Мы столкнулись с такой же ситуацией в Таджикистане зимой 2008–2009 годов. В Таджикистане на протяжении нескольких лет население жило в таких условиях, когда электричество подавалось всего два–три часа утром и, «если повезет», столько же часов вечером. Хотя в целом климат в Таджикистане мягче, чем в Сибири, температура в январе всегда опускается ниже нуля, а в суровую зиму 2008–2009 годов в течение почти двух месяцев она держалась около минус 20 градусов. Системы центрального отопления в Таджикистане вышли из строя во время гражданской войны 1990-х годов, и большая часть отопления в городах обеспечивалась электрическими плитками или дровяными печами («буржуйками»), которые снова стали использовать в городских квартирах. Жители описывали свои дома как «ледяные гробы», и группы граждан пытались привлечь местные власти к суду за «моральный ущерб» на том основании, что отсутствие базовых услуг лишило возможности жить нормальной человеческой жизнью. Национальная ассоциация потребителей страны осуществляла мониторинг за поставками электроэнергии по всей стране и регулярно выступала с протестами против коммерческих и индивидуальных способов отопления. Но судебные дела и лоббирование со стороны гражданского общества несильно повлияли на общую ситуацию.

51. ИНТРАК (INTRAC) – Международный центр по обучению и исследованиям в сфере НПО, британская организация, работающая в поддержку развития и гражданского общества во всем мире. В 2001–2004 годах программа в пяти бывших советских республиках Центральной Азии поддерживалась Департаментом международного развития правительства Великобритании.

Выше мы отметили, что работающая инфраструктура ассоциировалась у граждан бывшего Советского Союза с относительной стабильностью советского времени. И здесь можно отметить, что ухудшение инфраструктуры после 1991 года часто объяснялась гражданами как следствие неразберихи и коррупции во властных структурах. Так, в своем анализе этих проблем Хамфри приводит пример политического конфликта на высоком уровне между Чубайсом, архитектором неоллиберализма в России и впоследствии руководителем главной энергетической компании страны, и Наздратенко, в то время губернатором Дальневосточного региона. После серьезного спора о платежах и поставках электроэнергии, региональная энергетическая компания просто отключила сервис на всем Дальнем Востоке, вынудив губернатора уйти в отставку.

В Улан-Удэ, как и в Центральной Азии, одной из групп населения, регулярно оплачивающей свои коммунальные счета, являлись пенсионеры (причина, наверное, состояла в том, что отопление для них было вопросом жизни и смерти, поэтому они не могли рисковать быть отрезанными от системы отопления). Другие пользователи электроэнергии находят оправдания неплатежам: «мы получаем зарплату с задержкой», «наши соседи не платят, почему мы должны платить?» и т.д. В более крупных городах России, таких как Иркутск, группы потребителей достаточно сильны, чтобы бросить вызов этой ситуации, но в Улан-Удэ, пишет Хамфри, у соответствующих чиновников были политические связи, и они могли игнорировать жалобы. В Бишкеке, по информации местных газет, многие из самых ярых неплательщиков находятся в частном секторе (это рестораны, магазины и т.д.).

Психологический ремонт и реконструкция «социального капитала». Это другая сторона работы в области развития на низовом уровне. В главе 1 коротко были описаны последствия внезапного обнищания населения региона. Какие меры могли быть предприняты для противодействия таким последствиям? В целом международные агентства развития использовали стратегии и решения, направленные на поддержку коллективных традиций и новых совместных инициатив на уровне общины (так называемого социального капитала). В этом им помогло еще одно последствие человеческого развития в СССР: хорошие организационные навыки среди населения в целом и почти 100%-ная грамотность даже в отдаленных, изолированных сельских районах региона.

В программе ИНТРАК в Центральной Азии была сознательная попытка собрать и опубликовать примеры хорошей практики в проектах на уровне сообщества. Это считалось ключевым элементом работы поддерживающей организации в разработке полезной методологии для местных партнеров. В книгах и пособиях ИНТРАК были представлены многие примеры действий, предпринятых рядовыми гражданами в регионе для оказания «первой помощи», включая создание разного рода НПО и ре-

сурсных центров, работу с микрокредитами и малым бизнесом, общинные проекты по водным ресурсам и меры по предотвращению конфликтов. Несколько факторов успешной работы были описаны в исследовании развития сообществ в Центральной Азии, в том числе изучение политической ситуации в сообществе, внимание к гендерным аспектам проектов, учет влияния и интересов продвигающих работать советских институтов на местном уровне (например колхозы, кооперативы)⁵². В другом отчете о «заполнении» социального капитала в отдаленных, депрессивных городках и селах конкретные рекомендации, приведенные ниже, позволят получить представление о применяемом подходе.

- Постарайтесь понять, что является корнем «пассивности» людей..., могут ли это быть культурные или структурные факторы, такие как бедность, отсутствие информации об их правах?
- Не пренебрегайте местным потенциалом... Например, существующими группами взаимопомощи, семейными связями, неформальными ассоциациями.
- Как преодолеть недоверие: сначала выслушайте людей, постоянно проверяйте реалистичность своих предложений.
- Как вывести людей из замкнутых или оборонительных групповых сетей: содействовать местному волонтерству, ассоциациям родителей, религиозным общинам.
- Как справиться с усиливающимся социально-экономическим неравенством: обеспечить участие людей из различных слоев в семинарах, культурных и других мероприятиях... Организовать обменные визиты между лидерами и активистами в разных местах⁵³.

Социальная дезориентация и изоляция, вызванные массовой безработицей и отсутствием основных муниципальных услуг, привели к значительному увеличению числа самоубийств, а также умерших в результате насилия, употребления алкоголя и наркотиков (в Центральной Азии, как и в России, официальная статистика показывала, что ожидаемая продолжительность жизни мужчин стала ниже 60 лет). В целом над психологическими проблемами агентства по развитию работали косвенно, то есть посредством проектов по инфраструктуре или социальной мобилизации. Однако на конференции

52. L. Earle et al, *Community Development in Central Asia*, INTRAC, 2004.

53. I. Zharkevich, *Examples of Good Practice in Bridging Social Capital*, INTRAC 2010. Примеры были взяты не только из результатов работы ИНТРАК в Центральной Азии, но и других агентств развития, как United Nations Volunteers. Смотрите также J. Giffen et al, *The Development of Civil Society in Central Asia*, INTRAC, 2005.

ИНТРАК по развитию сообществ в 2007 году один из участников из Азербайджана представил интересный пример целостного психологического подхода к очень серьезной проблеме психического здоровья в регионе.

Это было трудное время на Кавказе после этнического конфликта в регионе. Директор Ассоциации психологов Азербайджана описывает, как группа НПО, работающая с обездоленными слоями населения, собралась для обсуждения вопроса о том, как укрепить развитие гражданского общества в стране, охваченной войной, бедностью и безработицей. Их идея основывалась на развитии здоровых граждан, которые затем смогут наладить связи между ранее различными группами, действуя сообща и делясь ресурсами. Гражданское общество «не может быть навязано сверху, а должно расти из сознания людей», – сказали они. «Изменение законов, судов или конституций бесполезно», если сами люди сначала не будут подготовлены к гражданству. По мнению представителей Ассоциации, краткосрочные проекты не приносят устойчивых результатов, а, скорее, держат сообщества в зависимости от внешних факторов – правительства, иностранных экспертов, донорских агентств и старых авторитарных привычек. Люди «считают, что они не смогут повлиять на социальные изменения и условия в их обществе», а дети, растущие в лагерях беженцев, «воспитываются с таким же негативным и угнетательским отношением».

Ассоциация вернулась к теориям российских психологов, которые показали, что идентичность людей развивается в группе, к которой они принадлежат. В сотрудничестве с коллегами-профессионалами из США они разработали долгосрочный проект, который будет поддерживать личностный рост посредством групповой терапии, обучения навыкам и развития «экспертного сообщества», состоящего из психологов, социальных работников, врачей и учителей для работы в междисциплинарной команде с целевыми группами. В 2005 году они инициировали крупнейшую в Азербайджане национальную кампанию по празднованию Всемирного дня психического здоровья, проведя десятки мероприятий по всей стране, в результате чего Всемирная федерация психического здоровья предложила использовать этот подход в качестве модели в других странах региона⁵⁴.

Дополнительные примеры прогрессивных инициатив в области социальной работы приводятся в главе 5. Это был один из нескольких козырей волонтерской программы ЕЕР в Уральском регионе.

54. А. Черемухин «Сообщество, идентичность и социальный капитал», Ассоциация психологов Азербайджана для конференции ИНТРАК по развитию сообществ, Аман, Иордания, 2007.

Постскрипtum: сопротивление левых политических партий шоковой терапии в России

Так что же случилось с Коммунистической партией и рядовыми коммунистами по всей стране после 1991 года? Мы не так много слышали о них на Западе. После провала военного путча в августе того же года сразу была запрещена КПСС и миллионы ее членов покинули партию. Информация о коммунистах и их деятельности практически исчезла, тем более в западных источниках. Потребуется немалые усилия, чтобы восстановить историю дальнейшего развития коммунистических организаций. Вместе с тем уже в 1992 году в компартию объединились три основные группы. Первую группу можно назвать марксистскими реформаторами (ревизионистами), большинство из которых по своей ориентации интернационалисты; вторые были более ортодоксальными марксистами-ленинцами; в то время как третья группа склонялась к русскому национализму⁵⁵.

Практически все вышеперечисленные группы разделяли определенные взгляды. Во-первых, все были согласны с тем, что результат политики Ельцина по приватизации и «шоковой терапии» подтвердил написанное Марксом и Лениным о капитализме как о причине обнищания и деградации человека. Ссылаясь на массовый импорт товаров народного потребления из западных и азиатских стран, а также экспорт российского сырья на Запад, они указывали на сказанное Лениным об опасности превращения России в колониальный форпост западных держав. В-третьих, они считали распад СССР актом предательства Горбачева и Ельцина. В-четвертых, в их публичных заявлениях стала видна позиция, что именно Коммунистическая партия есть единственный истинный «патриот» страны.

В то время существовало значительное разделение между теми, кто поддерживал восстановление коммунистической партии, действующей на всем постсоветском пространстве, и теми, кто выступал за новую российскую партию. Победили националисты. Их лидер Зюганов с самого начала выступал за установление «чрезвычайного положения в стране» и за наведение мостов с другими националистическими силами внутри страны. Это было похоже на стратегию «Фронта национального спасения», принятую КПСС в другие периоды национального кризиса (например, во время Второй мировой войны). Однако эмоциональный (пророческий) язык Зюганова, его прибежание к национальным традициям и к теории

международного заговора против России оттолкнули многих за пределами собственных партийных рядов.

Эти политические события определили арену, на которой в 1990-е годы российское гражданское общество могло бы сыграть роль агента прогрессивных изменений. Из-за проблем в развитии демократии и все более националистического характера левого движения сложилась совершенно иная ситуация, чем существует в последние годы в США или Европе. Это была ситуация, в которой предположения о политической солидарности между НПО и левыми группами нередко не срабатывали. И прозападная идеология демократов, и пророссийская идеология националистов и социалистов, как правило, игнорировали кризисную ситуацию в других регионах старого СССР.

55. Подробный анализ можно читать в J. Urban & V. Solovei, *Russia's Communists at the Crossroads*, Boulder, Westview Press, 1997.

Глава 3. Движения на восток и на юг: империя и после

1. Экспансия России в Сибирь во время царизма

История «международного развития» в XX веке во многом является историей постколониальной эпохи. Страны, ставшие «донорами» при новом раскладе, очень часто фокусировали внимание на своих бывших колониях, строя программы развития на фундаменте и связях, налаженных ранее. Лишь немногим странам удалось противостоять или избежать внимания колонизаторов, а те, кому это удалось (например, Гаити и Бирма), как правило, не получили инвестиций и во многом остались на обочине международного развития. На самом деле, развитие в его современном смысле началось с изменений, навязанных колониям в эпоху империй.

Похоже, Российскую империю выделяют и отличают от Британской или других европейских империй несколько аспектов. Во-первых, это была сухопутная, а не морская империя, протянувшаяся на 9 000 километров от Балтийского моря в Санкт-Петербурге до Тихого океана на самом восточном крае Чукотки. Начиная с XVI века исследователи, охотники и звероловы, различного рода поселенцы стали продвигаться на восток. Это продвижение началось как стихийное передвижение людей в поисках новых возможностей или во избежание угнетения, но вскоре стало официальной политикой. Сибирские реки служили надежным средством навигации (в основном на оси север–юг) так же, как и древние торговые маршруты Шелкового пути по суше на Ближний Восток и в Китай. Второй фактор – это суровые климатические условия, превращавшие обитание, поездки и экономическую деятельность (будь то сельское хозяйство или промышленность) в постоянную затратную (с точки зрения расходов на кров, отопление и т.д.) борьбу со стихией по сравнению со странами с более мягким климатом.

Другой аспект различий между Российской империей и другими империями носит исторический характер: после первого расцвета русского государства в Киеве последовали несколько столетий, когда русские княжества стали жертвами татарских и монгольских «орд», которые заняли огромные территории Центральной России, а затем взимали с них дань.

Так, Российская Империя (с ее новым центром в Москве) постепенно поднялась над народами, которые ранее были ее завоевателями⁵⁶. В этой истории есть много чувствительных моментов, которые мы сможем осторожно раскрывать.

Еще одно историческое отличие связано с природой капитализма, развившегося в России со времен Петра Великого, при котором доминировало государство. Как отмечалось в предыдущей главе, Петр был сторонником Запада, и развитие железорудной промышленности при нем было в значительной степени направлено на вооружение, с помощью которого можно было бы соперничать с соседними Польской и Шведской империями. Но он не игнорировал восток, и такую же политику проводила Екатерина Великая, в XVIII веке пригласившая немцев и других поселенцев присоединиться к процессам колонизации. Наконец, существует феномен крепостного права, при котором сельские жители России удерживались в качестве рабов вплоть до середины XIX века. Эта форма рабства была «внутренней» в отличие от рабов из «внешних источников» в Британской или Французской империях.

Мне было интересно сравнить деятельность Российской империи в Сибири и в Центральной Азии из-за их очень разной географии и демографических ресурсов. В этой главе сделана попытка приглядеться, как развивался каждый регион в советский период, и хотя бы вкратце сравнить, как сложилась их судьба после 1991 года, когда пять центральноазиатских республик получили независимость, а Сибирь и многие ее национальные районы остались в составе Российской Федерации⁵⁷.

К началу XIX века население Сибири выросло почти до шести миллионов человек. К сельскохозяйственной и лесохозяйственной деятельности и торговле мехами добавилась добыча полезных ископаемых, например, добыча золота и серебра в Алтайском и Забайкальском краях – и чаще всего за счет принудительной работы лиц, заключенных в колониях с

56. Русские писатели традиционно считали столетия татаро-монгольского господства национальной трагедией. Однако работы Л. Гумилева привели к появлению иного видения «Евразии», при котором подчеркиваются позитивные культурно-духовные аспекты. В какой-то мере идеология «Евразии» сочетается у Гумилева со славофильскими настроениями, которые обычно были политически реакционными в России. Во многом она соответствует современной государственной идеологии стран Центральной Азии, поскольку одобряет аспекты их ранней истории, которые принимались в советское время как феодальные, угнетательские и т.д. Но эта теория не имеет большого значения в международных программах развития с их акцентом на модернизацию.

57. S. Chatterjee, *Rediscovering Russia in Asia. Asiatic Russia: Partnerships and Communities in Eurasia*, 2009, Shipra, Delhi.

суровым режимом. Поселения «каторжников» были сосредоточены в императорских владениях, расположенных вдоль главной магистрали от Москвы. Складывалась система в России, согласно которой крупные помещики/владельцы отправляли в Сибирь на каторгу своих самих проблемных крепостных, а за ними вскоре последовали политические противники царского режима.

После освобождения крепостных в 1861 году более приоритетной стала мирная (то есть некарательная) колонизация. К тому времени государственная политика была в любом случае больше ориентирована на экспансию Средней Азии, чем в Сибири. Уровень миграции в целом снизился и перемещение населения в пределах Сибири приобрело большее значение, поскольку урбанизация начала давать о себе знать. До середины XIX века поселения в Сибири были очень небольшими. В 1850 году в Иркутске, самом большом городе Сибири, насчитывалось всего 17 000 жителей, в Тобольске – 15 000, в Омске – 13 000; и около 90% населения жили в деревнях. Процесс развития во многом обеспечивался семьями торговцев в городских центрах. Эти семьи разбогатели за счет монопольной торговли мехами, полезными ископаемыми и водкой, и они яростно защищали свои доходы. Торговцы, объединяясь в гильдии, постепенно превратились в коммерческую буржуазию, и некоторые параллельно начали заниматься образовательной деятельностью⁵⁸. В целом в России, помимо государства, поместных дворян и капиталистов-промышленников, в процессах развития также начали играть свою роль организации гражданского общества. Дальнейшему продвижению колонизации в XIX веке способствовало поколение исследователей и востоковедов, о чем говорит следующий пример.

Кейс: Императорское Русское географическое общество. В 1846 году двумя выдающимися учеными Федором Литке и Карлом фон Баером основано Императорское Русское географическое общество. Оно стало, пожалуй, одной из самых влиятельных общественных организаций XIX века в России. Как свидетельствует новый анализ его деятельности, Общество было создано не только с научными целями, но и политическими – для развития знаний и любви к России среди ее народа⁵⁹. География понималась в более широком смысле (включая социально-экономическую, а не только физическую) и пропагандировалась самым открытым и активным способом, насколько это было возможно с учетом ограничений царского режима. Литке был исследователем, участвовавшим в морских экспедициях в Арктику, а Баер – натуралистом-эмбриологом. Как и в других

европейских географических обществах, среди учредителей и первых членов Общества было много военных, государственных чиновников и ученых. Они обратились к царю Николаю I и министру внутренних дел Перовскому и заручились их поддержкой, убедив, что частное общество сможет собирать данные и координировать исследования, популяризируя результаты так, как не сможет правительство. Благодаря осторожному лоббированию они получили существенные государственные субсидии – десять тысяч рублей в год.

Одним из наиболее важных подразделений в Географическом обществе был его этнографический отдел. И Литке, и Баер уделяли много внимания исследованиям живущих в пределах Империи нерусских народов. Так, в 1846 году они заявляли: «Мы видим, что жизнь народов и их соответствующий характер все больше и больше вытесняются западным прогрессом. По этой причине тем более важно сохранить для потомков особенности жизни народности в точных описаниях, пока не стало слишком поздно». В 1847 году Географическое общество разослало семь тысяч анкет во все уголки Империи, чтобы собрать информацию на самые разные темы: физические особенности народа России; язык, диалект и сленг; быт, в том числе материальные блага и традиции; интеллектуальные и моральные особенности; социальная жизнь; народные легенды и воспоминания. Огромное количество информации было собрано широким кругом формальных и неформальных исследователей и ученых.

Географическое общество объединяло представителей разных сословий: и элиту, и народ. Одним из его активистов был анархист Петр Кропоткин, который совершил несколько научных экспедиций в Арктику (и из-за своей политической деятельности провел несколько лет в сибирской ссылке). Литке стал инициатором публичных обсуждений научных статей, и Статистический отдел, который он открыл, был неким новшеством в стране, где такого рода информация обычно держалась в секрете. Как отмечает Брэдли: «В авторитарной России за пределами правительства такие форумы существовали на небезопасной территории», но, несмотря на это, «Географическое общество «привлекло внимание общественности и сформировало гражданское сознание». К концу XIX века оно играло такую же важную роль в процессах разработки политики развития, как географические общества в странах-колонизаторах западной Европы.

Сибирский регионализм

Кулешов и Евсеенко описывают, как в начале XIX века декабристы обсуждали две модели развития России: первая – это модель унитарного государства, вторая – федералистское устройство, в котором основные единицы примерно соответствовали бы существующим провинциям

58. Статистика из статьи *Siberia: Scenarios of Colonisation and the Demographic Landscape*, N. N. Ablazhej, E. G. Vodichev в сборнике Chatterjee.

59. J. Bradley, *Voluntary Associations in Tsarist Russia*, Harvard UP, 2009, 92–127.

Российской империи⁶⁰. В 1870-х годах эту концепцию дальше разрабатывал украинец Михаил Драгоманов, а радикальная политическая партия «Народная воля» включила в свою программу принцип самоопределения регионов России⁶¹.

Земское движение XIX века являлось обширной коалицией, включавшей как тех, кто продвигал региональную политику (например, областников на Урале), так и тех, кто стремился к большей национальной автономии (например, башкирских и татарских радикалов). К концу XIX века появилась группа «региональных патриотов». Это были пропагандисты образовательной реформы, основатели местных органов печати, студенты разнообразной этнографии из российской периферии. Многие активисты внутри социалистического движения выступали за большее самоуправление. Так, программа Российской социал-демократической и рабочей партии, принятая в 1903 году, содержала требование о местном самоуправлении на основе всеобщего избирательного права, а в 1905 году партия поддержала ряд радикальных требований, выдвинутых выборными собраниями в сибирских городах, например, в Томске, Красноярске и Чите⁶².

После поражения революции 1905 года большевики сосредоточились на политической работе в профсоюзах и рабочих кооперативах. Меньшевики, напротив, продолжали уделять внимание местным органам власти. Так, в статье их лидера Мартынова, опубликованной в партийной газете в 1910 году, отмечается, что чем ниже ступень административной иерархии, тем менее ощутим диктат правительства, и что «у рабочих, привыкших к самодостаточности и организованным обсуждениям, естественно появятся свои взгляды на городское самоуправление, поскольку, даже если оно

60. В. Кулешов и А. Евсеенко, *Базовые социально-экономические процессы в Сибири: тенденции и прогнозные сценарии*, в В. Бойко (ред.), *Сибирь в геополитическом пространстве XXI века*, Новосибирск, Сибирское отделение Академии наук, 1998, 49–59.

61. «Региональные проблемы России: от централизации к децентрализации», В. В. Алексеев, В. Бойко, 1998. С. 77–89.

62. «Городское самоуправление в теории и практике российских социал-демократов. 1905–17 гг.», С. В. 1998. С. 77–89. «Городское самоуправление в теории и практике российских социал-демократов. 1905–17 гг.», С. Макаручук, ред. В. А. Ламин, *Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX веков*, Новосибирск, 2004. С. 136–39. Напротив, Ленин критиковал призывы меньшевиков к «революционному» самоуправлению, а не к открытому восстанию, обвиняя их «в следовании за монархической буржуазией вместо того, чтобы возглавлять силы революционного пролетариата и крестьянства» (статья «В хвосте монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства»).

предназначено только для городских владельцев собственности, это единственный уровень правительства, который действительно заинтересован в том, чтобы как-то решить проблему возмутительных условий в бедных рабочих кварталах...». Ведущая статья, написанная в 1913 году о борьбе муниципальных рабочих в Омске, гласила: «Выдвигая внутренние требования от имени пролетариата, авангард рабочих должен, с одной стороны, заставлять прогрессивные думы определять свое отношение к таким требованиям, а с другой – популяризировать эти требования среди масс и попытаться организовать их на основе этих требований»⁶³. В начале советского периода партия социалистов-революционеров выпустила ряд манифестов о региональном развитии Сибири, которые можно рассматривать как своего рода «восточную гипотезу» в стратегиях развития на этот период. Другими словами, отдаленные российские провинции больше не рассматривались как просто граница для расширяющейся империи, а как регионы со своим собственным характером, потребностями и повесткой дня.

2. Сибирь в советский и переходный периоды

Война, империалистическая интервенция и гражданская война в первые 25 лет XX века привели к распаду России, сепаратистским идеям и движениям во многих областях. В предыдущей главе мы отметили, что важную роль в большевистской стратегии сыграло национальное освобождение, что Ленин обратился к колонизированным народам с призывом поддержать русскую революцию и борьбу за социализм. Многие из их лидеров последовали за ним, и до сих пор большое количество обозревателей в России и странах бывшего СССР считают создание Союза положительным шагом к решению национального вопроса, унаследованного от царского колониализма. Но на практике существовали проблемы с внедрением справедливых систем управления. С одной стороны, национальные республики получили огромные капитальные вложения от центра как в экономической, так и в культурной сферах, но с другой стороны, многие

63. Цитаты взяты из журналов «Голос социал-демократа» № 22, 1910, с. 3 и «Луч», 1913, 26 апреля соответственно.

национальные элиты считали, что их сдерживает или дискриминирует однопартийный советский режим.

В 1920-х годах остроту этих проблем помог решить план ГОЭЛРО⁶⁴, в соответствии с которым были созданы крупные региональные административные единицы, к примеру, Уральская область, Восточносибирский и Дальневосточный края. Но эти тенденции децентрализации в конечном счете противоречили движению к плановому хозяйству, и в 1930-е годы новые административные единицы были распущены. Как мы видели, в планах развития Советского Союза центральное место занимала перерабатывающая промышленность (в Сибири не только железной руды и других металлов, но и лесное хозяйство). В рамках центральных или отраслевых планов определились основные потоки перемещения населения из старых поселений в новые. Экономическое пространство Сибири постепенно приобрело «ленточный-кластерный» географический характер в многолетних программах промышленного развития, отдельные из них были тесно связаны с планами развития Казахстана и Центральной Азии.

После 1945 года в Советском союзе требовались трудовые ресурсы нового поколения. Среди новых проектов можно отметить кампанию Хрущева по освоению целины в степях Казахстана, строительство Братской гидроэлектростанции недалеко от Иркутска и крупные работы по разведке нефти и газа в Тюмени. Для работы над этими проектами были мобилизованы сотни тысяч молодых людей со всего СССР, к ним присоединились внутренние мигранты из сибирских деревень. Городские жители теперь составляли 70% населения Сибири. Однако этот рост численности населения скрыл проблему, которая стала очевидной сразу после 1990 года: сохраняющаяся непривлекательность условий жизни в регионе. С этого момента регион год за годом переживал неуклонную «дезурбанизацию» (то есть превращение городов в села)⁶⁵.

Горбачевская «перестройка» дала сибирским активистам возможность еще раз поднять флаг регионализма. В 1990 году политическими лидерами в Кемерово было подписано так называемое Сибирское соглашение. С помощью их союзников в высших учебных заведениях, например, Сибирской академии наук в Новосибирске, инициаторы Соглашения выступили с новой критикой социально-экономического развития в регионе,

64. ГОЭЛРО: план реконструкции и электрификации, выдвинутый Лениным в 1920 году. Alekseev op cit, 85.

65. N.N. Ablazhei, E.G. Vodichev op cit. Авторы отмечают, что на самом деле еще с 1960-х и 1970-х годов наблюдалась значительная миграция из Сибири в другие регионы СССР.

утверждая, что большинство схем работали больше на благо СССР, а не самой Сибири. В 1993 году они объединились с левыми радикалами в Москве в осуждении обстрела парламента Ельциным. В течение 1990-х годов под руководством Владимира Бойко они продолжали работу над новым видением развития Сибири как «моста XXI века между Западом и Востоком». Ключевым приоритетом было решение вопросов национальной и этнической принадлежности многонационального населения региона⁶⁶.

Естественно, немалую роль в форсировании альтернативных стратегий сыграли экономический кризис и структурные реформы того времени. Приоритеты российского правительства после 1991 года кардинально изменились, и у недавно приватизированных компаний была более узкая мотивация – получение прибыли, при этом они мало заботились о более широком развитии городов и регионов, ранее находившихся под их крылом. Поэтому, по утверждению критиков, к концу XX века широкое развитие в Сибири остановилось «главным образом, из-за того, что правительство отстранилось от этого процесса»⁶⁷. Экономические стимулы, раньше приносившие пользу Сибири, теперь были более эффективны в западных, более развитых частях страны. Осталась просто борьба за обеспечение базового минимума социальной защиты населения, тупик, из которого, по мнению Алексея и других, можно выйти только с помощью долгосрочной стратегии, предусматривающей объединение трех элементов: сырьевых ресурсов Сибири, рабочей силы из Китая и высоких технологий из Японии (но признает, что в такой стратегии есть много рисков для небольшого населения региона).

66. Владимир Бойко – государственный эксперт по исследованию проблем развития народностей Севера в 1980 годах, позже занимал ключевые позиции в Сибирском отделении РАН. В то время аналогичные требования были выдвинуты в Уральском регионе, например, Эдуардом Росселем, губернатором Свердловской области. Можно предположить, что именно его стремление открыть Уральский регион для новых влияний и инвестиций дало возможность VSO, Британскому Совету и другим международным организациям запускать программы в Екатеринбурге.

67. Бойко, с. 58.

Таблица 2. Уральский, Сибирский и Центрально-Азиатский регионы: площадь и население

Страна или регион	Площадь (тыс. км ²)	Население (млн)	Плотность населения на км ²	Основные этнические группы
Уральский регион	1 789	14,3 (2002) 12,1 (2010)	8,01	русские – 82,7% украинцы – 2,87% татары – 5,14% башкиры – 2,15% ханты-мансийцы и ненцы – 0,52% (2010)
Сибирский регион	5 115	19,3 (2010)	3,76	русские – 84,9% украинцы – 3,9% немцы – 1,6% коренные народы – 5,8%
Центрально-Азиатский регион (5 бывших советских республик)	4 003	64,7 (2012)	16,17	Население страны: Казахстан – 16,6 млн Кыргызстан – 5,5 млн Таджикистан – 7,6 млн Туркменистан – 5,1 млн Узбекистан – 29,5 млн
Кыргызстан (2012 г.)	200	5,4	26,82	кыргызы – 70,9% узбеки – 14,5% русские – 9%
Таджикистан (2012 г.)	143	7,8	54,50	таджики – 79,9% узбеки – 15,3% русские – 1,1%

Источник: Национальная служба статистики, Российская Федерация

Примечания

1. В этой таблице Урал определяется как «федеральный округ», созданный президентским указом в 2000 году, хотя округ исключает некоторые регионы, которые, по другой статистике, считаются частью Урала, например, Пермский край.

2. Сибирский «федеральный округ» простирается за озеро Байкал, но не включает Дальний Восток России (который немного больше, но с одной третью населения Сибири).

3. Плотность населения в Сибири составляет менее половины плотности населения на более урбанизированном Урале; и на Урале проживает менее половины населения Центральной Азии.

4. Население пяти бывших советских республик Центральной Азии вдвое превышает численность населения Урала и Сибири вместе взятых. Оно увеличилось на 10% в период с 1990 по 2010 год, тогда как за тот же период численность населения Урала и Сибири снизилась на 5%.

5. Согласно разбивке азиатской части России по этническому признаку, русские составляют подавляющее большинство – примерно столько же, сколько «титупные» народы Центральной Азии в этих странах.

6. Узбеки – самая многочисленная национальность в Центральной Азии, их численность примерно в два раза больше, чем следующая по численности группа – казахи; узбеки составляют значительное меньшинство как в Таджикистане, так и в Кыргызстане.

Как и многие эксперты в России, Алексеев считает, что на рубеже 1990-х годов, когда социалистический эксперимент в СССР подошел к концу, был упущен шанс перейти к свободной конфедерации постсоветских государств. Люди, наоборот, стали все больше отстаивать свои национальные традиции и ценности, и поэтому Союз распался. В 1990-е годы был период «неосмотрительной суверенизации» регионов внутри самой России. По его мнению, Сибирь нежизнеспособна как самостоятельная единица. «Что делать Сибири, например, с ее циркумполярными территориями, которые объективно не могут и не должны отгораживаться в своих же собственных интересах?» Изоляционизм или надежда только на рыночные механизмы, по его мнению, приведут к катастрофе.

Алексеев поддерживает нововведения в Конституции Российской Федерации 1993 года, направленные на предоставление национальным территориям более широких прав, чем «обычные» права, обусловленные географическим положением. Однако он предупреждает, что эти нововведения могут вызвать трудности в будущем, приводя в пример авторитарные режимы в национальных или автономных республиках, таких как Татарстан, Башкортостан или Калмыкия, и ряд законов, принятых в автономных регионах в 1990-х годах, которые противоречили действующим в центре законам. Кроме того, он отмечает, что в Совете Федерации (второй парламентской палате России) численно малые единицы (например, небольшие народы Севера) как «субъекты» Федерации

имеют равное представительство с гораздо более крупными единицами. Подводя итоги, Алексеев рассматривает тенденцию к децентрализации государства в России как отражение глобальных процессов, но со структурными проблемами, которые свидетельствуют о продолжающемся в стране политическом кризисе. Напротив, он видит будущее России в крупных культурно-региональных комплексах, основанных на населении с устоявшейся исторической идентичностью и привязанностью к региону, в котором оно живет. Только население с таким уровнем социально-экономического развития сможет противостоять «разрушительным процессам, заметным в политической сфере»⁶⁸.

3. Колонизация Центральной Азии

Связь Центральной Азии с Россией начинается с монголо-татарского нашествия на Россию, о котором упоминалось в начале этой главы. В этой сложной истории племена и народы Центральной Азии часто воевали, сами вторгались на чужие территории и сами страдали от угнетения на протяжении нескольких веков. В нынешний Туркменистан ислам впервые пришел в VIII веке с юга, но в последующие века влияние Персии было сильнее в районах с оседлым населением. В результате вторжения монгольских полчищ Чингиз-хана в XIII веке были разрушены города Самарканд и Бухара. Колонизация со стороны России началась значительно позже с экспедиций против казахских жузов (племен) на самом севере региона при императрицах Анне Иоганновне и Екатерине Великой в XVII–XVIII веках. Но эти попытки «заселить и просвещать» кочевые народы не имели большого успеха. Об идеологии колонизаторов пишется кратко в следующих параграфах, начиная с примера, который является продолжением истории Российского Географического общества.

Кейс: экспедиции Пржевальского. Николай Пржевальский (1839–1888 гг.) – один из самых известных русских путешественников и исследователей Средней Азии и Китая XIX века. «Любитель трудностей» и увлеченный знаток фауны и флоры в регионе, он привез в Россию в общей сложности 7 500 образцов фауны Центральной Азии – млекопитающих, птиц, рептилий и рыб, и бесценные для российского государства и ученых обзоры и карты гор

68. V. Alexeyev, "The Integration of Russia: Historical Experience and Today's Problems", in S. Chatterjee et al ed., *Asiatic Russia: Partnerships and Communities in Eurasia*, Delhi, Shipra, 2008.

и озер Центральной Азии, Западного Китая и северного Тибетского плато. От него получила своё название известная «лошадь Пржевальского».

Так же, как и Сибирь, романтически настроенные люди считали южную границу империи областью приключений и свободы, вдали от подавляющей атмосферы самодержавной России. Пржевальский был одним из ведущих членов Русского географического общества, которого чествовали ученые, средства массовой информации и сам царь во время его нечастых приездов в Санкт-Петербург. Однако другой стороной этой истории является геостратегическое значение экспедиций Пржевальского и твердое мнение исследователя о том, что России необходимо укреплять свои южные и восточные границы. Так, в 1886 году в своей статье он утверждал, что Китай «ослаб в Азии» и Россия должна расширить свое влияние во всем регионе. В этом отношении он был человеком своего времени – периода имперской экспансии, которая внезапно закончилась поражением в русско-японской войне⁶⁹.

Постколониальная интерпретация. Интересно сравнить представления о Сибири и Центральной Азии в царские времена. Как внутри России, так и за ее пределами Сибирь в первую очередь считалась глушью, при этом с особенно суровым и холодным климатом. Государство и предпринимчивые промышленники с самого начала использовали этот регион как «ресурсную границу» для всей России. Позже образ Сибири стал более сложным. Например, после ссылки декабристов и других поколений радикалов и демократов регион обрел новый имидж – как зона свободы для беглецов от гнета. Как регион Сибирь постепенно развивала свою автономную идентичность, в которую делали свой вклад представители и коренных народов, и потомки русских поселенцев.

Традиционный образ Центральной Азии в царские времена – это бесконечные степи и пустыни, стада овец или верблюдов, пастухов и женщин в ярких нарядах и парандже, благородные руины Самарканда и знаменитые мечети Бухары. Как показывают недавние публикации в серии «История России» группы экспертов из Центрально-Азиатского отделения Российской академии наук, бедность сельского населения, всегда уязвимость перед эпидемиями, противопоставлялась благосостоянию традиционных

69. P. Waldron, "Przheval'skii, Asia and Empire", *SEER*. Vol. 88, Nos. 1–2, January/April 2010. Уолдрон отмечает, что в бытность своего президентства в Академии наук граф Уваров, автор знаменитого царского лозунга «Самодержавие, православие и национальность» уделял значительное внимание азиатским землям, граничащим с Россией, считая дух новаторства важнейшим элементом формирования здоровой русской нации. Суровые условия Центральной Азии были хорошим испытанием характера, по его мнению, и во время поездок в эти малонаселенные районы риска вооруженного сопротивления со стороны коренных народов, в отличие от Кавказа, было меньше.

правителей или ханов и прежде всего «белому» генерал-губернатору, символу русской власти...⁷⁰.

На самом деле регион был почти таким же далеким для русских, как и для западноевропейцев. Мало что было известно или понятно о его древних центрах цивилизации – Самарканде, Бухаре или Хиве, отделенных от России широкими евразийскими степями. Только в XIX веке русскоязычные журналы, например, «Восточные новости» в Астрахани, «Сибирский вестник» и «Сибирская пчела», которые публиковали отчеты об экспедициях, к примеру, об экспедиции Пржевальского, стали уделять внимание этому региону. Русских читателей привлекла идея богатой цивилизации на перекрестке Шелкового пути. Но постепенно стало ясно, что далеко не вся Центральная Азия была богата, и торговлю было не так легко развивать из-за банд разбойников среди кочевых народов степей и пустынь. Несмотря на это, с 1860-х годов Центральная Азия стала перемещаться в центр внимания российской внешней политики. В некоторых источниках экспедиции в регион толковались, как своего рода «компенсация» армии за ее потери в Крымской войне, как способ расширения территорий России и в то же время противодействие британскому империализму.

Интересным примером критического отношения русских художников к политическим событиям середины XIX века является работа Василия Верещагина. На выставке его картин с изображением людей и пейзажей Средней Азии, созданных во время экспедиции в регион в 1869–1870 годы, большой скандал вызвала серия под названием «Варвары». Некоторые картины ясно показывают ужасы военной борьбы России с коренным населением, а другие – жестокость и неравенство в повседневной жизни в регионе. В своих дневниках Верещагин описал хладнокровие генерал-губернатора Кауфмана, оправдывавшего свои жесткие меры: мы должны «стрелять, стрелять и стрелять». Одна особенно спорная картина была озаглавлена «Забывтый» с изображением раненого русского солдата, оставленного на поле битвы. Это было плохо для имперской пропаганды, и впоследствии она была уничтожена художником наряду с несколькими другими картинами⁷¹.

70. В разделе о Центральной Азии были использованы материалы А. Абашина и других экспертов из сборника *Historia Rossica – Центральная Азия в составе Российской Империи*, Новое Литературное Обозрение, 2008. Также можно отметить книгу о развитии Сибири в этой серии: Сибирь в составе российской империи, редакторы Л. М. Дамешек и А. В. Ремнев, 2007, «Новое литературное обозрение», представляющие собой такой же ценный новый подход, в котором основное внимание уделяется взаимоотношениям между центром и периферией в царский период.

71. Абашин, с. 322–24. Интересно, что историки русской культуры отмечают, что кочевников часто рассматривали в позитивном свете как открытых для новых влия-

Постколониальная интерпретация: национальные движения и сопротивление царизму в Центральной Азии. В некоторых уже упомянутых в этой главе источниках большое внимание уделяется национальному вопросу и сопротивлению колониализму в досоветский период. Казахстан стал первой частью Центральной Азии, присоединенной к Империи. Русская колонизация изменила почти все в регионе, вынудив людей перейти от кочевого к оседлому образу жизни, введя денежные отношения, создав новый баланс сил между основными племенами, колониальными властями и традиционными мусульманскими лидерами⁷². Сначала русские старались как можно меньше вмешиваться в дела традиционных элит. Однако введение государственной службы и новых судов привели к неуклонному сокращению влияния местных лидеров, а многие из них принимали решение занять должности в царской администрации и таким образом сохранять свои позиции.

Хотя в 1822 году прямое рабство в регионе было объявлено вне закона, экономическое разделение в казахской общине неуклонно возрастало. Так, в конце XIX века в 12 500 бедных домохозяйствах в Павлодарском уезде Семипалатинской области насчитывалось 63 500 голов домашнего скота, а в 800 домохозяйствах «баев» (богатых семей) – 172 700 голов; и это было характерно для Степного и Туркестанского регионов в то время. Растущая поляризация в имущественном положении и разрушение традиционных отношений заставили многие семьи мигрировать в другие части Центральной Азии или в Российскую империю. В то же время в крупных городах формировался небольшой рабочий класс, численность которого в 1917 году оценивалась всего в 60 000 человек.

Советские историки придерживались особого взгляда на политические движения. С одной стороны, они были готовы раскрывать историю о сопротивлении населения в отношении феодальных и колониальных властей в регионе. А с другой стороны, они осторожно смотрели на любые факты или вопросы, которые могли бы повредить отношениям между представителями разных национальностей (например, о конфликтах

ний; тогда как более оседлые народы изображались как угнетенные, ненадежные религиозные фанатики. Древние города Бухара и Хива приобрели романтический блеск только после того, как стали протекторатами России.

72. Совершенно новые концепции возникли, когда люди перешли от кочевого образа жизни к оседлому, например, в 1870-х годах впервые появилось представление о «границах» и «чужой земле». Новый уклад насаждался кнутом и пряником. Например, в стремлении установить денежные отношения в качестве основной формы экономического обмена. Говорят, что глава сибирской администрации советовал русским торговцам заставлять казахов платить наличными, а в случае оплаты скотом, они принимались по очень заниженной ставке (Абашин и др., с. 196-7).

между русскими и другими поселенцами и коренным населением).

В действительности процесс колонизации до 1917 года критиковали не только социалистические революционеры. После провала революции 1905 года поколение выпускников средних классов университетов в европейской части России, многие из которых были связаны с либерально-демократическими партиями, например, кадеты, вернулись на работу в Степной регион Туркестана. Политические лидеры, такие как А. Букейханов и Б. Каратаев, требовали прекратить случаи изгнания коренного населения, чтобы освободить место для русских колонистов, призывая к государственной поддержке национальных школ и развитию национальной культуры и языков. Одним из течений в либерально-демократическом движении было национально-религиозное (черпавшее вдохновение у мусульманских организаций в Татарстане), другим – европеизация (моделирование на либерально-демократической оппозиции царизму). Представители Степного и Туркестанского регионов активно участвовали в Государственной думе, созданной царем в качестве уступки революции в России 1905 года⁷³.

Здесь особый интерес вызывает движение джадидов, распространившееся в тюркоязычных районах Российской империи в начале XX века. Это движение началось как попытка реформировать мусульманское религиозное образование посредством создания школ «новой методики», включавших светские предметы, такие как арифметика, география и история. Позже оно стало больше общественным движением, включающим местную интеллигенцию, торговцев и предпринимателей наряду с духовенством либерально-го уклона. Лидерами движения были Бехбуди из Самарканда, Мунаввар-кари и Ходжаев из Ташкента, мыслители, по-разному попавшие под влияние идеологий пантюркизма и панисламизма⁷⁴. Движение джадидов с самого начала было неоднородным, и в нем можно было найти мусульманских реформаторов, националистов, социалистов, либералов и консерваторов.

Проблема поселенцев была почти единственной проблемой Центрально-Азиатского региона, которой Российская Дума постоянно уделяла внимание. Букейханов и его сторонники работали над земельными нормами для кочевых и оседлых общин, но в 1910 году премьер-министр Столыпин предложил новые меры, чтобы отобрать «лишнюю» землю у коренного населения и передать ее русским поселенцам, и они были одобрены вопреки сопротивле-

73. Абашин, с. 277–92.

74. Пантюркизм начался в Османской империи в начале XX века как движение, объединяющее все тюркоязычные страны и общины под турецким государством. Панисламизм обратился к мусульманам, а не к туркам и выступил против колониализма. См. A. Khalid, *The Politics of Muslim Cultural Reform*, University of California Press, 1998.

нию в Центральной Азии. 4-я Дума (1912–1917) продолжила эту политику; в 1914 году в бассейнах рек Или, Чу, Сырдарья и Зеравшана (на территории современных Юго-Восточного Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана) были утверждены крупные программы по ирригации в партнерстве с частными предпринимателями. Новый свод правил водопользования разрушил традиционную систему совместного принятия решений на местном уровне, создав вместо этого правительственные органы⁷⁵.

Восстание в Степной и Семиреченской областях. Мусульманская фракция в Думе создала союзы с различными политическими силами – кадетами, трудовиками, сибирскими регионами, эсерами. В начале Первой мировой войны они протестовали против призыва коренных народов в армию и призывали к прекращению дальнейших поселений в Центральной Азии. Война привела к увеличению взимаемого с населения налога на 50% и принудительному изъятию скота, продуктов питания и одежды для фронта. Посевные площади сократились, но производство хлопка поддерживалось на существующем уровне для военных действий. Цены на пшеницу выросли в 5–6 раз. Вопрос о вызванных трудностях поднимался в Думе в ноябре 1916 года. Однако многие бывшие союзники мусульманского блока продолжали поддерживать катастрофическую войну и, таким образом, прогрессивный союз распался.

Между тем в июне 1916 года призыв почти полумиллиона мужчин в возрасте 19–31 год для строительства оборонительных сооружений с целью подготовки к войне привел к восстанию в Степном и Семиреченском районах Центральной Азии. Многие представители религиозной и национальной элиты, в том числе депутаты Думы, поддержали призыв, а движущей силой восстания была смешанная группа крестьян, рабочих, ремесленников и наемных работников. Последние вторглись в места призыва и уничтожили списки мобилизованных людей, напали на более богатые деревни и уничтожили документы о продаже земель (другими словами, восстание носило более широкий экономический и классовый характер). В восточной части Иссык-Кульского района современного Кыргызстана произошли столкновения с подразделениями царской армии. Восстание затронуло также Сибирь и Кавказ, в том числе работников угольных шахт

75. Основной проблемой была нехватка воды, заставлявшая коллективно принимать решения в доцарской Центральной Азии и определявшая ежегодные маршруты кочевых племен, чтобы максимизировать совместное использование оазисов, рек и прудов или для нужд сельского хозяйства. Судьи, которые занимались решением вопросов, связанных с водными ресурсами, назывались мирабами, а создание и содержание каналов и системы шлюзов требовало большого количества коллективного труда, или хашара. Русские администраторы называли их «водными общинами» (Абашин и др., с. 203–5).

и нефтяной промышленности, железной дороги и речных пароходов. Но оно было в основном спонтанным. Лидеров в Семиречье поймали и повесили. Некоторые элементы славянского населения поддержали восстание, но на востоке Иссык-Куля традиционным лидерам удалось спровоцировать столкновения между поселенцами и коренным населением⁷⁶.

Одно из крупнейших столкновений произошло в Тургайской области Северного Казахстана, где 15 000 повстанцев во главе с Амангельды Имановым осадили районный центр, и лишь контрнаступление многочисленных сил армии позволило освободить Тургай с большими потерями с обеих сторон. После восстания лидер фракции «Трудовик» в Государственной Думе А. Ф. Керенский посетил этот регион. В своем докладе он возложил вину на местные администрации. Тем временем тысячи людей бежали в пустынные и горные районы и даже в Китай. Депутаты протестовали против жестоких репрессий, проводившихся для подавления восстания. Как считает автор раздела о восстании 1916 года в *Historia Rossica*, эти события послужили одной из причин гражданской войны, развернувшейся вскоре в регионе⁷⁷.

Кейс: прогрессивная семья Наливкиных. Интересным примером более прогрессивных колониальных чиновников являются супруги Наливкины. Владимир Наливкин родился в дворянской семье и в 1870-х годах участвовал в военных экспедициях в Средней Азии, которые в конце концов оказались в противоречии с его гуманистскими убеждениями. Он покинул военную службу и вместе с женой провел ряд антропологических исследований в Наманганской области современного Узбекистана. В 1907 году Наливкин был избран в Государственную Думу и стал членом фракции Трудовиков, а в 1913 году опубликовал книгу «Коренные народы тогда и сейчас», призывавшую Россию сделать свое правление более привлекательным для местного населения. Наливкин встал на сторону большевиков во времена Ташкентского Совета, но вновь ужаснувшись насилию, охватившему весь регион, покончил жизнь самоубийством в начале 1918 года⁷⁸.

Как многие администраторы и специалисты в европейских колониях, Наливкины собрали множество ценных антропологических данных.

76. Одни из самых ожесточенных боев произошли недалеко от города Пржевальска (названного в честь исследователя) в восточной части озера Иссык-Куль, недалеко от границы с Китаем. А в отчете начальника полиции одного из районов говорится: «Киргизы считают своими врагами полицию и правительственных чиновников, они вообще не нападают на русское население». (Абашин и др., с. 290.) В середине 2000-х годов по дороге из Бишкека на Иссык-Куль был построен небольшой памятник, посвященный восстанию 1916 года.

77. Абашин и др., с. 291–92.

78. Абашин и др., с. 333–35.

Например, одно из их исследований касалось положения женщин в семье. Они отметили, что размер семей значительно сдерживался уровнем смертности от болезней. Девочек выдавали замуж с 12 лет, а мальчики часто оставались в семье до 30 лет, чтобы накопить достаточно денег для создания семьи. Младший сын по традиции оставался с родителями даже после свадьбы. Женщины формально обращались к своим мужьям на «вы» и не сидели в одной комнате с мужчинами, они носили паранджу на людях, но гораздо чаще в городах, чем в селах. Ислам устанавливал подробные правила и условия развода для мужчин и женщин. Хотя одним из главных оправданий для проведения «миссии по насаждению цивилизации» Россией служило гендерное неравенство, Наливкины считали, что в расширенной семье женщины пользовались большим влиянием, и они не были настолько отрезаны от общества, как это часто считалось. «Несмотря на кажущуюся закрытую жизнь женщин», писали исследователи, «подробности жизни большинства семей были хорошо известны их соседям, вплоть до самых интимных подробностей о материальном имуществе и личных привычках». В своем исследовании Наливкины пришли к выводу, что уровень власти мужей над женами был ниже, чем в Европе⁷⁹.

4. Большевики и надежды на мировую революцию на примере Кавказа и Центральной Азии

Первые меры нового большевистского режима в 1917 году были в полном смысле слова радикальными. Их первым конституционным актом стала «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой излагались цели диктатуры пролетариата и принципы советской власти. Проект конституции большевиков был представлен Учредительному собранию в январе 1918 года, которое его отклонило. Позже, в том же месяце, он был представлен 3-му Всероссийскому съезду рабочих и солдатских депутатов, а затем съезду крестьянских депутатов, оба из которых его приняли. Права, закрепленные в «Декларации прав народов России» в ноябре 1918 года, включали: 1) равенство и суверенитет народов России; 2) право на самоопределение, включая формирование собственного самодостаточного правительства; 3) отмену всех национальных или религиозных привилегий; 4) свободное развитие национальных меньшинств и

79. Абашин и др., с. 201–03.

этнических групп, населяющих территорию России.

В призыве к мусульманам России и Востока в ноябре 1917 года было прямо сказано: «Наладьте свободную жизнь своего народа и без вмешательства. Вы имеете на это право. Знайте, что ваши права, как и права других народов России, защищены всей властью революции и ее органов»⁸⁰.

По словам Ловелла, советское государство «обходило стороной» один из главных вызовов, стоявших перед европейскими державами во второй половине XX века – деколонизацию. То есть большевистская революция и гражданская война 1917–1920 годов породили «интернациональное и многонациональное государство, а не империю»⁸¹. Большевики стремились к созданию государства, способного противостоять националистическим влияниям, частично путем принуждения, частично за счет уступок огромному количеству вновь созданных национально определенных единиц. В советское время государственное строительство было направлено на создание новой национальной идентичности, особенно новой «советской идентичности». Специальная кадровая политика в «отсталых» регионах была направлена на ускоренное развитие местных кадров, подразумевавшее все: от создания новых органов управления в отдаленных деревнях до формирования сознания людей как советских граждан. Советский федерализм представлял собой сложную, многослойную систему, но как показывают недавние работы западных аналитиков, удалось построить «прототипы» будущих независимых наций, где раньше не было национальных границ. Также создались ключевые элементы национальной идентичности, основанной на традиционной культуре этнических групп региона – с учетом главной задачи коммунистического режима – развивать общую советскую приверженность и политическое сознание⁸². Большевики надеялись, что национальное освобождение и развитие экономически отсталых регионов СССР станут мощным толчком для революции в европейских колониях по всей Азии и на Дальнем Востоке.

В СССР не было одной «титупной нации» для всей страны. Однако в

80. *Декреты Советской власти*, Т.И.М., 1957, с. 40, 114, Кружков. Подробнее смотрите материалы Бакинского конгресса народов Востока 1920 года, а также Конгрессов угнетенных народов, Париж, 1920, Лондон, 1923.

81. Lovell op. cit., 68–71.

82. Например, Oliver Roy, *The New Central Asia: the Creation of Nations*, New York University Press, USA, и Pauline Jones Luong, ed, *The Transformation of Central Asia: States and Societies from Soviet Rule to Independence*, Cornell University Press, USA. Авторы подробно показывают не только как была построена советская система власти в Центральной Азии, но и в какой степени новые структуры выдержали испытание временем в первые 15 лет независимости.

численном и культурном отношении доминировали русские, и их часто называли «старшим братом» новых или малочисленных народов или «первым среди равных». Что касается национального вопроса, то Ленин занял более мягкую позицию в отношении диктатуры пролетариата, чем некоторые другие лидеры своей партии. Был создан новый Народный комиссариат по делам национальностей, состоящий из национальных комиссариатов (польских, литовских, еврейских, мусульманских и т.д.) и отделов (кыргызов, марийцев, народов Сибири и т.д.), на которые возлагалась ответственность за организацию национальных республик и работу с национальными кадрами, распространение информации о государственной политике и проведение просветительской работы на местах. В жизни появилось большое количество новых органов, многие из них были с двойным подчинением – национальным органам и местным органам коммунистической партии. Это вызывало путаницу и, несмотря на протесты регионов, к 1922 году национальные комитеты были закрыты.

Опасность национализма и шовинизма отмечалась в специальной резолюции по национальному вопросу на XII съезде партии в 1923 году, в которой прямо говорилось о прошедших межэтнических беспорядках на Кавказе. Разрыв между процессами советского строительства в более или менее развитых частях России стал очевидным, и попытки решить эту проблему привели к созданию новой федеративной структуры – Союза Советских Социалистических Республик, официально объявленной в декабре 1922 года. В состав СССР вошло 15 федеративных республик с целью «рационализировать» национальные единицы, унаследованные от царской империи⁸³.

С самого начала было много сомневающихся – тех, кто задавался вопросом, каким суверенитетом обладают федеративные республики на самом деле или, наоборот, как будет поддерживаться единство между ними (поскольку теоретически республики сохраняли право на выход из состава СССР)? Другие партийные лидеры заверяли их, что эта «независимость» никогда не приведет к отделению. Кружков в своем анализе отношений между властью народа и национальной автономией цитирует слова лидера грузинской партии К. Махарадзе: «Товарищи, мы все знаем реальность этой самодостаточности, этой независимости. В конце концов у нас есть одна партия, один центральный орган, который в конечном итоге определяет вещи для всех республик, даже самых крошечных, вплоть до мельчайших деталей или назначения конкретных чиновников»⁸⁴.

83. В 1989 году в составе СССР было еще 53 различные национальные единицы (автономные области, территории и т.д.).

84. *Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет*, Москва, 1968, с. 516. Упомянуется в работе Кружкова.

Национальные республики претерпели огромные изменения при советской власти. Сегодня видно довольно неравное обсуждение «плюсов и минусов» советской модели развития: где-то, кажется, вопросы бурно обсуждаются, где-то вообще замалчиваются. К отрицательным примерам Кружков относится следующую ситуацию, сложившуюся во многих крупных городах на Северном Кавказе: например, Грозный, Владикавказ и Махачкала «по существу утратили свой восточный характер» и стали похожи на любой русский провинциальный центр – элементы старой культуры и архитектуры были потеряны. А с другой стороны, он приводит данные, подтверждающие ускоренные темпы экономического и человеческого развития. Так, к 1986 году промышленное развитие в Российской Федерации увеличилось почти в 200 раз по сравнению с уровнем 1913 года; в Казахской Республике – более чем в 300 раз; в Армении – в 550 раз. Национальная кадровая политика распространялась не только на членов партии, но и на каждую профессиональную группу в составе «народной интеллигенции». Образование в национальных республиках было приоритетным настолько, что в 1989 году, например, в Армении доля лиц с высшим образованием составляла 300 человек на 10 000 населения; в то время как в Рязанской области Российской Федерации их было всего лишь 80. В Бурятии доля коренных бурятов с высшим образованием была в два раза выше, чем среди русских. Огромные усилия были предприняты для развития национальных академий наук, профессиональных ассоциаций и аналогичных учреждений⁸⁵. Поэтому Терри Мартин в своей известной книге назвал СССР «империей позитивных действий»⁸⁶.

Распад СССР. К 1989 году отношения между Москвой и регионами (как мы отмечали ранее, рассказывая про Урал и Сибирь) стали очень напряженными и натянутыми. На Пленуме ЦК КПСС в сентябре того же года Горбачев предложил предоставить автономным республикам России новые полномочия, равные полномочиям 15 советских республик. Однако к этому времени отношения с Ельциным и Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой (РСФСР) ухудшились, и именно попытки последних добиться большей автономии привели к развалу всей советской структуры. В самой РСФСР было много таких же национальных/структурных противоречий, что и в СССР в целом: свыше 20 автономных регионов в пределах ее границ, а также огромное количество более мелких групп населения без своих территориальных единиц.

Во время референдума в 1991 году по вопросу, стоит ли сохранить СССР, большинство руководителей национальных республик, так же как и изби-

85. Т. Д. Мамсуров, *Регионы – Центр: проблемы согласования интересов*, М., 2000, с. 58–59. Упоминается в работе Кружкова.

86. Terry Martin, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union 1923–39*, Ithaca, New York, Cornell University Press, 2001.

ратели, встали на сторону Горбачева против Ельцина, то есть они голосовали за сохранение Союза. Между тем представители 47 партий и движений из 12 республик, собравшихся на «Демократическом конгрессе» в январе 1991 года, призвали к отставке президента, роспуску СССР и созданию Содружества Независимых Государств. Это движение оказалось сильнее, поэтому победа осталась за Ельциным. В 1991–95 годах ВВП в бывших советских республиках снизился в совокупности до 58 % от уровня, существовавшего до распада СССР.

5. Роль гражданского общества и интеллигенции в интерпретации истории

После обретения независимости все эти вопросы возымели новое значение. Новые независимые государства бывшего СССР вернулись к своим традициям или отправились на поиски своего наследия до 1917 года. Как уже отмечалось, в советское время большая часть политической истории Центральной Азии представлялась как период жестокого правления феодальных деспотов. И, конечно же, главным приоритетом для коммунистов было подчеркнуть позитивную политику советской власти в отличие от политики бывшей империи.

Теперь, когда этой «сдерживающей руки» не стало, местные обозреватели в новых независимых государствах все более критично относятся к процессу колонизации. Многие авторы из Центральной Азии, говоря как о царском, так и о советском времени, свободно используют термины «империя» или «колония». Однако другие предпочитают проводить сравнение между СССР и двумя другими модернизирующимися государствами XX века в ближней Азии – Турцией и Ираном⁸⁷. И поскольку сама Россия возвращается к своим досоветским традициям, в отношениях с Новыми Независимыми Государствами возникает проблема. Без освободительной, уравнивающей риторики советского времени в сочетании со стремлением русских националистов возвеличить царскую империю, Россия рискует

87. Например, доклад А. Камалова «Постколониализм в Центральной Азии» для конференции CERCEC (Centre d'études des mondes russe, caucasien et centre-européen, France). На этом мероприятии поднимался вопрос о том, как бывший Советский Союз вписывается в глобальную парадигму развития Север-Юг через 20 лет после обретения независимости стран Кавказа и Центральной Азии.

вновь придерживаться высокомерных колониальных позиций, что вряд ли привлекательно для ее новых независимых соседей.

Раскол в интерпретации истории. О расколе некогда единого дискурса об истории бывшего Советского Союза можно судить по тому, как два соседних государства сегодня представляют свои отношения с Российской империей.

Кейс 1: Кыргызстан. История Курманжан Датки рассказывает о кыргызской царице из горного Алайского региона на юге Кыргызстана, которая убедила свой народ принять колониальное правление России, вместо того чтобы постоянно воевать с окружающими племенами, в частности, из-за угрозы со стороны соседнего Кокандского ханства. Это трагическая история, потому что муж и сыновья Курманжан Датки тоже сражались, и некоторые из них погибли в борьбе против колонизаторов. Но в целом, благодаря успешной дипломатии самой Курманжан Датки в процессе колонизации, здесь было меньше военных конфликтов и человеческих жертв, чем в Узбекистане, Туркменистане или Казахстане; меньше было нанесено ран национальному сознанию. Возможно, это одна из причин, почему сегодня осталось в Кыргызстане больше готовности сохранить хорошую память о русском и советском периодах развития (о чем свидетельствуют статуи Ленина и советские географические названия, которые все еще существуют по всей стране). Во время моего проживания в Бишкеке я видел, что легенда о Курманжан Датке продолжала привлекать внимание национальных властей (проявлявшееся в установлении новых статуй, проведении выставок и тому подобному), свидетельствуя об их желании сохранить дружеские отношения с Россией. Но на Юге, где национализм более силен и где мусульманские боевики-«басмачи» воевали против Советов до конца 1920-х годов, местные власти в Оше открыли памятники членам ее семьи, которые выступали против ее политики компромисса.

Кейс 2: Узбекистан. Отношение государства независимого Узбекистана к российскому) и советскому прошлому совсем другое. Для Узбекистана, с его древними культурными центрами и историческими связями с Александром Великим, Заратустрой, Чингиз-ханом и Тамерланом, период русской колонизации действительно имел другой характер и другие результаты, в отличие от Кыргызстана. (Кокандское ханство, от которого кыргызские племена освободились путем союза с Россией, является древним центром узбекской цивилизации). Как показал российский эксперт Сергей Абашин, власти Узбекистана во время режима президента Каримова решительно отстаивали свою идентичность, выступая против 150-летнего правления России и Советского Союза⁸⁸. Эта позиция проводилась путем

88. С. Абашин, «Мустакиллик и политика памяти Узбекистана», доклад для конференции CERCEC, Алматы, август, 2011 г.

активного продвижения «политики памяти», в результате которой много мест с русскими названиями были переименованы, особенно в Ташкенте, много советских памятников было снесено; в культурной сфере литература, фильмы и музыка советского периода постепенно вытеснялись и заменялись новыми узбекскими конкурентами. И хотя политика памяти Узбекистана является резко антисоветской, по словам Абашина, многие ее методы коммуникации унаследованы от советского арсенала.

В работе VSO по развитию гражданского общества в странах Балтии, России и Казахстане в 1990-е годы мы могли рассчитывать на довольно схожие реакции людей на наши проектные предложения и во время дискуссий на наших семинарах. Надо признать, что мы сами далеко не все тогда понимали, но было впечатление, что при естественной противоречивости внутри любой группы участников, их реакции и стиль мышления были похожи друг на друга. Их опыт советского периода и перестройки, проблемы, с которыми они столкнулись после 1991 года, тоже были очень похожи. С начала и до середины 2000-х годов во время региональных конференций и обучающих курсов, проведенных ИНТРАК для активистов гражданского общества в Центральной Азии, особых сложностей во взаимопонимании не возникало, даже если участники приезжали из стран, которые начали двигаться в разных направлениях.

Но постепенно ситуация начала меняться. Рост национализма в России и бывших республиках привел к распаду некогда единого дискурса и понимания истории. На алматинской конференции, посвященной последствиям распада СССР, эксперт Института востоковедения выразил сожаление о том, что, достигнув суверенитета, новые государства региона сразу же начали строить национальные мифы, которые искусственно разделяют регион, и в которых «их» титульная нация вдруг оказывается в центре и уникальным образом связана с некоторыми великими воинами или лидерами. Отвергая эту узкую и тенденциозную точку зрения, Институт призывает к применению регионального подхода с использованием разнообразных современных исторических методологий⁸⁹.

89. М. Х. Абусейтова «Мифы и реальность в истории Центральной Азии», доклад для конференции CERCEC, Алматы, август 2011 г.

Заключение к первой части

В этой главе мы рассмотрели продвижение России на восток и на юг в колониальный период и в советское время. Как и в других империях, в процессах колонизации наблюдалось сочетание мечты, идеологии и самооправдания. В своем продвижении на восток и на юг Россия преследовала не только экономические цели, имперские идеологи также считали своим долгом помогать более «отсталым» народам новых присоединенных регионов. Во многом их стратегия была продиктована конкуренцией с другими колониальными державами, в частности, с Великобританией. Российское колониальное правление было в некоторых аспектах более косвенным (осуществлялось через местные элиты), чем при режимах в других странах.

В первой главе мы рассмотрели специфичную форму капитализма, который пришел к власти в 1991 году, и коротко рассказали о происхождении гражданского общества в России и его потенциале, чтобы показать альтернативный взгляд на развитие. Анализ советского периода во второй главе показал другую, социалистическую стратегию развития, в которой государство играло главную роль. Обнаружилось, что некоторые дилеммы, с которыми сталкивались большевики, остаются актуальными и сегодня. Тематические исследования проводились, чтобы отразить реалии капитализма, гражданского общества, военного коммунизма и национального освобождения, иллюстрируя современные интерпретации этих сложных тем и вопросов.

В своей истории развития Рист утверждает, что многие стратегии развития, которые сегодня считаются новыми, на самом деле были хорошо известны в колониальный период. В качестве примеров он приводит практику обучения персонала коренных народов в колониальной стране; признание культурного потенциала; меры по улучшению водопользования и ирригации; обеспокоенность по поводу положения и жизни женщин. После чтения такого списка возникает мысль: мы действительно работаем лучше в сфере развития, чем наши предки во время колониализма? Или проявляются элементы (нео)колониализма? В попытке ответить на такие и другие трудные вопросы во второй части этой книги подробнее рассматриваются стратегия и методология развития, начиная с более детального изучения первых десятилетий советской власти в странах Центральной Азии. Это сложный мир политической борьбы за развитие (и иногда вооруженной борьбы).

Часть 2.
Борьба за развитие

Глава 4. Политическая мобилизация от военного коммунизма к цветной революции

Это глава о мотивировании людей присоединиться к инициативам в области развития. Она расскажет о гражданских и политических действиях и поэтому является введением ко второй части этой книги «Борьба за развитие». Суть названия заключается в том, что реальное развитие не может происходить без какой-либо борьбы с теми, кто обладает политической или экономической властью. Процессы развития требуют пересмотра теперешней политики и приоритетов, что нередко означает необходимость перераспределения ресурсов и влияния. Это особенно очевидно, когда инициативы в области развития направлены на выделение большей части «пирога» рабочим (неимущим) классам в обществе или открытие пространства и доступа к ресурсам для маргинальных и уязвимых групп.

Что касается гражданского общества, то борьба за развитие, как мы надеемся, носит мирный характер и происходит в виде дебатов между гражданами и представителями государственного и бизнес-секторов. По мнению Грамши, гражданское общество является ареной для дебатов, а при наличии условий для свободных и открытых обсуждений борьба за прогрессивные изменения (в словах Грамши, «гегемония») может стать, скорее, «манёвренной войной», а не нападками на цитадели власти. Это процесс эволюции, а не революция. Но в примерах политических действий, которые мы рассмотрим в начале этой главы, таких условий не существовало. Эти примеры взяты из истории первых лет советского периода, когда военный коммунизм и радикальное народовластие были более актуальными понятиями. Мы ставим целью рассмотреть, насколько сработала большевистская «теория изменений» в одной из самых далеких (отдаленных) частей унаследованной ими империи – в Центральной Азии⁹⁰.

Одна из тем данной главы – это (часто размытые) границы между политическими и гражданскими действиями. Другой темой является разница между нисходящими и восходящими⁹¹ стратегиями развития.

90. Фраза «теория изменения» часто употребляется в современном дискурсе о развитии. В этой главе довольно часто противопоставляются советско-социалистические термины, с одной стороны, и понятия международного развития, с другой. Наша цель – отразить, что есть общего и что их различает.

91. По-английски «top-down or bottom-up approaches to development».

1. Подходы к развитию «сверху–вниз» и «снизу–вверх»

В XX веке мы стали свидетелями интенсивной концентрации экономической и политической власти. В развитых странах принимающие экономические решения лица действуют через сложные рыночные системы, в которых ежедневные «показы» на мировых фондовых биржах отражают серьезную борьбу за влияние и ресурсы между частными корпорациями. В свою очередь, крупные транснациональные компании агрессивно продвигают свои экономические и политические интересы с отдельными странами или группами стран. После экономического кризиса 2008–2009 годов, например, мы увидели борьбу Европейского союза с валютными спекулянтами за судьбу Еврозоны. В то же время усилия администрации Обамы в США были сосредоточены на поддержании инвестиций в государственный сектор как средства сдерживания безработицы. В последнее время мы наблюдали напряженность в отношениях между администрацией Трампа и китайскими компаниями, инвестировавшими в США. Попытки ввести протекционистские меры предпринимаются сейчас практически везде.

Политика «сверху–вниз». Сегодня широко распространено мнение о том, что концентрированная экономическая мощь крупных частных компаний представляет угрозу для общества. Политики и государства могут попытаться контролировать ее, но гражданам или группам гражданского общества трудно влиять на главные экономические решения или даже мониторить их эффективно. То есть здесь доминируют процессы «сверху–вниз». А таким же образом модель развития, при которой ведущую роль играет государство, часто называют «авторитарной». Как показано в первой части этой книги, централизованное планирование и иерархические системы принятия решений КПСС привели к постепенному устранению разнообразия мнений, необходимого для всестороннего развития в современном образованном и хорошо информированном обществе.

После 1991 года большинство режимов в странах бывшего Советского Союза, как пишут многие эксперты, остались авторитарными или полуавторитарными. Созданные в большинстве этих государств правительства являются президентскими и, несмотря на повсеместное проведение многопартийных выборов, случаи злоупотребления правилами, чтобы вывести правящую «партию власти» на первое место, до сих пор наблюдаются часто. Что касается Российской Федерации, мы сможем посмотреть на вызовы посткоммунистического развития с помощью анализа Ван Зона в его недавней книге о проблемах, связанных с «культом власти»⁹².

92. H. Van Zon, *Russia's Development Problem: The Cult of Power*, 2008, London, Palgrave.

Приведем основные аспекты централизованного («сверху–вниз») подхода к развитию России в первый срок президентства Владимира Путина, которые выделил Ван Зон.

В экономике президент оказывал сильное давление на олигархов, ограничивая свободу, которую они получили в 1990-е годы, создавая места для государственных чиновников в советах директоров стратегически важных компаний. Но в то же время новый режим сохранил ориентированную на бизнес налоговую политику. Экономика постепенно стабилизировалась за счет увеличения экспорта нефти, газа и других природных ресурсов и значительного снижения инфляции. С политической точки зрения, президент проявлял себя «сильной личностью», поддерживавшей баланс между тремя элитными фракциями: силами безопасности, либералами и сторонниками свободного рынка и технократами. В самом начале своего режима он отменил систему выборных губернаторов, постепенно создавая «Единую Россию» как новую «партию власти», имеющую отделения по всей стране и активное молодежное крыло «Наши». Сам президент нередко выражал свою враждебность по отношению к группам гражданского общества, которые якобы он считал «лакеями иностранного влияния». Ван Зон описывает это как возвращение к традиционному российскому «патримониализму», или «новому симбиозу денег и власти». В действительности общественную жизнь пронизал культ власти.

В самой России эти процессы и тенденции воспринимались несколько по-другому. На самом деле в начале 2000-х годов новый энергичный и относительно молодой президент произвел хорошее впечатление на многих людей из разных слоев общества. Примечательным примером могут служить высказывания российского обозревателя, известного историка и критика сталинизма Роя Медведева. В своих книгах он отмечает, что в течение первых двух сроков своих полномочий (1999–2007 годы) президент Путин зарекомендовал себя отличным коммуникатором, умело представляя политику правительства и решения по телевизионным новостям или через прямые линии общения с населением⁹³. Действительно, после «анархо-капитализма» в годы правления Ельцина многие люди в России были согласны с Путиным, что необходимо усилить вмешательство государства. К тому же на протяжении первого десятилетия 2000-х годов журналисты и исследователи часто указывали на впечатляющие темпы роста, достигнутые в так называемых «азиатских тиграх» (странах без какой-либо особой роли гражданского общества). Распространялось мнение, что новая политика России имеет хорошие шансы на успех.

93. Р. Медведев, *Политические портреты*. Москва: ФСТ, 2008, 321–72; о первых президентских сроках Путина см. «В. В. Путин в 2000 и 2008 годах» в книге того же автора «*Владимир Путин. Восьмой год в Кремле*», Москва, 2008.

Но всё же остается вопрос для нас: где и какое вмешательство необходимо со стороны государства и как оно может реагировать на инициативы граждан? Россия все еще далека от модели «социально ответственного капитализма», продвигаемой представителями «мейнстрима» в системе международного развития. Данная модель обычно включает в себя не только эффективное государство всеобщего благосостояния, но и места для гражданского общества. Последнее должно дополнять роль правительства, способствуя социальной сплоченности и предоставляя пространство для выражения различий и разнообразия, консенсуса и даже конфликта без насилия⁹⁴.

Политика «снизу–вверх». В условиях капиталистической революции, мафиозных бизнес-структур и все более консервативного правительства России надежды на подход «снизу–вверх» могут казаться тщетными и обреченными на провал. Несколько типичных примеров таких подходов приводились в предыдущих разделах этой книги: новые проекты для социальной защиты уязвимых групп в Москве, мобилизация сообщества для ремонта инфраструктуры в Центральной Азии, попытки людей на всем постсоветском пространстве переоценивать свою собственную историю и идентичность. Но местные инициативы остаются чрезвычайно проблематичными при наличии общей системы социального неравенства и несправедливости. Схемы микрокредитования, например, сталкиваются с нежеланием или неспособностью банков предоставлять кредиты под низкие процентные ставки, так что заемщикам приходится брать на себя значительные риски. Для достижения успеха проекты социального сектора нередко зависят от государственной поддержки, поскольку проблемы, с которыми они сталкиваются, сложны и требуют многостороннего и долгосрочного внимания. Наш пример об инфраструктуре во второй главе показал, что без новых инвестиций местные инициативы иногда являются не больше, чем попыткой остановить упадок и восстановить элементы общественного контроля. А переосмысление истории часто представляет собой напряженную политическую или культурную борьбу.

Над этими вопросами я начал работать с ИНТРАК после переезда в столицу Кыргызстана Бишкек в начале 2002 года в роли регионального координатора программы по укреплению гражданского общества в пяти бывших советских республиках Центральной Азии. Цель программы заключалась в укреплении добровольных ассоциаций и оказании им помощи в повышении эффективности своей работы. Большая часть нашей работы осуществлялась на местном уровне в рамках проектов развития, финансируемых международными агентствами. Но она предусматривала

94. Howell and Pearce, op. cit., 2002, B. Pratt, *Changing Expectations: the Concept and Practice of Civil Society in International Development*, INTRAC, Oxford, 2003.

некоторые другие элементы: во-первых, изучение сектора гражданского общества в регионе посредством ряда исследований и отчетов; во-вторых, помощь общественным организациям в открытии каналов для коммуникации с другими секторами через СМИ, сети НПО, институциональные связи между организациями и, в-третьих, поддержку адвокаты и лоббирование реформ в политической, экономической и социальной сферах.

Именно с этой точки зрения рассматриваются приводимые далее исторические примеры, представляющие собой попытку описать с точки зрения гражданского общества, как социалистическая революция и подходы народовластия работали в ранний советский период в Центральной Азии. Как уже отмечалось в первой части, Россия является одним из главных примеров в XX веке, когда национальное государство стремилось к радикальным социальным изменениям путем мобилизации рабочего класса и крестьянских масс. То есть это было сложный микс подходов «сверху–вниз» и «снизу–вверх».

2. Политическая мобилизация в Центральной Азии в 1920-х и 1930-х годах

С начала 1900-х годов русские социалисты обсуждали особенности «азиатского способа производства» и его значение для развития. По мнению одного из основоположников русского марксизма Георгия Плеханова, азиатские общества (главным примером которых в то время был Китай) не развивались путем от феодализма к капитализму, как страны Европы в XVI–XIX веках. Если попытаться суммировать его аргументы, анализ может выглядеть следующим образом. В Китае с 2000 г. до н.э. сформировался слой государственных служащих, обладающих большим влиянием, тогда как развитие класса купцов или бюргеров происходило гораздо медленнее. Историки спорили о том, могут ли культура и география существенно изменить основные этапы исторического развития. Между тем в Центральной Азии и других регионах, пострадавших от нехватки воды или опустынивания, общины были вынуждены создавать комитеты по воде и управлять ими; роль государства повышалась, в то время как роль предпринимателей частного сектора снижалась.

Всё это имело большое значение для перспектив социалистического развития в азиатской части России. Теоретические дебаты продолжались

по этой теме до и после Октябрьской революции. Однако если говорить о политической работе, в действительности самый большой опыт политической агитации и борьбы был накоплен большевиками в европейском и азиатском регионах России⁹⁵. События 1917 – 20 годов показали, что большевики оказались эффективными в плане политического вмешательства (планирование и завоевание власти) и создали для этого эффективный инструмент – Ленинскую авангардную партию. Однако они поставили перед собой задачу построения социализма в обществе, большая часть которого едва вступила в стадию капиталистического развития. В своей политической и экономической теории⁹⁶ Ленин показывал, что построить социализм возможно, но условия были все-таки неблагоприятными.

Во второй главе мы упоминали о критике, развернутой российскими экологами в отношении «инструментального» подхода советского режима, когда экологический ущерб воспринимался как неизбежное следствие экономического развития. Те же самые замечания можно сделать в отношении использования большевиками людских и других, в том числе материальных, ресурсов: они были готовы использовать их любым способом (через социальное «инженерование») в рамках своих социальных и экономических программ. Всеобщей целью было «ускорение» истории. Однако, добившись власти в регионах, которые в классическом марксистском смысле не были к этому готовы, они столкнулись с серьезными практическими проблемами. Одна из главных проблем заключалась в том, что рабочий класс в Центральной Азии, предположительно главный субъект социалистической революции, был еще слишком малочислен. В первое десятилетие советской власти в регионе действия большевиков были довольно осторожными, часто с ограниченной целью сохранения или консолидации власти⁹⁷.

В течение первых 15 лет после обретения независимости пятью странами Центральной Азии о советской стратегии развития было написано мало. Как национальные правительства, так и международные агентства предпочитали считать, что их развитие начинается с нуля. Поэтому в своих исследованиях я был вынужден вернуться к небольшой выборке контент-анализов советской эпохи, которую мне удалось найти в Великобри-

95. Здесь мы имеем в виду не только очаги революций 1905 и 1917 годов в Москве и Санкт-Петербурге, но и в других областных центрах до Кавказа, Урала и Сибири.

96. В таких текстах, как «Что делать? Империализм как высший этап капитализма» или «Государство и революция».

97. Так, например, Оливье Рой описывает подход Советов к работе с местными институтами. В его книге *The New Central Asia*, после главы о советизации Центральной Азии следует анализ о «переформировании групп солидарности» (т.е. бывшей элиты) и о политическом дроблении на фракции, основанном на клановых и географических корнях.

тании. Мне повезло: в 2007 году во время короткого профессионального отпуска я обнаружил, что в библиотеке Лондонской школы экономики есть обширный отдел русистики, специализирующийся на литературе о политических, социальных и экономических вопросах советского периода⁹⁸. Одним из основных источников для проведения моего анализа была книга Масселла о том, как в отсутствие массового пролетариата большевики мобилизовали женщин для социальных преобразований в Центральной Азии. Среди интересных выводов в этой книге – сравнение разных подходов к социальной и политической мобилизации, что он называет «прямым» и «косвенным» переустройством общества⁹⁹. По мнению Масселя, в условиях гражданской войны, иностранного вмешательства на нескольких фронтах и политического и экономического хаоса в самой России, большевикам потребовалось почти десять лет после революции 1917 года, чтобы разработать более устойчивую стратегию развития (как мы бы это называли) в Центральной Азии.

В библиотеке Лондонской школы экономики я также нашел несколько интересных работ советских авторов Кыргызстана о первых годах революции в регионе, и именно с них начинается следующий раздел.

Кейс: классовая борьба в кыргызских и узбекских селах. В своей книге Чокушев иллюстрирует многочисленные проблемы, возникшие перед советской властью после Октябрьской революции и захвата власти в Киргизии¹⁰⁰. С одной стороны, режим объявил, что только бедное мусульманское население может внедрять советскую власть, с другой стороны, население находилось под влиянием традиционных клановых и религиозных лидеров – слоя баев и манапов – «кровожадных кабанов», как их называл революционный поэт Токтогул в конце XIX века¹⁰¹. Первой задачей было как-то организовать коммунистическую партию, и поскольку многие партийные активисты были русскими, одно из первых указаний главнокомандующего Михаила Фрунзе¹⁰² гласило, чтобы все члены пар-

тии, будь то солдаты или партийные работники, изучали местный язык. В 1921 году партия заявила о намерении перевести всю администрацию на кыргызский язык.

Страна все еще оправлялась от восстания 1916 года (смотрите предыдущую главу), и одним из первых актов советского режима была попытка убедить кыргызских беженцев в Китае вернуться на родину. По оценкам, в городах Кашгар, Аксу и Уч-Турфан нашли убежище около 300 000 человек после восстания. Были открыты медицинские и продовольственные пункты, чтобы оказывать гуманитарную помощь возвращающимся людям, используя ресурсы, полученные от более богатых членов сообщества. Специальные меры принимались для предоставления помощи кыргызам, оказавшимся в рабстве у феодалов в Китае. Земельная реформа, проведенная в 1921–22 годах, сопровождалась реквизицией «лишних» земель у зажиточных крестьян (кулаков), в том числе переселенцев, которые оккупировали общественную землю во время событий 1916 года, а также сельскохозяйственное оборудование, крупный рогатый скот или овец.

В 1921 году для объединения безземельных и бедных крестьян и сельскохозяйственных рабочих на всей территории, называемой тогда Туркестаном, была создана ассоциация «*Кошчи*», преследовавшая как политические, так и экономические цели. Во многих селах еще не было советских или партийных организаций, поэтому группы «*Кошчи*» представляли собой новое государство и доводили до населения основную информацию о его указах и программах, собирали налоги и перераспределяли землю, оборудование и домашний скот между кулачеством и бедняками. Процесс земельной реформы охватил всю страну. Встречи проводились в каждом городе и селе под руководством партийных чиновников, где это было возможно. Однако их методы работы ограничивались предоставлением неполной информации, что затрудняло решение возникавших на местах проблем. Признавалось, что партии необходимо выбраться из городов в села, поэтому для работников сельского развития организовывались специальные курсы. По словам Чокушева, из почти 200 000 гектаров, распределенных среди бедных фермеров в Киргизии в 1921–22 годах 7,9% было изъято у кулаков и баев; 11,2% изъято в российских поселениях; 65,9% выделены новым поселениям, созданным после восстания 1916 года; и 15% земель выделены в различных ненаселенных селах, у заброшенных хижин и т.д. Он отмечает, что эта кампания носила явно «антиколониальный» характер. Шесть тысяч бедных домохозяйств впервые получили землю, что позволило им стать мелкими производителями¹⁰³.

98. У Лондонской школы экономики есть интересная связь с СССР через ее основателей Беатрис и Сидни Уэбб, ведущих светил в Фабианском обществе, которые посетили Советский Союз и с энтузиазмом писали об эксперименте по построению социализма.

99. G. Massell, *The Surrogate Proletariat: Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia 1919–29*, Princeton University Press, 1974, 57.

100. В. Чокушев, *Классовая борьба и упрочнение советской власти в киргизских аулах 1918–24*. Фрунзе, 1968.

101. См. его стихи «Арзымату» (1892) и «Пять кабанов» (1897) в сборнике «*Поэты Киргизии*» в серии «Библиотека Поэта», 1980 (67, 82).

102. Михаил Фрунзе, военачальник Красной Армии, командующий войсками Туркестанского фронта в 1919–20 годах, в честь него названа столица Кыргызской Республики, ныне переименованная в Бишкек.

103. Чокушев. Там же, с. 47.

Это было также время вооруженной борьбы. В 1917 году Кокандское автономное правительство объявило себя противником советской власти, дав сигнал начать басмаческое сопротивление в Ферганской долине и окружающих её горах. Часто говорят, что британские агенты активно участвовали в активизации противодействия советской власти, препятствуя ее продвижению на юг, в сторону Индии. Вооруженное сопротивление в меньших масштабах имело место по всей Киргизии. Например, в 1919 году в селах Дмитриевка, Беловодск и Тюп в северной части страны за оружие взялись русские помещики против советской власти. В 1920 году крупное восстание «бай-манапских» элементов было организовано в нагорье Нарына, во время которого в нескольких городах были убиты партийные работники, чтобы запугать активистов.

Как отмечает Рой, традиционные лидеры в Центральной Азии не замедлили использовать новую систему в своих целях. Многие из более состоятельных людей вступили в Туркестанскую коммунистическую партию сразу после революции, несмотря на установку о классовой борьбе контролировать и ограничивать деятельность партии. Политическое образование было на очень низком уровне, оно часто ограничивалось чтением конституции и целей партии. Чокушев пишет, цитируя отчеты того времени, что многим вступившим в партию было трудно из-за неграмотности «освоить идеи социалистического строительства и политики в целом». Одним из распространенных методов стало прикрепление обучаемых к более опытным работникам. По всей стране организовывались двухнедельные образовательные семинары с целью передачи информации и повышения качества политической работы. Как видно из списка 1921 года, они охватывали 14 различных политических и экономических тем, а лекции организовывались в так называемых «красных *юртах*» и «красных *чайханах*». В это же время была создана ассоциация «*Долой неграмотность!*»

В начале 1920-х годов лидеры большевиков признали, что раньше предлагали вступать в члены всем желающим, в том числе и представителям эксплуататорских классов. Было принято решение очистить её ряды от таких «элементов». Так, в Пишпекском *уезде* (Чуйская долина) до чистки насчитывалось 9300 членов, а после осталось всего лишь 2348 членов; в горном Нарыне из 7000 осталось 1500 членов. В областном Туркестанском исполнительном комитете были созданы национальные управления для основных национальных групп: казахов, кыргызов, туркмен и узбеков. На них возлагалась ответственность за развитие кадров и информационных ресурсов, а также за рассмотрение жалоб населения. В 1921 году были созданы Коммунистические союзы молодежи (комсомол), и у кандидатов тщательно проверяли классовую и этническую принадлежность.

К 1924 году партия добилась определенных успехов в классовом составе своего членства. Так, в число членов партийной организации «Семиречье» вошли: наемные сельскохозяйственные работники – 1,5%, сезонные сельскохозяйственные работники – 2,5%, бывшие сельскохозяйственные работники – 9,5%, бывшие рабочие – 6,0%, офисные работники и интеллигенция – 27,0%, мелкие фермеры и крестьяне – 53,5%. Как отмечает Чокушев, это было значительным достижением, хотя цели, поставленные туркестанским руководством, все еще не были достигнуты¹⁰⁴. Группа кыргызских историков в более позднем учебнике выразила свое согласие с основными моментами этого анализа¹⁰⁵. Для них основные успехи были достигнуты в политике и процессах переселения кочевого народа в оседлые поселения. Они отмечают не только отсутствие пролетариев или наемных рабочих среди коренного населения, но и слабость советских попыток ускоренного запуска индустриализации в 1920-х и 1930-х годах.

Механизмы солидарности трудящихся: пример из Узбекистана. Каковы были взгляды и опыт «работников в области развития» из рабочего класса? В начале второй сталинской революции на рубеже 30-х годов вновь потребовалась политическая мобилизация. Во время коллективизации и первого пятилетнего плана одним из механизмов, созданных для стимулирования развития сельских районов в хлопковом секторе, стало наставничество, или сопровождение (шефство), организованное городскими предприятиями и организациями. По сути, это была разновидность спонсируемого государством волонтерства, получившая широкое распространение в Советском Союзе и выражавшая важную политическую установку о «дружбе» между рабочим классом и крестьянством. Так, в 1929 году большевики приняли решение направить 25 тысяч «образцовых» пролетариев для оказания помощи в создании колхозов в Узбекистане. Около 75 тысяч человек подали заявки на участие со всего СССР и, в конце концов, 35 тысяч были отправлены на курсы по подготовке к отъезду. Среди них было много представителей разных рабочих профессий: инженеров, механиков, кузнецов, штукатуров, текстильщиков и многих других ...¹⁰⁶

В поддержку кампании «25-тысячников» текстильными фабриками в Москве, Ленинграде и Иваново-Вознесенске был инициирован один из механизмов шефства. На заводах собирали деньги для финансирования

104. Чокушев. Там же, с. 96–97.

105. Ю. Чотонов и др. *История Кыргызстана: XX век.* Бишкек, 1998.

106. А. Раззаков, Э. Гульметов «Роль городских партийных организаций в подъеме хозяйственно-культурной жизни кишлака в период создания фундамента социализма». В книге «Компартия Узбекистана: в борьбе за победу советской власти и построения социализма». Ташкент, 1968, с. 76–91.

закупки тракторов для Узбекистана. Около 400 рабочих отправились на юг, а узбекские власти собрали вместе с ними более 25 рабочих с местных фабрик. Приоритетом являлась национальная самообеспеченность хлопком, а большинство направленных работников выполняли технические функции, связанные с созданием колхозов в этом секторе. Как опытные партийные активисты, они должны были взять на себя политическое руководство в организации сельскохозяйственных рабочих, создании систем управления рабочими в колхозах и борьбе с предсказуемым сопротивлением традиционных лидеров.

Ленинградец А.П. Тихонов прибыл в Узбекистан в марте 1929 года и был направлен в горную местность для оценки готовности сельских жителей зарегистрироваться в новых колхозах. За время своей работы он помог основать три колхоза, каждый из которых привлекал членов из числа жителей 10–12 сел. Он писал в своем дневнике: «Условия были очень тяжелые. Кишлаки (села) находились на расстоянии 5–15 километров друг от друга. Население было в основном неграмотным и наблюдалась нехватка учителей. Баи и муллы активно дестабилизировали ситуацию, настраивая местных жителей против советской власти ... Фермеры жили в плохих условиях: в грязных хижинах с кострами внутри хижины, не было мебели, люди спали на полу, прижавшись друг к другу, ногами к костру. Утром, в обед и вечером мы ели одно и то же – сухой хлеб с изюмом. Но я должен сказать, что фермеры были очень приветливы...»¹⁰⁷.

Добровольцы, работники текстильной промышленности, прибыли в Ташкент как раз к весеннему посевному сезону в 1930 году. Они организовали 23 бригады и за четыре месяца пребывания (до конца мая) добились довольно впечатляющих результатов: создано 24 партийных ячейки, набрано 102 члена партии, проведено 406 бесед на разные темы, 44 колхозам оказана помощь, создано 27 пунктов грамотности. И все это достигнуто наряду с технической работой добровольцев по ремонту сельскохозяйственной техники.

Кейс: эмансипация женщин в ранний советский период. Тема прав женщин в советское время до сих пор вызывает интерес у многих студентов – начиная с жизни и произведений ранних активисток, таких как Инесса Арманд и Александра Коллонтай, до более поздних работ зарубежных историков¹⁰⁸. Как мы видели в предыдущей главе, тяжелая жизнь и предполагаемая «отсталость» женщин в Центральной Азии вызывали обеспокоенность в

России до 1917 года. На самом деле некоторая инструментализация прав женщин наблюдается во всем мире с колониальных времен и до наших дней. Вопросов здесь много: для каких групп женщин программы работают, кто ведет программы, каким образом они работают и с какими результатами для женщин? В следующем разделе коротко рассматривается мобилизация женщин в Центральной Азии в 1920-х годах, в частности, вмешательство в программы развития. Эмансипация женщин являлась приоритетной задачей советской коммунистической партии. В действительности одним из самых веских аргументов большевиков против традиционных элит стало притеснение женщин в регионе.

Как отмечала Нукрат, одна из первых женщин-писательниц и активисток в Центральной Азии в советский период, до Октябрьской революции восточные женщины были одной из «самых угнетенных и порабощенных» групп населения на обширном пространстве России. Как и многие партийные активисты, направленные в Центральную Азию, она занималась изучением местной культуры, Корана, современных комментариев к законам шариата и рассказов первых путешественников по региону. Большевики постарались применять коллективный, классовый подход к этой проблеме. Нукрат и ее сестры / товарищи старались разрабатывать подходы, учитывающие неблагоприятные условия жизни, неграмотность и болезни, от которых страдали многие женщины. Они обсуждали, как лучше сопротивляться знакам и символам «женской неполноценности» в мусульманском обществе. Ключевой вопрос заключался в следующем: могла ли политическая агитация против социального неравенства и несправедливости мобилизовать общество против традиционных мужских элит? Какие были настроения у женской половины населения и каковы их возможности для сопротивления? Какое сопротивление можно было ожидать со стороны мужчин и станут ли некоторые мужчины в конечном итоге союзниками в политической борьбе? Какими эффективными способами активисты могут поощрять чувство солидарности женщин? Как наделить их смелостью и уверенностью, чтобы они смогли бросить вызов традициям?

Следующая таблица была составлена с учетом выводов, сделанных Масселлом. В левой колонке – мнения и аргументы, использованные активистками того времени, в правой колонке – обобщения, сделанные Масселлом. Еще раз напомним читателям, что моя цель – не изучение дискурса как такового, а более общее представление сложных вопросов.

107. А. Раззаков, Э. Гульметов. Там же, с. 80–1.

108. For example, S. Rowbotham, *Women, Resistance and Revolution*, New York, Pantheon, 1972; E. Mandel, *Soviet Women*, New York, Anchor, 1975.

Таблица 3. Разработка стратегий социального преобразования

Ключевые послания активистов женского движения	Коммунистические стратегии социального преобразования
<ul style="list-style-type: none"> • женщины являются социальными по своей природе – друзьями и сестрами друг другу; • женщины трудолюбивы, они, своего рода, класс трудящихся; • в традициях нет ничего неизбежного, их можно изменить, если мы будем достаточно решительны; • старый мир уходит навсегда, а в новом обществе женщины обретут новое чувство – чувство собственного достоинства и осознание себя полноценным человеком; • женщины должны лучше осознавать свои права, волю и силу. 	<ul style="list-style-type: none"> • Революционный легализм (изменение правовой среды) – <i>революционная законность</i>. • Административное наступление (шоковая терапия) – <i>административный наскок</i>. • Систематическая работа, ориентированная на людей и организации развития – <i>систематическая работа</i>.

В этой таблице представлены, на мой взгляд, рациональные и достаточно современные аргументы и стратегии. Ключевым аспектом стратегии была попытка создать политический союз между женщинами и более бедными слоями крестьянского класса. И в этом был ключ к решению проблемы. До этого момента мобилизовать бедных фермеров, рабочих или скотоводов против средних или богатых слоев – несмотря на постоянные попытки привлечь «сельскую бедноту» в ряды партии – было очень трудно. Как отмечалось ранее, традиционные элиты находили способы подавить большевистскую агитацию и сохранить старые иерархии.

Некоторые женщины-активисты пошли дальше. Вместо того чтобы рассматривать женщин как обездоленный слой *сам по себе*, они определили особо ущемленные группы женщин. К последним относились сироты, эксплуатируемые другими членами их семей, девушки, разлученные со своими любимыми из-за родительского диктата и/или вынужденно вступившие в нежеланный брак; разведенные женщины и т.д. Эти женщины, рассуждали активисты, больше всех пострадали из-за преобладающих норм, и их опыт мог бы использоваться для создания революционного посыла. Нухрат привела еще одну причину, по которой девушки и женщины могли стать

преданными сторонниками: как только они «выходят» (например, вступают в коммунистическую партию), им больше некуда будет идти¹⁰⁹.

Приведенные в таблице три основные стратегии развития по времени следовали одна за другой, их стоит пояснить несколько подробнее. Так, в 1924–28 годах доминирующей была стратегия «революционного легализма». Она предусматривала принятие нового законодательства и создание светских судов для работы параллельно с традиционными институтами и в конечном итоге их замены, а также меры по применению принципа равенства полов перед законом.

Стратегия «административного наступления» подразумевала политически вдохновленные прямые действия, как например, повышение видимости женщин и десегрегация мужчин и женщин в общественных местах – это была культурная революция. Кампания «худжум» (некоторые переводят слово как «наступление», ссылаясь на арабский язык) была драматичным и зачастую безвозвратным шагом для женщин. Она предусматривала два основных этапа. На первом этапе членов партии и комсомола (обычно государственных работников) убеждали показать своих жен. На втором этапе организовывались массовые акции, географически сфокусированные в населенных узбеками районах Таджикистана). Трагично, что это привело к гибели многих женщин от рук своих родственников-мужчин, считавших, что они опозорили себя и свои семьи. Подход «административное наступление» был использован в 1927–29 годах в начале коллективизации.

Третья стратегия «систематическая работа», или переустройство общества, основывалась на оценке и скоординированном использовании различных направлений действий – правовых, ассоциативных, культурных и экономических – для модернизации и развития. Как отмечает Масселл, это была «прагматическая приверженность к относительно терпеливым и систематическим социальным инновациям»¹¹⁰. Ее применение началось в середине 30-х годов.

109. Massell, op. cit., 145.

110. Massell, op. cit., 190.

3. Социальная мобилизация, направляемая государством

Как отмечалось во второй главе, в конце 1920-х годов Коммунистическая партия постепенно закрыла добровольные учреждения по всей стране на том основании, что автономные органы могут вести подрывные действия против советской системы. Это относилось к «Кошчи» и ряду женских ассоциаций в Центральной Азии. Аргумент против женских групп заключался в том, что они могут поддаваться националистической идеологии или даже выбрать буржуазный путь развития, отвлекая женщин от классовой борьбы. Они могут увести женщин от участия в политической и социальной жизни страны, вернуть их в сферу семейных и личных проблем.

Приход коллективизации означал новое давление на членов партии и население в целом. Риски для руководителей высшего звена и партийных чиновников были аналогичны рискам, о которых мы рассказали в тематическом исследовании об Урале во второй главе. Одним из последствий коллективизации стал очередной голод в регионе. На основе недавно открытых архивов Коммунистической партии и правительства, исследовательница Батырбаева попыталась переосмыслить официальную статистику сталинского периода, чтобы более четко увидеть человеческие жертвы насильственной коллективизации в Кыргызстане. Она пришла к выводу, что последствия этого периода были не менее тяжелыми, чем голод в Украине или Казахстане: в начале 1930-х годов в северной части Фрунзенской области Кыргызстана, по её расчетам, от голода умер каждый шестой. В то же время она отмечает огромные успехи в развитии сфер образования и здравоохранения, где результаты были особенно впечатляющими среди населения титульной нации¹¹¹.

События в женотделе. Институциональные изменения, произошедшие с начала коллективизации, можно заметить на примере роли женского отдела, или женотдела – структуры, функционировавшей на нескольких уровнях в рамках советского административного аппарата. В 1920-х годах в Центральной Азии был организован широкий спектр женских добровольных групп, пропагандирующих новые ценности и навыки (например, «За новый быт»), или со своим политическим посланием («Долой калым и многоженство!»), группы по борьбе с неграмотностью, отделы правовой помощи и здравоохранения. Ассоциации такого рода проводили различного рода мероприятия. У них был обычный «красный уголок», где они организовывали курсы профессиональной подготовки, координировали работу сотрудников отдела¹¹².

111. Ш. Батырбаева, *Сталинская эпоха в Кыргызстане: человеческое измерение*. Российская политическая энциклопедия, 2010.

112. См. в Massell главу Reassessment and retrenchment.

В 1929 году власти передали «женотдел» из аппарата Коммунистической партии в сферу ответственности избранных Советов. Наверное, в рамках моего анализа, это можно рассмотреть, как прогрессивный шаг. В то же время они начали движение к более широкому «системному подходу» к проблемам женщин. Так, в своей речи на четвертой Всесоюзной конференции партийных организаторов среди женщин Востока в декабре 1928 года в Москве Надежда Крупская отвергла «шоковую терапию» как своего рода революционный «редукционизм» (то есть стереотипное видение всех народов и регионов). Важнейшим аспектом нового подхода, предложенного Крупской, стало признание сложности вопросов социального развития. Хотя задача эмансипации женщин действительно требовала решительных действий, Крупская высказалась за кропотливую идеологическую, организационную и экономическую подготовительную работу. По ее мнению, традиционные общины не организованы как заговор для эксплуатации и порабощения бедных людей. Они служат определенным потребностям человека как эмоциональным, так и материальным, гарантируя своего рода систему «социального обеспечения», в которой человек может найти «моральную поддержку» во время общего кризиса или личного горя, «социальную защиту труда» за счет дней отдыха и религиозных праздников, а также «эмоциональный выход», обеспечиваемый вековыми ритуалами, коллективными трудовыми привычками. В таких условиях можно мобилизовать мужчин и женщин, а их лояльность позволит победить, если советская система научится эффективно апеллировать к их личным интересам, предлагая им достаточные альтернативы традиционному обеспечению. Это позиция, с одной стороны, близка к подходу многих нынешних агентств развития. А с другой стороны, все это было сделано усилиями политического режима, который был направлен на изменение классовых отношений в пользу рабочего класса.

Военная и послевоенная мобилизация. Добровольное, полудобровольное и принудительное перемещение народов в пределах границ СССР отнюдь не закончилось коллективизацией и индустриализацией в 1930-х годах. В ходе подготовки к войне с Германией огромное число людей было перемещено дальше от линии фронта для их собственной безопасности и большей безопасности страны. Целые заводы и их рабочая сила переместились на Урал и дальше на юг и на восток. Группы населения, считавшиеся ненадежными перед лицом нацистского вторжения, были депортированы в том же направлении. Например, по расчетам Батырбаевой, в 1939–59 годах число проживавших в Киргизии представителей русской национальности удвоилось, а доля русских в общей численности населения увеличилась с 20 до 30%¹¹³. В то же время в республике было размещено более 30 000 депортированных граждан с Северного Кавказа, из них три четверти – из Чечни.

113. С. Батырбаева, *Эпоха Сталинизма в Кыргызстане в человеческом измерении*. Бишкек, 2010, с. 96–130.

В послевоенный период мобилизация постепенно приобрела менее обязательный, но более профессиональный и устойчивый характер. В основном миграционные потоки по-прежнему были результатом нисходящих административных решений о развитии новых географических областей или экономических отраслей. Молодым работникам и специалистам обычно рекомендовали первое место работы после получения квалификации в такие регионы, как Казахстан или Сибирь (то есть их направляли в эти места). Многих привлекала высокая заработная плата, предлагаемая в качестве компенсации за изолированное местоположение, суровый климат и тяжелые условия труда и жизни. Как отмечает Бойко, одним из важнейших факторов развития Сибири в советский период стал энтузиазм молодежи, занявшейся открытием новых предприятий, строительством электростанций, линий электропередачи и городов. «Для этого правительство использовало простые средства мотивирования: романтику, новую жизнь, новые профессии, независимую работу, быструю карьеру, крупные масштабы, получение собственной квартиры, улучшение общих материальных и технологических условий на территории со сложными природными условиями». Но по его заключению, несмотря на все усилия, эти идеи «в современной экономике не работают». Сибирь утратила свою былую привлекательность¹¹⁴.

В Центральной Азии самой масштабной советской трудовой миграцией стала кампания Хрущева по вспашке целинных земель в Северном Казахстане. В 1950-е годы около 800 000 добровольцев завлекли поселиться в суровых степных регионах вокруг Целинограда – позже Астаны, ставшей в 1998 году столицей страны. Миниверсия этой кампании описана Бишель в недавнем тематическом исследовании Зафарабада – местности, расположенной к западу от устья Ферганской долины, где река Сырдарья уходит в Узбекистан. Этот район, который с царских времен называли «голодной степью», является огромной пустыней, простирающейся до Аральского моря.

В наши дни для государств Центральной Азии передача даже небольших территорий (например, безлюдных долин или горных вершин) является чрезвычайно чувствительным вопросом с политической точки зрения. Примечательно, что спустя несколько лет после образования Таджикской и Узбекской советских республик было принято решение перенести Зафарабадскую «полосу» – примерно 50 тысяч гектаров пустыни, в Таджикистан. Это произошло в 1959 году, а через год начались ирригационные работы по откачке воды из бассейна Сырдарья, и в 1962 году были созданы первые совхозы¹¹⁵. Это был комплексный проект развития, охватывавший

114. Бойко, там же, с. 55–59.

115. Передача Крыма из состава РСФСР в состав Украинской ССР в 1950-е годы является другим примером такой политики.

не только каналы и поля, но и новое жилье, дороги, социальные объекты. Здесь работали международные бригады квалифицированных рабочих и добровольцев со всего СССР, и многие кадры остались там жить. Однако изначально костяк нового населения планировалось перенести из горных районов Таджикистана, в том числе в район Ягноба на высоте 3 000 метров в горах Памира. Согласно исследованиям Бишель, эта схема преследовала более глубокие цели, а не только экономическое развитие. «Прощай, Ягноб, здравствуй, степь!» – гласили советские плакаты, а в пропагандистских материалах прямо объяснялось, что нереально все материальные блага современной цивилизации привнести в горы.

Чем заканчивается эта история? Ягнобцы переселились в степи. Зафарабадский регион получил большой толчок для развития, но в 1970-х годах потребовалась вторая миграционная волна, чтобы обеспечить рабочую силу для колхозов и других объектов. До сегодняшнего дня воду на этой территории необходимо качать. Не всем жителям гор понравилась жизнь на равнине. Как отмечает Бишель, некоторые признавались, что предпочитали свои собственные домики из камня или глины на Памире советским многоквартирным домам¹¹⁶. В советской истории довольно много примеров такого рода принудительного перемещения внутри Таджикистана, и Оливер Рой называет это обостряющим фактором гражданской войны, разразившейся в 1990-х годах. И когда вспыхнули военные действия между исламистами, демократами и представителями других групп, ситуация, что во многих селах жили большие группы недавно перемещенных людей, в некоторых случаях обостряла политическую обстановку¹¹⁷.

Противоположных примеров также немало. В восстановлении Ашхабада и Ташкента после разрушительных землетрясений в 1948 и 1966 годах ключевую роль сыграли международные бригады. В этой мобилизации присутствуют некоторые общие черты с современной гуманитарной помощью (быстрое предоставление технической помощи и средств после стихийного бедствия), но также есть и отличия: число призываемых людей и иные политические установки (в данном случае социалистический идеализм).

Подводя итоги тематическим исследованиям из истории. Как жили, как смотрели на жизнь, к каким выводам пришли молодые специалисты или

116. С. Bischel, “In the name of victory – turning the hungry steppe into new land”, lecture at University of Central Asia, 2011. Это исследование частично носит антропологический характер, и в нем много метафор, как например, «целинная» земля (новая, нетронутая) или «щедрая степь» (потому что если вы дадите воды «голодной» степи, она станет плодородной и даст пищу всем). Народ Ягноб происходит от солдат, сражавшихся в армии Александра Македонского. В статье журнала *Steppe* (№ 8, с. 36–55) рассказывается, что многие из них умерли от химического отравления в первые годы в Зафарабаде.

117. См. Рой о «войне колхозов», с. 94–6.

партийные активисты из РСФСР и других советских республик, занимавшие посты в Центральной Азии в 1920-х и 1930-х годах? Что это означало для упомянутых выше женщин-активисток? По вопросам такого рода в советской литературе, искусстве и кино существует огромное количество материалов. Посещение национальных художественных галерей в Алматы, Бишкеке или Ташкенте демонстрирует до сих пор силу многих картин, посвященных таким темам, как «первый сельский учитель», «юные пионеры», крупные строительные и промышленные проекты и т. д. – шедевры соцреализма, которые выставляются наряду с модернистским искусством в его различных формах. Такие работы ярко передают позитивный, конструктивный дух и энергию тех времен.

Но для активистов как для государственных чиновников и технических специалистов существовали и политические риски. Недавняя статья в журнале *Central Asia Survey* посвящена проблемам, стоявшим перед такими работниками в области развития, как «25-тысячники» в Таджикистане. После описания физических трудностей, с которыми столкнулся ряд работников низового уровня, мы узнаем, что во время сталинских чисток в конце 1930-х годов некоторые из них были казнены, наряду с коммунистическими кадрами старшего и среднего звена и ключевыми представителями первого поколения национальной интеллигенции в Центральной Азии¹¹⁸.

1920-е и 1930-е годы выделяются как период творчества и конфликтов, который завершился трагедией сталинских репрессий и огромных человеческих потерь Второй мировой войны. Ограничения военного коммунизма и принудительного развития сейчас хорошо известны – но, к сожалению, до сих пор повторяются. Похожая стратегия применялась в регионе Центральной Азии во время режимов Бабрака Кармаля и Хафизуллы Амина в Афганистане. И вопрос о том, насколько реально устойчивое развитие во время военной оккупации и бомбардировок, остается спорным и сегодня. Многочисленные программы развития были развернуты в Ираке и Афганистане в 2000-х годах, в то время как США, Великобритания и НАТО воевали в этих странах – и уже ясно, что они не достигли тех результатов, на которые надеялись.

Посещение музея Андрея Сахарова в Москве весьма полезно для размышления о связи между революционной политикой и развитием. С одной стороны, экспонаты музея Сахарова, описывающие советскую идеологию, хорошо передают несомненный динамизм СССР, его модернизирующую направленность и инновации. С другой стороны, они отражают этическую

118. B. Kasymbekova, "Helpless Imperialists", *Central Asia Survey*, Vol. 30, No. 1, March 2011, 21–38.

критику Сахарова в отношении насилия и негативности во многих коммунистических установках¹¹⁹. Даже в 1970-е годы советская пропаганда все еще была резкой, я помню её призывы к «ликвидации» своих врагов.

Замечания по поводу легализма в подходах к развитию, приведенные выше в связи с эмансипацией женщин, также актуальны. То есть на сегодняшний день сложилась такая ситуация, когда законы, нормативные акты и стандарты (включая стандарты демократии и прав человека) экспортируются по всему миру и государства более слабых стран принимают их в обмен на финансирование или кредиты от международных агентств¹²⁰. Но практика показывает, что законы и стандарты слабо работают, когда они принимаются с целью получить гранты или кредиты. В действительности, как видно из опыта про-капиталистической революции в переходный период, легализм и административная шоковая терапия часто не приводят к желаемым результатам. Наоборот, плохо продуманные законы и государственные решения могут, как писал Сергеев (смотрите главу 1), открывать «серый» период, где все позволено и богатеют инсайдеры.

Если говорить на языке прав человека, на постсоветском пространстве рынок был провозглашен со всеми его новыми правами и административными процедурами, но одновременно было ограничено всеобщее право на работу и рабочие места в государственном секторе и личные сбережения людей испарились. Это действительно было своего рода насилием, с долгосрочным отрицательным эффектом. Как отмечает Масселл, в связи с обсуждением «женского вопроса», радикальные решения иногда вводят в заблуждение своих сторонников, заменяя собой более долгосрочные, систематические и преобразующие подходы. Акции, такие как «худжум», провоцировали большой политический конфликт внутри традиционного общества региона и большевикам приходилось менять свою политику – и таким образом преодолеть сопротивление и достигать более широких социальных перемен¹²¹.

В следующее десятилетие советского времени с 1929 по 1939 год, с одной стороны, наблюдался рост «административного наступления» в отношении коллективизации, но в то же время отступление в вопросах, затрагивающих семейные отношения и отношения между мужчинами и женщинами.

119. См. раздел музея Сахарова «Мифология и идеология СССР». Сахаров хорошо знал, что западные установки не были лучше.

120. Так называемая политика «conditionality» в финансировании.

121. О ситуации и степени эмансипации женщин в Центральной Азии в конце советского времени смотрите анализ S. Akiner, "Between Tradition and Modernity: the Dilemma Facing Central Asian Women" в M. Buckley ed., *Post-Soviet Women: from the Baltic to Central Asia*, Cambridge University Press, 1997, 261–96.

Масселл делает из этого вывод, что СССР не смог легитимизировать себя и следовать своим главным экономическим и политическим целям, разрушая при этом социальные основы (то есть традиционную семью и крестьянско-пролетарское общество), на которых строилась эта легитимность. Другими словами, поощрение свободы в гендерных и личных отношениях было небезопасно для авторитарной системы, поскольку впоследствии оно могло обернуться против нее самой. Это было большой дилеммой для советского режима: действовать одновременно как «революционер» и как «власть».

4. Политическое и гражданское общество во времена перестройки и цветной революции

События, проблемы и политические споры, упоминаемые в этой главе, не новы в кругах специалистов или левых историков. Но многие из них не обсуждались открыто в годы советской цензуры, и сегодня их мало обсуждают в неолиберальных кругах в области развития. Международное развитие в 1990-х годах осуществлялось в основном без исторической перспективы. Большим стимулом для меня стал выпуск в начале 2000-х годов на английском языке более обоснованных исторических материалов о развитии и его результатах в бывшем СССР, например, работ «постсоциалистической» школы на западе¹²². И в политике международного развития были какие-то изменения: например, был принят «Вашингтонский консенсус», в котором более четко обозначены роль и ответственность национального государства, и «Парижские соглашения», где роль гражданского общества в мониторинге процессов развития была усилена¹²³.

Такой была ситуация в тех прагматичных кругах, в которых работали сотрудники программ развития в Центральной Азии до середины 2000-х годов. Материалы по вопросам развития довольно точно были сосредоточены на задачах и вызовах сегодняшнего дня. Я как регулярный читатель центральноазиатской прессы часто задавался вопросом, почему отсутствуют материалы с советской тематикой на фоне высокого интереса к досовет-

122. Примерами являются книги вышеупомянутых авторов, как Akiner, Buckley, Bridges, Humphrey и в сфере гражданского общества Laxter, Mandel, Hann.

123. Изменения в политике развития в отношении НПО регулярно обсуждались на страницах нашего бюллетеня Ontras, который в Бишкекском офисе мы переводили на русский язык и распространяли по всему региону.

ским традициям. Хотя, надо признать, ситуация постепенно меняется. Например, появились такие еженедельные колонки в газетах, как «Этот день 50 лет назад; этот день 70 лет назад», и все больше материалов напоминают о советских временах и сюжетах. В интернете и в электронных СМИ, конечно, разнообразие контента даже больше. На местных выставках, в рекламе и в материалах разного рода общественных кампаний широко используются советские литература, фразы и символика. Университеты, эксперты и исследовательские агентства осознали тот факт, что наследие XX века имеет значение, и они проводят многочисленные исследования различных аспектов советской жизни, которые продолжают влиять на настоящее.

Перестройка, переход и цветная революция. В каждой стране региона процессы переходного периода обсуждались по-своему. За открытость прессы и политической сферы в Кыргызстане в первые годы независимости мы можем благодарить первого президента Аскара Акаева, академика и перестроечного либерала. Так, в 1990-х годах Кыргызстан стали называть «островком демократии» в Центральной Азии. Это было время, когда НПО открывались «как грибы» или «на каждом углу», и многие из них получали поддержку в виде международного финансирования и укрепления потенциала. Зарегистрировать организацию было относительно легко. В течение первых 15 лет переходного периода люди были открыты для любого нового, а не только западного влияния. Кыргызстан был готов апробировать все виды рыночных реформ и даже вступил во Всемирную торговую организацию. Гражданское общество постепенно осознало себя как «сектор», наряду с государственным и бизнес-секторами.

Напротив, в Узбекистане ситуация была иной. Здесь была более авторитарная модель, продвигаемая президентом Исламом Каримовым, с акцентом на сохранение как можно большего числа экономических выгод советского периода (включая такие передовые отрасли, как автомобильное и авиационное производство, химическую промышленность и сельское хозяйство, в частности, хлопок как товарную культуру на экспорт). Это было настоящим достижением по сравнению с Кыргызстаном и Таджикистаном, где промышленности позволили практически полностью закрыться. А Узбекистан пытался сохранить систему социальной защиты, в результате чего некоторые показатели человеческого развития Узбекистана выше, чем у его более либеральных соседей. Однако, как отмечалось в предыдущей главе, никакого развития в информационной сфере не наблюдалось. Президент Каримов объявил о политике «сильного гражданского общества в сильном государстве»; но с таким небольшим количеством действующих НПО в стране, это не было реальностью. Лишь после его смерти и вступления в должность президента Мирзиёева ситуация начала меняться за счет обширной программы реформ, которая обещала больше возможностей и независимости для гражданского общества.

Интерпретация: две цветные революции в Кыргызстане. Как я вижу, «цветная революция» является продолжением, вторым или третьем витком в процессах перестройки. То есть цветная революция обычно происходит в странах, где большая часть населения и определенные слои политической элиты считают, что переходный период работает не на них или был «украден» другими. Что касается политического процесса, их разочарование выражается в недоверии или несогласии с результатами выборов; а в экономике – недовольством массовой бедностью, возникшей в результате коррумпированной приватизации и несправедливых, плохо управляемых реформ. Кыргызстан пережил две цветные революции. В последнем разделе этой главы мы кратко рассмотрим степень гражданского и политического участия во время событий 2005 и 2010 годов с убеждением, что события в такой довольно свободной стране, как Кыргызстан, имеют значение для всего нашего региона.

Сравнение революций 2005 и 2010 годов. 24 марта 2005 года действующий президент Акаев был свергнут после штурма Белого дома в Кыргызстане; а 7 апреля 2010 года та же участь постигла президента Бакиева. В обоих случаях новый режим объявил эти даты национальным праздником. И в обоих случаях одним из основных поводов недовольства был нарастающий клановый характер режима. Имел значение тот факт, что накануне революции оба президента продвигали своих детей на позиции большой власти и влияния. В 2005 году дети президента Акаева стали парламентскими депутатами. В 2010 году сын президента Бакиева Максим стал директором Центрального агентства Кыргызской Республики по развитию, инвестициям и инновациям. Провозглашенная политическая повестка дня обеих революций была одинаковой: переход от президентской системы правления к парламентской. Революции выявили сохранявшееся разделение на Север и Юг в Кыргызстане: Акаев был северянином, Бакиев – южанином, следующий президент Отунбаева – опять из северной части страны. Перед каждым событием это географическое деление отражалось в политической мобилизации.

В российской прессе часто упоминалось, что за цветными революциями стояло в первую очередь прозападное гражданское общество. Однако более тщательное изучение ситуации показывает другое. Хотя гражданское общество Кыргызстана сыграло свою роль, поощряя активность людей в выражении недовольства или предложении новых решений для старых проблем, сами по себе НПО в этих событиях не являлись ключевыми игроками. В данном случае главную роль играли политические, региональные, клановые и даже мафиозные лидеры¹²⁴. С другой стороны, после револю-

ции 2005 года многие лидеры НПО, наблюдая продолжающиеся проблемы во всех сферах жизни страны, решили, что они обязаны влиять на большую политику, и стали успешно баллотироваться в депутаты на местном или национальном уровне. И это также произошло после революции 2010 года.

Различия. Уровень политического (или квазиполитического) насилия в Кыргызстане значительно возрос в 2005–2010 годы. В результате революции 2005 года временами казалось, что криминальные авторитеты бросили открытый вызов новому политическому руководству: произошло несколько бунтов в тюрьмах, громкие убийства парламентских депутатов и известных бизнесменов. В марте 2005 года президент Акаев, не оказывая сопротивления, бежал из страны. Спустя 3–4 года оппозиция новому президенту Бакиеву начала усиливаться, он прямо заявил, что не сбежит. На самом деле, режим Бакиева становился все более жесточенным. Последние годы его президентства омрачены убийством оппозиционных журналистов и колеблющихся правительственных чиновников, и никто не был арестован и предан суду за эти преступления. Наконец, 7 апреля 2010 года неорганизованное, но вооруженное нападение на Белый дом было встречено снайперским огнем с крыши здания, и около 90 протестующих погибли до очередного бегства президента из страны.

Националистические настроения играли роль в двух революциях, но по-разному. В 2005 году одной из первых причин для политической мобилизации против президента было его решение отдать несколько квадратных километров на юго-востоке, давних объектов несогласия с соседним Китаем. В 2010 году региональное деление страны приобрело дополнительный этнический характер. Так, через два месяца после бегства Бакиева из Бишкека на свою политическую базу в Джалал-Абаде, на юге Кыргызстана, новое временное правительство получило поддержку этнической узбекской общины (составляющей большинство населения в южных городах) и добились окончательного выезда Бакиева из страны. Это привело к жесточеным столкновениям с местной кыргызской общиной (многие из них были сторонниками Бакиева) и смерти свыше 400 человек в Оше и Джалал-Абаде.

Описанные выше трагические события стали шоком для всех людей в Кыргызстане, которые, соблюдая национальные различия, все-таки считали себя интернационалистами. Факты насилия в Бишкеке и Оше имели разные последствия. Если после революции 2005 года, которая сопровождалась широкой национальной эйфорией, наблюдался расцвет

124. События 2005–2007 годов более подробно анализируются в книге автора *Гражданское общество в Центральной Азии: преодолевая кризисы постсоветского периода* (русская версия). Бишкек: ИНТРАК, Бишкек, 2017 г. События 2010 года описываются

в его статье *In Good Times and Hard Times: Civil Society Roles in Kyrgyzstan Today*, в C. Ziegler, *Civil Society and Politics in Central Asia*, Kentucky University Press, 2014.

различных новых идей и мнений, то в 2010 году преобладали другие настроения: печаль, разочарование, этническая враждебность. Что касается новой власти, то во время переходного президентства Розы Отунбаевой первым шагом было изменение Конституции и внедрение парламентской системы правления, так как, по мнению новой власти, Бакиев отошел от позиции тех, за счет кого пришел во власть в 2005 году.

Кроме того, с 2005 по 2010 год сильно изменилась ситуация на международном уровне. Первая революция произошла на пике американского влияния в регионе, явным индикатором которого стало присутствие американской авиабазы в международном аэропорту «Манас», поддерживавшей военные действия в Афганистане. Но политическое взаимопонимание между США и Кыргызстаном, кажется, пошатнулось в преддверии выборов 2005 года, когда американские дипломаты открыто выражали надежду «на более быстрое продвижение демократии» в стране. В 2010 году, напротив, главным дестабилизатором режима Бакиева считалась Россия. Так, накануне апрельских событий в газетах появилось несколько статей о недовольстве Президента Путина растрачиванием грантов и кредитов, предоставленных Россией в предыдущем году. К тому же русскоязычная пресса в Кыргызстане продолжала громко протестовать против присутствия военной базы США на территории аэропорта «Манас».

Наконец, за это время значительно изменилась роль гражданского общества. После 2005 года большинство международных доноров стали более осторожно и выборочно относиться к поддержке гражданского общества как сектора. Это особенно сказалось на программах обучения, проводимых для НПО. Доноры начали все больше направлять свои средства через правительство, а НПО привлекались в качестве субподрядчиков для определенных проектов. Как показал опрос, проведенный партнерами ИНТРАК после межэтнических столкновений в Оше и Джалал-Абаде, число активных НПО в этих двух областях значительно уменьшилось по сравнению с их общим числом пятью годами ранее. Несмотря на это, именно общественные организации и активисты от местного сообщества первыми вышли на сцену во время «войны» в Оше и Джалал-Абаде, оказывая гуманитарную помощь враждующим людям по обеим сторонам баррикад.

Еще одно различие можно было заметить на национальном уровне среди НПО, занимающихся вопросами демократии и прав человека. Они всегда пользовались высоким авторитетом, а после 2010 года достигли общенационального уровня признания и приняли участие в разработке новой Конституции, формировании нового канала общественного вещания, проверке новых судей, в лоббистских и консультативных группах всех видов. Эти НПО к тому времени создали свои собственные ниши: одни сфокусировались на избирательных процедурах и мониторинге, другие – на

прозрачности правительства, третьи – на защите этнических меньшинств от репрессий после июньских событий 2010 года. Значимую роль играли женские НПО, например, организовавшие кризисную помощь для женщин. То есть внутри сектора более явной стала политическая и профессиональная дифференциация. По сей день средства массовой информации в Кыргызстане на удивление свободны и открыты. Например, в 2011–2012 годах проводилось открытое обсуждение таких суперчувствительных вопросов, как: можно ли оправдать солдат, открывших огонь по протестующим на главной площади Бишкека, остались ли они верными своей клятве, подчинившись приказам, или же требования народа были более приоритетными? Или насколько эффективной оказалась парламентская система, введенная после внесения поправок в Конституцию летом в 2010 году?

Во всем этом мы видим существенное различие между политическими и гражданскими интересами. Революции 2005 и 2010 годов привели к смене политической элиты и чиновников на всех уровнях государства. Новые лидеры обещали уволить коррумпированных и неэффективно работающих представителей старого режима. Они поставили на их место новых людей, энергичных и преданных своим партийным, клановым или региональным приоритетам. А гражданскому обществу часто приходилось строить с нуля отношения с государством, обязательные в вопросах развития. Многие из новых избранных депутатов или государственных чиновников не имели опыта в вопросах управления, другие только знали сферу бизнеса или торговли; и вопрос об их легитимности оставался спорным. В эти переходные периоды больше всего пострадали самые уязвимые слои населения. Как и в 1990-х годах, в проигрыше остались такие социальные группы, как дети, пожилые люди и люди с инвалидностью. Меньше стало денег в государственных бюджетах, общественная инфраструктура постепенно пришла в негодность, а созданные НПО механизмы консультативной и политической поддержки заняли последнее место после более сильных групп.

Наконец, во время революции 2010 года экономические проблемы были более важны, чем в 2005 году. По Кыргызстану сильно ударил мировой экономический кризис 2008–2010 годов, и решение президента Бакиева в конце 2009 года распродать основные энергетические компании и одновременно повысить тарифы на электроэнергию в два–три раза стало поводом для народных волнений. Эта проблема дала оппозиции шанс заручиться массовой поддержкой, которую она вряд ли бы получила для своей программы конституционной реформы. Таким образом, мы видим сложную среду для развития в его революционном или переходном вариантах, в которых политическая и гражданская мобилизация всегда играют свою особую и взаимосвязанную роль. А в случае доминирования политической мобилизации независимая деятельность гражданского общества часто ограничивается.

Глава 5. Децентрализация местного самоуправления и развитие ГО на Урале и в Сибири

1. Передача социальных услуг местным органам власти в переходный период в России

Как показано в предыдущих главах, в Советском Союзе основные решения в области экономической и социальной политики принимались в центре партийными и государственными органами. Экономические субъекты (фабрики, офисы, совхозы и т.д.) должны были удовлетворять социальные потребности населения, и большинство из них были подотчетны отраслевым министерствам или сопоставимым учреждениям на уровне Союза. Отдельным советским предприятием управлял триумвират: партия, принимающая политические и стратегические решения; руководители, ответственные за технические решения и повседневное управление; и профсоюз, помогавший организовать рабочий процесс и ответственный за ряд социальных обеспечений, определенных государством.

Процессы переходного периода в 1990-е годы полностью разрушили эти механизмы, точно так же, как они уничтожили две фундаментальные гарантии, созданные СССР: полную занятость и всеобъемлющие субсидии на покрытие потребительских цен, в том числе арендную плату и продукты питания. Они также подорвали другие достижения в области развития советского времени, как например, бесплатное образование, здравоохранение и ряд культурных программ.

В начале советского периода новая коммунистическая власть ставила своей целью снизить влияние, ответственность и функции семьи, заменив их общественной поддержкой со стороны государства. На этом фоне население очень активно участвовало в предоставлении услуг. Я сам наблюдал это, когда работал в агентстве печати «Новости» в 1970-х годах, где профсоюзные комитеты играли ведущую роль, например, в организации медицинской информации и медосмотра на рабочем месте, а также в таких местах отдыха, как детские сады и детские оздоровительные лагеря. С 1970-х годов советская власть провела ряд реформ, смягчивших государственную «монополию» в социальной сфере. Здесь можно привести два примера.

Во-первых, ряд общественных организаций, таких как Всероссийская ассоциация инвалидов, получили полномочия по подготовке информации и разработке услуг для своих членов через разветвленную национальную сеть филиалов. Во-вторых, в советской Конституции 1977 года предусматривалось, что родители несут полную ответственность за своих детей; а дети, в свою очередь, за благополучие своих родителей в старости. Это привело к возврату семье определенных традиционных обязанностей.

В результате распада Советского Союза и приватизации многих наиболее передовых предприятий новые работодатели сразу или постепенно сняли с себя существовавшие ранее социальные обязанности своих предприятий. Профсоюзы унаследовали большую часть социальной инфраструктуры, но без государственного финансирования для поддержания объектов этой инфраструктуры. Стало понятно, что местным органам власти придется взять на себя многие из этих услуг, но было неясно, кто будет их финансировать и какие использовать управленческие и технические ресурсы. Так же, как у Маргарет Тэтчер в Великобритании 10 годами ранее, идеология перехода 1990-х годов была противопоставлена тому, что она назвала «пожизненным» благосостоянием (то есть поддержка, оказанная с момента рождения человека до его смерти). Новые разработчики правовой политики в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе считали унаследованные ими всеобъемлющие системы социальной защиты потерей государственных ресурсов, а не инвестициями в будущее. Их главный приоритет – в создании и развитии среднего класса. Бедным и уязвимым группам населения, например, выброшенным с работы в процессах приватизации, пришлось ждать, пока на них обратят внимание.

Социальная политика неолиберального порядка возникла намного позже, чем политика частого рынка или демократизации. А когда эта политика действительно сформировалась, она акцентировалась на применении временных и выборочных мер для самых слабых в обществе, а не на создании новой универсальной системы социальной помощи. В конце 1990-х годов один из ведущих российских экспертов в области социальной политики Гонтмахер заметил, что ключом к социальной политике является «адресность» пособий, и в качестве примера он привел пособие на ребенка¹²⁵. В 2000 году российское правительство приняло решение ограничить предоставление этого пособия семьям со средней заработной платой на человека ниже официального прожиточного минимума. Это привело к 30%-ному сокращению числа лиц, имеющих право на его получение.

Другая проблема заключалась в том, что дерегулирование экономики в 1990-х годах привело к сокращению налоговой базы страны. Как мы виде-

125. Е. Гонтмахер, *Социальная политика в 1990-х*, Москва: Гелиос АРБ, 2000.

ли в 1-й главе, новые богатые массово переместили свои активы и деятельность в неформальный сектор. По мере утраты финансовой прозрачности становилось все труднее понять, на чем следует акцентировать внимание в социальной политике. Таким образом, результатом неолиберальной экономической политики стало сокращение вариантов социальной политики. Напротив, потенциальную выгоду для страны стали представлять новые возможности для некоммерческих поставщиков социальной помощи. Однако предоставление таких услуг силами НПО по самой своей природе имеет довольно неравномерный (не универсальный) характер – и они развивались в странах бывшего СССР медленнее, чем в Восточной Европе, и охватывали больше городские, нежели сельские территории. Для развития социальных услуг через ОГО необходимо было наличие эффективной системы местного самоуправления, обеспечивающей заказ, контракты и мониторинг услуг, предоставляемых различными группами и организациями. Но в середине 1990-х эта система еще не была внедрена.

Одним из наиболее позитивных изменений, инициированных в 1990-х годах, стало развитие социальной работы как профессии с формальными квалификациями и стандартами. Лидерами в этой области оказались прогрессивно настроенные учителя, которым помогали сильные команды социальных педагогов и психологов. Их работа была поддержана принятием нового закона «О социальной защите инвалидов» (1995 г.) и Семейного кодекса Российской Федерации (1996 г.). К концу 1990-х годов правительство приняло более комплексный подход к проблемам молодежи, экспериментируя с многомерными программами с социальными, образовательными и рекреационными элементами. Например, некоторые программы были сфокусированы на здоровом образе жизни и половом воспитании в попытке отреагировать на растущую вовлеченность молодых людей в преступную деятельность, злоупотребление алкоголем и наркотиками.

Программа EEP/VSO по развитию социальных и медицинских услуг. В первой главе мы упоминали о работе международных волонтеров в сферах социальной защиты и здравоохранения в начале переходного периода. Программа VSO на Урале была очень востребована из-за серьезного воздействия перехода на промышленность и занятость в этом регионе в начале–середине 1990-х годов. А также было много вызовов. Во-первых, в больницах, как и в детских домах, мало кто имел навыки разговорного английского языка, хотя многие умели читать по-английски в пределах, необходимых для выполнения своей работы. Самые простые ежедневные коммуникации часто требовали помощи местного переводчика. Тем не менее как на низовом уровне, так и на более высоком институциональном уровне работа в волонтерских проектах проводилась успешно в разных областях, как показывают приведенные далее примеры.

Таблица 4. Вклад волонтеров в области социальной политики и услуг

Город Пермь и Пермская область	Город Екатеринбург и Свердловская область	Город Челябинск и Челябинская область
Обучение социальной работе	Информация о здоровье для больных диабетом	Обучение социальной работе
Создание хосписа для неизлечимо больных	Общинные отделения психического здоровья	Развитие городского ресурсного центра НПО
Работа в детских домах и внедрение схем и методик работы с молодежью с наркотической и алкогольной зависимостью	Образовательные программы НПО для детей с особыми потребностями	Помощь в управлении областному обществу инвалидов
Создание проекта / подразделения по аутизму	«Аутрич» работа среди молодежи в монопрофильных городах	Санитарное просвещение по вопросам ВИЧ-СПИДа

Некоторые темы были сквозными. Так, во многих местах стандарты управления социальной защитой были улучшены за счет отчетности, ориентированной на клиента, и междисциплинарных подходов. В сфере здравоохранения подходы и специальные навыки, которые были новыми в России, включали паллиативную помощь, а также помощь при ВИЧ/СПИДе и диабете. В социальном секторе волонтеры способствовали переходу от институциональной помощи к помощи на уровне сообществ. В интернатах (в которых в 1990-х годах в России по-прежнему проживало 1,5 миллиона детей) они помогли улучшить подходы в коммуникации с детьми, обучили педагогов игровым методам и способам развития у детей социальных навыков и навыков самостоятельной жизни¹²⁶.

В программе VSO в России большой приоритет уделялся проблемам инвалидности. Высококвалифицированные волонтеры в области социальной работы и медицины помогли организовать новую службу раннего вмешательства для детей с синдромом Дауна и детей с врожденными дефектами неба, поддерживая группы самопомощи родителям детей для того, чтобы они могли заботиться о своих детях дома. Волонтеры также активно поддерживали развитие профилактической работы для молодых людей – наркозависимых и больных ВИЧ/СПИДом, помогая создавать службы снижения вреда и организовывая кампании по повышению

126. J. Harwin, *Children of the Russian State 1917-95*, Avebury, 1996.

осведомленности по всему Уральскому региону. Для больниц, отделов социальной защиты так же, как и для НПО, новая независимая и незащищенная финансовая среда была чревата многими рисками. Иностранцы специалисты с опытом конкурентной среды, сокращения государственного бюджета, маркетинга и менеджмента стали очень ценным ресурсом для принимающих их россиян¹²⁷.

2. Ситуация с местным самоуправлением в 1990-х и 2000-х годах

Как отметил Гельман в своей книге «*Автономия или контроль?*», тема местного самоуправления для многих является не самой интересной, привлекая значительно меньше внимания политологов и журналистов, чем, например, глобализация, национальные выборы или политика идентичности. С другой стороны, государственная децентрализация имела огромное значение как для местного населения, так и для программ развития и работы ОГО¹²⁸. Именно с учетом этого мы приводим пример из уральского города Перми.

В 1990-х годах в местных органах власти произошли значительные изменения. Так, в 1993 году была принята новая Конституция России, в которой провозглашалось, что органы местного самоуправления не являются частью государственного аппарата (статья 12), а также ряд законов, обещающих, как казалось многим, некую муниципальную революцию. Однако результаты не были впечатляющими. Муниципальные бюджеты по-прежнему зависели от субсидий центрального и областного правительств, и на них по-прежнему лежало бремя поддержки учреждений, переданных им от заводов и других предприятий в начале десятилетия. В результате в 2000 году около 95% муниципалитетов все еще работали в

127. В проектах, описанных выше, VSO воспользовались партнерскими отношениями с британскими НПО, такими как Национальное общество защиты детей, Healthprom и Mensar, а также специализированными подразделениями, созданными местными властями, такими как Социальные службы Кент, работающими с экспертами по социальной политике в Кентском университете.

128. Ю. Гельман, *Автономия или контроль: реформа местной власти в Российских городах 1991–2001*. Москва: Летний Сад, 2002.

условиях дефицита финансирования. И огромные различия наблюдались в том, как местные элиты реализовывали новые законы о самоуправлении. Например, Татарстан оставался крайне авторитарным регионом, в то время как совсем рядом на Урале проводилось несколько экспериментов с децентрализацией, например, в Перми.

Кейс: политика, экономика и местное самоуправление в Перми. В советское время Пермь была относительно развитым регионом с хорошо диверсифицированной промышленной базой – с соляными и угольными шахтами, добычей и переработкой нефти и газа, машиностроением, связанным с военной промышленностью. В 1990–1991 годах, как выразился один местный обозреватель, региональная элита Коммунистической партии «покинула корабль» и начала заниматься бизнесом, возглавив недавно приватизированные отрасли. Областная администрация вскоре стала местом переговоров с частным сектором практически по всем вопросам, волнующим население. В городе Пермь (с населением в 1 млн и 2,8 млн жителей в области в 1989 г.) должность избранного мэра была учреждена в 1992 году. Первый таким образом избранный мэр Юрий Трутнев, представляя коммерческие и торговые интересы в городе, в сотрудничестве с вице-мэром от левой центристской партии «Яблоко» внедрил многие демократические нововведения, продвигаемые Москвой.

После краха промышленности в 1990-х годах новыми доминирующими секторами экономики стали добыча сырья и коммуникации – и компании «Лукойл» и «Связьинформ» заняли монопольное положение. Власти области предоставили лояльный налоговый режим 100 наиболее важным местным компаниям. Лишь в конце десятилетия лидеры нового частного сектора Перми обратили свое внимание на политику на уровне города. К тому времени, когда городская дума была избрана в третий раз, почти каждый депутат имел тесные связи с той или иной бизнес-группой¹²⁹. К сожалению, как только Трутнев получил повышение по службе и стал губернатором провинции, он начал обратный процесс, и городские власти потеряли многие из своих завоеваний. Поэтому, согласно многим комментаторам, местным органам власти удалось добиться лишь «квазиавтономии» в этот период¹³⁰.

К середине 1990-х годов НПО в Уральском регионе начали обращаться к местным органам власти с предложениями о создании совместных программ для решения социальных проблем и бедности. Однако разработка таких программ в регионах РФ осложнялась несколькими факторами: во-первых,

129. См. там же Гельман, с. 200–9.

130. См. также статью Надежды Борисовой о Перми в журнале «Неприкосновенный запас», 2010, № 2. «Город: режимы жизни», с. 92–102.

отсутствием федерального закона, устанавливающего рамки для межотраслевых программ; во-вторых, неясностью в отношении цели – помогать с финансированием НПО или решать приоритетные задачи, определенные местными властями. В Перми первым шагом стал выпуск руководства для местных НПО силами Гражданской палаты, а затем формирование государственного заказа на социальные услуги. К этому времени несколько неправительственных организаций «заработали» хорошую репутацию в городе, например, Пермский хоспис, созданный с помощью партнеров из сектора здравоохранения в Великобритании. В соседнем Екатеринбурге законы, принятые властями Свердловской области о благотворительной деятельности, о создании попечительских комитетов и о правах детей, заложили основу для сотрудничества НПО и правительства. Одной из первых областей, в которой было достигнуто практическое сотрудничество, стала молодежная политика и программы; к 1997 году около 50 волонтерских организаций установили рабочие связи с областным комитетом по делам молодежи, получая финансирование на основе подписанного соглашения¹³¹

Долгосрочное воздействие. Многие из описанных выше новых инициатив и стратегий работы уже выдержали испытание временем. При проведении исследования для написания этой книги я вернулся в Пермь и увидел, как в последние десять лет развивалась система социальных заказов и насколько важную роль играют представители НПО в обсуждении новых программ, утверждении контрактов и мониторинге проектов. Это и выбор социальных вопросов в качестве ежегодных приоритетов госзаказа, и дальнейшее развитие методологий работы с уязвимыми группами, которые волонтеры VSO в свое время помогли внедрить. Также активно работает Общественная палата, объединяющая правительственный сектор и сектор гражданского общества¹³². Независимая НПО «Аналитический центр «Грани» стала специализироваться по вопросам государственной политики, работая с разными местными и федеральными агентствами, например, с Министерством экономического развития по оценке эффективности и подотчетности государственных услуг.

Фестиваль правозащитников. Во время визита в Пермь в июле 2011 года я имел возможность посетить проводимый раз в два года фестиваль

«Пилорама», на котором лидеры национальной правозащитной организации «Мемориал», политики и рок-звезды эпохи перестройки, и другие собрались в бывшем трудовом лагере «Пермь-36». Лагерь расположен в лесах, в 100 км на север от Перми, и представляет собой небольшой ряд одноэтажных казарм за деревянными заборами и колючей проволокой, расположенных на опушке леса. За три дня фестиваль посетили более 12 тысяч человек, а проливной дождь не помешал оживленным обсуждениям в шатрах, организованных по этому случаю. Одна сессия была посвящена программе правительства в память о жертвах сталинских репрессий; другая – связи между Россией и Европой через 20 лет после перестройки; еще одна сессия была посвящена результатам приватизации в Пермской области; во время других сессий рассматривались межнациональные вопросы и текущие вызовы гражданского общества.

На культурном фронте. Еще одним заметным элементом местной политики, относящимся к временам Трутнева, стала попытка продвинуть Пермь как центр авангардного искусства, который местные активисты назвали Пермским «культурным прорывом»... Примерами являются музей современного искусства, созданный на старой речной станции, и проект «граффити», охвативший стены и заборы многочисленных пустующих и недостроенных участков вокруг города. Летом проходит фестиваль «Белые ночи» и музыкально инновационный фестиваль Дягилева в городском оперном театре и других местах. В результате почти каждый гражданин Перми (местные чиновники, активисты НПО, люди на улицах), казалось нам, уже занял активную позицию в отношении современного искусства – за или против него, что изменило восприятие города его жителями.

Политика правительства в отношении децентрализации и гражданского общества. В последней главе мы начали рассматривать политику ре-централизации Владимира Путина с начала 2000-х годов. Эта политика была довольно популярна среди тех граждан, которые поддерживали усилия правительства по контролю действий олигархов; с другой стороны, бизнесмены и высокооплачиваемые менеджеры были довольны налоговой политикой Путина¹³³. На протяжении следующих нескольких лет экономика начала стабилизироваться на основе экспорта нефти, газа и других природных ресурсов; произошло значительное снижение инфляции. Среднемесячная заработная плата в России возросла с 95 долларов США в 2000 году до 395 долларов США в 2006 году.

131. А. Томасова, *Социальный заказ в регионах России: проблемы и перспективы*. Москва: Charities Aid Foundation, 1998, с. 27–31, с. 40–42.

132. Участие Перми в программе побратимства местных органов власти с Оксфордом (на уровне города и округа) создало возможности для нескольких инноваций. Одним из примеров в области взаимодействия местных органов власти и НПО являлось открытие 20 новых общественных центров с бесплатными услугами для НПО и общинных групп. Идея их создания возникла после обменного визита.

133. Например, подоходный налог с фиксированной ставкой 13% и снижение налога на прибыль предприятий с 35 до 24%.

В течение 1990-х, как подсчитали некоторые эксперты, около 70% юридических споров были урегулированы во внесудебном порядке через мафиозные структуры и частные вневедомственные охранные службы. Постепенно этот процент снижался за счет укрепления дисциплины и контроля в государственном секторе. Число громких преступлений значительно сократилось: например, по оценкам Министерства внутренних дел, количество заказных убийств сократилось с 600–700 в год в 1990-х годах до 70 в 2002 году. Но, как отмечает Ван Зон, усиление государственной вертикали и политика «сверху–вниз» не смогли удовлетворить те круги общественности, которые поддерживали децентрализацию власти.

Одним из первых решений президента Путина стало упразднение избранных губернаторов в регионах России и назначение семи «супер-региональных» представителей над губернаторами, что обеспечило президента стратегическим инструментом для реализации центральной политики и программ в регионах. Таким образом, Путин полностью повернул вспять центробежные процессы, которые стали столь заметными при Ельцине. Но в то же время он максимально старался скоординировать свои решения с мнениями региональных кланов и силовых группировок. Так, в период с 2005 по 2008 год произошла смена лишь 12 из 67 губернаторов регионов. Тем временем по всей стране президент и его помощники всячески продвигали и развивали «Единую Россию» как новую «партию власти», а также ее молодежное крыло «Наши»¹³⁴.

С начала 1990-х годов политика российского правительства в отношении гражданского общества была очень противоречивой. С одной стороны, правительство постепенно стало внедрять систему государственной поддержки сектора ГО, то есть механизмы консультирования и способы, посредством которых НПО могли бы выполнять практическую работу в сферах своей компетенции и приверженности. К ним относятся система социальных заказов и Общественная палата, созданные Путиным и одобренные российской Думой в 2005 году. С другой стороны, президент начал и возглавил кампанию против организаций, получающих иностранное финансирование, поощряя легенду, распространенную в государственных СМИ, о деятельности НПО как угрозе российскому обществу.

Система Общественной палаты привлекла большое внимание западных наблюдателей за российским гражданским обществом. По мнению некоторых критиков, это было «создание видимости, чтобы узаконить все более

134. F. Ishkanian "Portrait of Nashi" in *Global Civil Society*, Ch. 4. London: Sage, 2005, 70–1. По словам Ишканяна, за первые три года число членов «Наших» быстро выросло и составило более 200 000 членов. Деятельность включала волонтерство в социальных проектах, организацию политических демонстраций и митингов.

авторитарную политику правительства»¹³⁵. В Национальной общественной палате 126 членов: треть избирается президентом, треть – общественными организациями и треть – представителями регионов России. Заявленная цель заключалась в развитии межотраслевого диалога между правительством, гражданским обществом и бизнесом. К середине 2009 года в России насчитывалось более 55 региональных общественных палат, и многие местные НПО приняли решение участвовать в них. Палаты являются важной частью стратегии Путина по завоеванию поддержки общественности для его патриотически-популистского политического проекта. По словам Эванса, предоставление финансирования и консультирования является одним из «косвенных методов Путина, препятствующих независимой критике»¹³⁶.

Вскоре после внедрения Общественной палаты вышли два закона, непосредственно повлиявшие на работу НПО. Первый ужесточил правила регистрации и отчетности НПО¹³⁷. Юридические требования к НПО в России, особенно к финансовой отчетности, всегда были довольно обременительными. Специалисты Международного комитета по некоммерческому праву (ICNL)¹³⁸ позже выпустили подробный отчет о влиянии нового закона. По их подсчетам, из 675 000 НПО, зарегистрированных в России в 2007 году, около 2 600 были вынуждены ликвидироваться в том же году из-за новых требований. Это относительно небольшая цифра, но показательно, что четыре из пяти НПО в 2007 году не предоставили своих отчетов в необходимом формате в установленные сроки, подвергнув себя риску закрытия органами власти. Когда лидеров НПО попросили назвать основные ограничения в работе их организации, в списке ответов на первом месте было отмечено «недостаточно денег или материальных ресурсов» (59,1%), в то время как количество ответов на утверждение «давление со стороны правительства» оказалось сравнительно низким (2,9%)¹³⁹.

135. Цитата из статьи D. Javeline and S. Lindemann-Komarova, "A Balanced Assessment of Russian Civil Society", *Journal of International Affairs*, Spring-Summer 2010, Vol.63, No.2, New York, с. 180.

136. A. Evans, "Vladimir Putin's Design for Civil Society", in A. Evans et al., *Russian Civil Society: A Critical Assessment*, ME Sharpe, 2006, 147–57.

137. Закон Российской Федерации № 18-ФЗ «О регистрации НПО» (2006 г.) был провозглашен «беспрецедентным посягательством на работу правозащитных групп» (Human Rights Watch, Отдел по Европе и ЦА). Представители Freedom House отметили, что «правительство усилило давление на НПО, особенно на те, которые получают финансирование из-за рубежа».

138. ICNL – International Committee for Non-Profit Law.

139. В той же статье отмечается, что регистрация неправительственной организации в России обходится в 2 000 рублей (66 долларов США) плюс юридические консультации, их можно получить бесплатно в ресурсных центрах НПО и на некоторых веб-сайтах (с. 175).

Второй новый закон привел к расширению права граждан на участие в органах местного самоуправления¹⁴⁰. Джавелайн и Линдерманн-Комарова называют это «огромным шагом России в признании ценности участия граждан в управлении»¹⁴¹. Но в то же время, отмечают они, скептицизм сохраняется, потому что многими новыми процедурами (например, публичными слушаниями и референдумами) можно легко манипулировать. Многое зависит от опыта отдельных руководителей НПО и способностей их организаций оказывать влияние на такие процессы.

3. Центр и периферия внутри Российской Федерации

Этот раздел посвящается двум вопросам, в отношении которых в середине 2000-х годов трудно было сказать, что проблемы развития России были решены. Первая – это тенденции в сокращении бедности по всей Российской Федерации; вторая – ситуация с качеством жизни в малонаселенных, автономных и отдаленных регионах.

Для всесторонней оценки уровня бедности в России можно обратиться к показателям «индекса человеческого развития» (ИЧР), разработанным агентствами ООН по всему миру. Так, в конце 2000-х годов в докладе ПРООН в России описывается шокирующее снижение показателей ИЧР, впервые рассчитанных в России в 1995 году: было обнаружено, что страна опустилась с 26-го места (из 126 стран) в 1987 году на 72-е место (из 174 стран). Авторы отчета ПРООН выделили две основные причины, по которым индекс России в 1990-х годах фактически обрушился: во-первых, потеря доходов на душу населения от ВВП, во-вторых, снижение ожидаемой продолжительности жизни. Дополнительно на ухудшении положения сказывались низкая рождаемость и старение населения, высокий уровень безработицы и неполная занятость населения. В течение следующего десятилетия Россия смогла достигнуть медленного, но значительного прогресса. Вместе с тем в 2006 году она все еще была только на 73-м месте в мировом рейтинге ИЧР¹⁴².

140. Закон Российской Федерации № 131-ФЗ «Об общих организационных принципах местного самоуправления в Российской Федерации».

141. Javeline & Lindemann-Komarova, op. cit., 175.

142. М. Бабенко «Понимание демографической проблемы России», Журнал ПРООН № 14/2009: «*Двадцать лет переходного периода и человеческого развития*». В главе 2 были приведены некоторые сравнения России с другими странами.

Как можно оценить уровень жизни на периферии РФ на фоне всеобщего роста бедности? Здесь мы имеем в виду сохраняющийся разрыв между уровнем жизни в столице и нескольких крупных городах, с одной стороны, и отдаленных регионах России, с другой стороны. В 2000-е годы региональное неравенство усилилось до такой степени, что около 70% российских регионов и в настоящее время получают субсидии из федерального бюджета. Подсчитано, что на долю Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга и Тюменской области (последняя богата нефтью и газом) приходится половина валового национального продукта. Между тем социальная нагрузка на местные бюджеты продолжала непропорционально расти.

На протяжении последнего десятилетия Пермский край оставался новатором, пытавшимся максимально использовать имеющиеся политические и экономические возможности. В рамках этой стратегии в 2010 году власти края согласились принять участие в специальном докладе о развитии человеческого потенциала в регионе. В этом отчете бросаются в глаза некоторые детали, которые имеют отношение к нашему анализу. Во-первых, Пермь полностью привержена рыночной конкуренции и приватизации. По многим экономическим и социальным показателям она, похоже, имеет очень высокие показатели. Однако в других сферах ситуация иная. Так, на протяжении большей части последнего десятилетия средняя продолжительность жизни мужчин в Перми составляла всего лишь 57 лет, то есть на три года ниже пенсионного возраста. В докладе это объясняется опасными условиями труда в секторах добычи и переработки сырья.

Есть еще некоторые данные доклада, которые стоит отметить. Во многих районах Пермского края плохие услуги водоснабжения, санитарии и канализации. Риски для здоровья от загрязненной атмосферы растут из года в год. Гендерные данные менее впечатляют, чем можно было ожидать. Хотя женщины живут значительно дольше мужчин (средняя продолжительность жизни женщин составляет 70 лет), они зарабатывают лишь 63% среднего заработка мужчин. В Пермском крае из 60 депутатов парламента лишь одна женщина. Внутренняя миграция в Пермь прекратилась, а численность населения сокращается.

Таблица 5. Некоторые данные из доклада о человеческом развитии в Перми за 2010 год

Индикатор	Количественный показатель
Население	Немногом более 1 млн человек. В 2008 году снизилась численность на 2,5%, т.е. на 1 000 человек
Городские / сельские жители	23,4% заняты в производстве и лишь 4,7% в сельском хозяйстве
Средний доход	16 642 доллара ВВП на душу населения. Но 13% населения имеют доход ниже прожиточного минимума
Средняя продолжительность жизни мужчин / женщин	Мужчины – 59,3 года; женщины - 72,5 года
Смертность среди детей в возрасте до пяти лет	2, 8% в 2008 году
Безработица	3,5% (зарегистрировано); 11,8% (метод расчета МОТ) в 2009 году
Доступ к питьевой воде	В 77,9% домов проведен водопровод; 72,8% подключены к центральной канализации
Выброс парниковых газов	В нескольких промышленных городах в Пермском крае индекс загрязнения воздуха составляет 7–15 пунктов по сравнению с безопасным уровнем в 5 пунктов

Пространственные исследования Российской Федерации: мнения экспертов. Рассматривая связь между центром и периферией в современной России, важно не забывать, что в 1991 году пространственная / географическая конфигурация страны полностью изменилась. Прежде всего страна стала меньше: пространство, занимаемое Российской Федерацией, составляет лишь три четверти территории, занятой бывшим СССР. Для политических лидеров и чиновников, которые привыкли мыслить на всесоюзном уровне, это было значительное сокращение их влияния и ресурсов. Во-вторых, страна стала еще более ориентированной на Москву чем раньше, потому что она потеряла ключевые и влиятельные республиканские центры, такие как Киев, Ташкент, Минск и Рига, которые теперь стали столицами независимых государств. В-третьих, русские были отделены от соседнего славянского населения Беларуси и Украины, которое они веками считали частью самой России, и даже потеряли свою бывшую столицу Киев.

Как показывает Яницкий в своей книге «*Экологическая культура*», распад СССР разрушил не только географическую «логику» предыдущих 70 лет и все кропотливо выстроенные связи между шахтами, фабриками и другими экономическими единицами, распад также повлиял на некую естественную человеческую экосистему, которая постепенно сформировалась к концу 1980-х годов. То есть развитие городов и сельских районов начало следовать определенному шаблону, как и миграционные потоки внутри СССР. Потеряв остальные 14 республик, в самой России за десятилетие до 2002 года произошло сокращение численности населения на 1,8 млн. И в то же время страна стала более этнически однородной: русские составляли всего лишь половину советского населения, теперь они составляют 80% нового национального государства. По мнению Яницкого, это обуславливает необходимость нового взгляда на Россию как экосистему. В частности, он подчеркивает значение местных знаний об истории, культуре и окружающей среде, замечая, что только таким образом можно защитить страну от сил капиталистической и олигархической глобализации.

Проблемы экономического и социального развития, возникшие в течение 20 лет после перестройки, изложены в сборнике статей Петра Щедровицкого в соавторстве с группой под названием «*Формула развития*». В этой книге подчеркивается возрастающая значимость региональных (или пространственно-локальных) исследований, имевших большое значение в конце XX века в России. С одной стороны, существуют силы глобализации, выбирающие свои места для развития; и с другой стороны, силы правительства или общества, которые хотят сохранить свой особый характер или автономию. Таким образом, регионализм можно рассматривать как некий компромисс между глобализацией, с одной стороны, и национализмом или локализмом – с другой. Большая часть книги посвящена подробному анализу того, как можно заменить разорванные связи и сломанные модели развития советских времен, учитывая, что индустриальный уклон советской экономики предстоит еще полностью адаптировать к постиндустриальной эпохе.

Отечественные критики (например, Кагарлицкий и другие аналитики журнала «*Левой политики*») зависимости России от экспорта нефти, газа, древесины и других природных ресурсов часто ссылаются на положение страны на «периферии» современной мировой капиталистической системы. Они утверждают (вместе с Щедровицким), что, если Россия не будет развивать современную промышленность и услуги, в том числе ИКТ, секторы коммуникации и биотехнологии, она обречена навсегда отстать от самых передовых стран. Это, несомненно, правда. Еще одна проблема заключается в том, что на самом постсоветском пространстве сегодня существует четкий шаблон «центр–периферия». Здесь ярко вырисовывается несколько «колец»: «внешняя» периферия – менее развитые территории бывших советских республик (эксцарских колоний); «средняя» периферия – отста-

лые или изолированные регионы Российской Федерации; «внутренняя» периферия, то есть социально исключенные группы в городах России.

Приводимый в этой книге аргумент о том, что восходящее местное развитие может сыграть значимую роль в России, поддерживается Щедровицким. Во-первых, он замечает, что города играют ключевую роль в современном развитии. В 1991 году после развала плановой экономики именно городам/административным центрам пришлось разгрести его последствия. Одним из следствий этого стала тенденция муниципалитетов создавать всевозможные новые ассоциации как площадки для обсуждения возникающих проблем. После финансового краха 1998 года, когда неоллиберализм в РФ достиг своей наиболее низкой точки, отмечает Щедровицкий, снова именно местное правительство спасало ситуацию. «Органы местного самоуправления являются ключом к завоеванию доверия граждан», – пишет он. Но смогут ли представители местного развития и широкие общественные объединения активно выступать в роли новой политической силы в стране? Или они согласятся на лоббирование узких интересов и заключение сделок с Москвой за закрытыми дверями?

В отличие от работы Яницкого, в книге Щедровицкого мы не видим принципиальных сомнений о мегапрограммах, предлагаемых сегодня правительством России. Здесь утверждается, что необходимо найти новый «кластерный» подход к развитию. Вместо предложений возродить знаменитые советские проекты, такие как Байкало-Амурская магистраль (БАМ) или канал от северных рек до казахстанских степей, он предлагает новый набор приоритетных регионов, формируя их вокруг добычи сырья, промышленного производства и людских и интеллектуальных ресурсов, все еще имеющих в Российской Федерации. Некоторые из этих регионов могут развиваться путем комплексного экономического развития, другие – с помощью различных сетевых механизмов¹⁴³. И, конечно, многие проекты такого рода требуют более широких стратегий, которые можно разрабатывать только в тесной связи с бывшими советскими соседями России¹⁴⁴.

Автономные территории и «средняя периферия»

В первой главе этой книги описывались проблемы городских сообществ, столкнувшихся с крахом советской экономики, и отмечалось, что интел-

143. Есть и новые виды «регионов», которые должно развивать правительство – не только географические районы. Инновационные экономики, биосфера или «виртуальная постэкономика» могут помочь России конкурировать в мировом масштабе (Щедровицкий, 2005, с. 94–7 и последующие статьи).

144. См. А.Н. Быков, *Постсоветское пространство: стратегии интеграции и новые вызовы глобализации*. Санкт-Петербург: Алетей, 2009.

лигенция (состоящая главным образом из работников государственного сектора) пострадала так же, как и рабочий класс. Эти группы можно назвать «внутренней периферией» постсоветского общества. В главах 3–4 мы начали рассматривать проблемы, затрагивающие население во «внешнем кольце» периферии бывшего Советского Союза (в Центральной Азии). А здесь нам нужно кратко взглянуть на «средний» слой исключенных групп на примере небольших автономных районов, которые остались в составе Российской Федерации после 1991 года.

Во время своих поездок в Пермь в 2011–2012 годах я воспользовался возможностью расспросить своих друзей в сфере развития о причине исчезновения Коми-Пермяцкого автономного округа на современных картах края. Коллеги из НПО объяснили, что в начале 1990-х годов количество федеральных субъектов в Российской Федерации сократилось с 89 до 83 и одной из исчезнувших национальных единиц стал Коми-Пермяцкий автономный округ¹⁴⁵. Это произошло в 2005 году после голосования на местном референдуме о слиянии автономного округа с остальной частью Пермского края, то есть о выведении его на один уровень с другими округами. Однако, как выяснилось из бесед с местными коллегами, некоторые районы Коми-Пермяцкого округа остались в крайне удручающем состоянии и его население разочаровано результатами реорганизации¹⁴⁶. Остается большой вопрос: как можно сохранить коми-пермяцкий язык? Молодежь и национальная интеллигенция недовольны уровнем культурного развития, поскольку, похоже, не все обещания, сделанные во время регистрации организации, были выполнены. В поисках решений своих проблем коренные коми-пермяки стали посещать международные встречи финно-угорских народов, к которым они принадлежат, а некоторые считают, что они «слишком легко» отдали свою автономию.

Коми-Пермь является одной из самых мелких национальных единиц в Российской Федерации с населением чуть более 110 000 человек, 59% которых составляют коми-пермяки, 41% – русские или другие. Напротив, Республика Бурятия, упомянутая в 3-й главе этой книги, значительно больше – свыше 970 000 человек (30% бурят, 66% русских, 4% – представители других национальностей). Бурятам гарантирована возможность отстаивать свои права благодаря своему «титальному» статусу и представительству в Совете Федерации в Москве. Но ситуация с коми-пермяками несколько иная.

145. Сохранился Коми-Пермяцкий округ.

146. В Пермском отчете о человеческом развитии за 2010 год средняя продолжительность жизни мужчин в Кудымкаре (центр бывшего автономного округа) составляла менее 50 лет, а средняя продолжительность жизни мужчин и женщин вместе – только 55 лет.

В недавней статье о положении «лишних» малых народностей в Российской Федерации описывается история, которая не так далека от увиденной нами в Центральной Азии. В период российской колониальной экспансии народы Крайнего Севера насколько возможно избегали контактов с колонистами и миссионерами. Межкультурное общение было сложным, а царские власти часто осуществляли управление через традиционных лидеров. Кроме того, многие из этих народностей не проявили особого желания участвовать в вынужденном скачке к советскому социализму. Коммунистам приходилось выявлять и разоружать противостоявшие силы, к примеру, традиционных шаманов или привилегированных кулаков, иногда находившихся в их собственных рядах. Продажа алкоголя и высокомерное поведение советских чиновников сильно повлияли на коренные народы. Для преобразования этих регионов были разработаны грандиозные планы промышленного развития и добычи сырья, но о связанных с ними рисках и потерях мало что говорили.

После 1991 года «прихватизация» и «грабительская модернизация» продолжали оказывать негативное воздействие на коренные народы, причем стратегии последних были практически такими же, что и в XIX веке. Одной из стратегий является пассивное приспособление, очень часто приводящее к алкоголизму и полной социальной изоляции. Другая стратегия – это экономическая интеграция, часто при поддержке экологических НПО или социальных предприятий, предлагающих титульным группам сыграть свою роль в проектах развития, но часто в качестве младших партнеров. Третья стратегия – дальнейшая борьба за национальные права и культуру с использованием сети «изгнанников» внутри и за пределами России. В одной статье отмечается, что более широкая сетевая стратегия (то есть поиск альянсов на международном уровне) уже необходима, в противном случае малочисленные народы «обречены на социальную и экономическую деградацию»¹⁴⁷.

Исключением из вышесказанного являются две области – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, которые расположены в богатой природными ресурсами Тюменской области (смотрите таблицу в главе 3), которые, скорее всего, останутся «автономными», поскольку любая попытка изменить их статус будет угрожать интересам управляющих ими нефтегазовых компаний. Масштабы и экономическая мощь этих округов таковы, что они могут стать полноправными областями, однако любые шаги к национальному суверенитету чреваты политическими рисками для правящей верхушки в Российской Федерации.

147. Н. Добронравин, «Глобально лишние: негосударственные народы и сырьевое государство» в В. Гельман и О. Маргания, *Пути модернизации*. Санкт-Петербург: Европейский университет, с. 225–260.

4. Оценка воздействия вмешательств агентств по социальному развитию в 1990-е и 2000-е годы

Пример малочисленных народностей, будь то на Крайнем Севере или в других частях России, показывает, что участие гражданского общества чрезвычайно важно для решения таких проблем в области развития, как социальное равенство или доступ к рабочим местам и услугам для исключенных групп. Необходимо проведение широких кампаний по вопросам справедливого развития, и речь идет не только о нескольких уступках или предоставлении привилегий, но и о создании новой политики и ее разъяснении среди российской общественности.

Обращение выше к историческим фактам показывает, что гражданское общество ни в коем случае не является новой чертой российской жизни со времен падения Берлинской стены. Беря свои корни в деревенских собраниях и крестьянской коммуне, оно превратилось в ряд гражданских организаций, возникших вместе с капитализмом в XVIII и XIX веках во время сложных переговоров с царизмом. Попытки внедрить народовластие продолжались параллельно с крестьянскими восстаниями и действиями радикалов (анархистов, либералов и социалистов), бросивших вызов абсолютизму и возглавивших революции 1905 и 1917 годов. Начало и конец советского периода примечательны расцветом различных идей, видов деятельности и организаций в культурной, образовательной и политической сферах. Российские исследователи постепенно расширяют свое представление о современном развитии ГО при советской власти. В начале этой главы мы упомянули об успехах, достигнутых ассоциациями инвалидов в 1970-х годах, и это касается также ассоциаций ветеранов войны, молодежи и экологических групп.

В 1990-е годы наблюдалась сложная совокупность процессов: сначала эйфория по поводу политических изменений, когда гражданские «инициативные группы» и более широкие общественные движения стремились продвигаться в реализации своих программ. Экономический кризис развенчал иллюзии некоторых и заставил многих остальных заняться проблемой своего выживания. Это был период, когда новые НПО полагались почти целиком на средства иностранных доноров и некоторые механически копировали внешние идеи, опыт или модели. Сейчас этот факт подвергается резкой критике, но при всестороннем взгляде большинство объективных комментаторов согласятся, что российские НПО помогли начать публичные дебаты по таким вопросам, как феминизм, насилие в семье, инвалидность, военная служба и окружающая среда. И чем дальше мы отъедем от Москвы и Санкт-Петербурга в небольшие города и села, где по-прежнему проживает более трети населения, тем более вероятно, что мы увидим формальные или неформальные действия граждан, которые

тесно связаны с местными органами власти и часто основаны на ассоциациях, созданных в советское время¹⁴⁸.

Кейс: региональные программы НПО в Сибири. Новосибирск с населением свыше трех миллионов человек является третьим по величине городом Российской Федерации. Расположенный на реке Обь, это крупный центр не только машиностроения и автомобильной промышленности, но и развития гражданского общества. Здесь с середины 1990-х годов на протяжении двадцати лет играл большую роль Сибирский центр поддержки гражданских инициатив (СЦПГИ). Это был один из первых ресурсных центров НПО в России, созданный при финансировании США и в конечном итоге ставший координатором сети организаций поддержки в одиннадцати административных регионах по всей Сибири.

В 1996 году СЦПГИ выиграл международный проект на организацию одного из первых конкурсов малых грантов для НПО в России. Центр использовал эти средства для ведения переговоров с новосибирскими органами власти, которые в итоге согласились выделить ровно столько же, сколько США, и таким образом проложили путь для финансирования НПО местными органами власти в сибирском регионе. Десять лет спустя объем грантов, выделенных Новосибирской областью и городом, составил 18 млн рублей, и с тех пор ежегодный объем финансирования превысил 35 млн рублей (1,1 млн долларов США). Сотрудничество выражалось не только в форме грантов. Так, в 2010 году городские власти Новосибирска приняли план долгосрочной поддержки НПО, включая открытие местных ресурсных центров, общественных консультативных комитетов, территориальных советов и местных схем волонтерства. Тот же процесс был замечен на областном уровне, хотя он протекал немного медленнее.

Еще одна региональная НПО «Голос» занималась вопросами демократии. Она была создана для гражданского наблюдения за выборами в Новосибирске, а впоследствии охватила своей деятельностью девять регионов Сибири и Дальнего Востока. После принятия закона об «иностранных агентах» «Голос» стал подвергаться многочисленным проверкам со стороны органов правопорядка. В 2012 году закрылась программа USAID в России, но к тому времени у демократической миссии «Голос» и СЦПГИ уже накопилось много сторонников и источников поддержки среди граждан России в регионе; таким образом, они смогли продолжить свою работу.

Конечно, гражданское общество России неоднородно по уровню развития, и не всегда лидерами являются такие крупные города, как Москва и

148. A White, *Small Town Russia*, Routledge, 2004.

Санкт-Петербург. Например, по результатам исследования Мерсияновой, наиболее высокий рейтинг активности наблюдается в северных регионах, таких как Архангельская, Вологодская области и Республика Коми, а также на Южном Урале, например, в Челябинской и Оренбургской областях¹⁴⁹. Чувства безопасности и защищенности или степень участия в волонтерской деятельности значительно различаются в зависимости от региона – в некоторых областях результаты почти вдвое выше (или ниже), чем в других. Известные россиянам виды организаций также очень разнообразны; наиболее часто упоминаются профсоюзы, садовые и дачные кооперативы, ассоциации ветеранов, НПО инвалидов, объединения потребителей, ассоциации жителей, то есть не только благотворительные организации как таковые.

Система Общественных палат в настоящее время представляет механизм, хотя и несовершенный, для анализа работы ОГО и местных органов власти по всей стране. Так, исследование, проведенное по заказу Общественной палаты в Сибирском федеральном округе в 2010 году, отражает количество зарегистрированных НПО, анализирует их по видам и секторам, а целые главы посвящаются деятельности политических партий, молодежных движений, профсоюзов и ассоциаций ветеранов. Из отчета видно, что уровень развития ГО в Сибири так же неравномерный, как и по всей России. Например, антикоррупционные комитеты в тот момент активно работали в сибирских городах Омске, Красноярске и Иркутске. Бюджетные слушания и гражданские аудиты проводились в нескольких регионах, например, в Алтайском крае при обсуждении нового федерального закона «О полиции»; а в Республике Бурятия, напротив, до сих пор нет общественной палаты и непонятно почему¹⁵⁰.

Со слов представителей зонтичной НПО «Ассоциации по социальной информации» (АСИ), Общественные палаты следует рассматривать как

149. И. В. Мерсиянова, «Роль индивидуального субъекта и его персональных практик в формировании ГО в России», в Л. И. Якобсон (ред.), *Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством*. Москва: ВШЭ, 2008. Использованные критерии для этих сравнений: 1) индивидуальное отношение, выявленное в ходе социологического опроса (доверие, солидарность, социальная ответственность и т.д.); 2) анализ социальной практики (участие в общественных группах, привычка оказания взаимопомощи, уровень информированности по социальным или политическим вопросам и т.д.).

150. Аналогичный доклад, подготовленный главой Пермского ресурсного центра НПО для Поволжского округа, посвящен вопросам человеческого и организационного потенциала, с которыми знаком ИНТРАК. Он отмечает такие проблемы, как сокращение числа НПО. К причинам можно отнести более жесткие требования к отчетности; солидные, но стареющие лидеры НПО; увеличение финансовой зависимости от государственных грантов и контрактов; трудности с поиском более долгосрочной работы или квалифицированного персонала. Отсюда и низкое мнение общественности об услугах НПО. (В. Вьюжанин, *Доклад НПО о Поволжье*, 2008 г.).

своего рода мост между правительством и народом¹⁵¹. Это «пространство для приглашенных» в основном с функциями поддержки государственной политики «сверху–вниз». В то же время палаты эффективно используются, например, для лоббирования решения экологических проблем, связанных с деятельностью частных компаний. Примером может служить Сибирь, где в конце 2000-х возникла новая коалиция, выступающая против строительства нефтепровода на северном берегу озера Байкал. Победа в кампании «Байкал важнее нефти» против предложений российской нефтяной компании ЮКОС и ее преемника «Транснефти» была обусловлена не только активностью граждан и экологических групп, которые организовывали встречи и собрали тысячи подписей против плана, но и местных чиновников и политических лидеров, решивших их поддержать. В апреле 2006 года президент Путин отреагировал на оказываемое на местах давление, приказав изменить маршрут трубопровода.

Кейс: программы в секторе здравоохранения и социальном секторе на Урале. Волонтерская программа VSO в России закрылась в 2003 году. За девять лет работы в стране 95 волонтеров по одному–два года поработали во многих российских партнерских организациях. Кроме того, около 30 молодых людей получили краткосрочную работу в качестве ассистентов проектов в 20 местных организациях¹⁵². К этому времени, по оценке VSO, Россия начала восстанавливаться после тяжелого кризиса, а бедность в России, хотя ее уровень оставался высоким, не была настолько глубокой, как в других странах мира, в которых работала эта благотворительная организация. Западное финансирование для стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза постепенно уменьшалось: DFID (Департамент для международного развития Британского государства) и Charity Know Now (Благотворительный Фонд «Ноу-хау») значительно сократили свои обязательства, также как и Фонды Форда и Сороса в России. Bearr Trust («Траст Беэрт») – сеть британских НПО, поддерживающая широкий круг социальных проектов в России, также испытывала нехватку ресурсов.

На уровне программы волонтеры и сотрудники VSO часто сталкивались с бюрократией и процессы реформ шли не так быстро, как им хотелось, особенно в крупных городах и в таких больших, сложных учреждениях, как областные больницы на Урале¹⁵³. Кроме того, программа оказалась доволь-

151. Из презентации по развитию НПО, которую Е. Тополева, президент ASI, представила на конференции Bearr Trust в Лондоне в ноябре 2011 года.

152. Цифры из внутренних отчетов VSO.

153. Как отметил один волонтер: «Волонтеры VSO сами не будут ничего менять в бывшем Советском Союзе. Кроме того, мы не можем ничего навязывать. Что могут сделать волонтеры – так это показать коллегам, что существуют альтернативные способы ведения дел, которые могут иметь преимущества, если они решат их принять. И мы можем укрепить руку тех, кто уже думает также». (Р. Валдрам, Екатеринбург, 2000.)

но затратной, поскольку практически всем волонтерам требовались услуги профессионального переводчика для проведения обучающих занятий и участия в технических обсуждениях со своими российскими коллегами.

Каким образом следует оценивать влияние подобных программ социального обеспечения и здравоохранения, описанным в этой главе? Из-за сложности происходивших в то время политических, социально-экономических изменений и огромных размеров страны почти перед всеми агентствами международного развития возникли проблемы, такие как: определение цели и задач, достижение и измерение ожидаемых результатов¹⁵⁴. Как выразился один из британских экспертов, все международные программы развития столкнулись с дилеммой: либо они фокусируются в Москве и никогда не доходят до провинций, либо они осуществляют пилотные проекты в провинциях, но никогда не завоевывают центр...

И все же определенные изменения произошли. Через три года после закрытия программы VSO я лично посетил несколько организаций, в которых работали волонтеры, в частности, в Челябинске. На тот момент в городском ресурсном центре НПО, созданном при поддержке волонтеров, было более 10 сотрудников, работающих активно с разными организациями людей с инвалидностью. У городского центра давно были налажены хорошие взаимоотношения с местными властями, которые в 2006 году впервые организовали грантовую программу для НПО. Проект по ВИЧ-СПИДу, в рамках которого британские волонтеры когда-то проводили обучение персонала и продвигали здоровый образ жизни для молодежи, значительно расширился. Планировалось открытие центра помощи и квартир для людей с ВИЧ; все мероприятия финансировались из местных источников.

Похожая история наблюдалась в Екатеринбурге. Так, директор НПО «Глобальный семейный центр» рассказала о том, как волонтер VSO помог им наладить работу с сообществом и создать библиотеку ресурсов. Как и многие другие лидеры ее поколения активистов НПО, она теперь занимала влиятельную позицию – председателя городского форума НПО. В форуме насчитывалось 100 организаций-членов, и он активно участвовал в диалогах с органами власти и формировании повестки гражданского общества в городских планах развития. Недавно их лоббирование привело к включению работы с гражданским обществом в стратегический план города до 2015 года.

154. См. J. Marquand, *Development and Aid in Russia: Lessons from Siberia*, St Anthony's series, London Palgrave, 2009. Здесь описываются основные донорские проекты по экологическому и устойчивому развитию в Сибири, а также вопросы о том, на каком уровне вмешательства по оказанию помощи лучше всего работали в России, как распространять результаты и влиять на политику.

Еще более позитивной оказалась встреча в Свердловской областной больнице, в которой большое количество волонтеров проработало более пяти лет. Старший врач назвала волонтеров «предвестниками реформ». Они обучили многих молодых медсестер, что было очень полезно для ее попыток бороться со старыми системами и привычками в палатах. По ее мнению, волонтеры подняли один из наиболее важных вопросов – как улучшить общение с пациентами. Она сама только что опубликовала брошюру для Министерства здравоохранения в качестве руководства по этой теме на основе материалов VSO, которая будет доступна по всей стране. В то же время она занималась запуском системы семейных врачей (еще одно институциональное новшество, основанное на международном опыте). Благодаря мерам по децентрализации системы здравоохранения в России большинство органов здравоохранения Уральского региона сумели продвинуться вперед и открыть отделения семейных врачей, причем многие из них – в недавно оборудованных зданиях.

Вывод. Приведенный выше анализ подчеркивает важность работы по развитию на местном уровне и то, как работа НПО, пусть даже в небольшом масштабе и косвенно, помогает создать основу для более демократического и справедливого общества. В 1990-х годах работа начиналась на индивидуальном уровне, в небольших проектах, которые помогли восстановить доверие и интерес людей к окружающему их обществу, а также создать широкий круг новых организаций. В 2000-х годах мы видим развитие сетей и более широких ассоциаций, принятие новых законов и правительственных механизмов, без которых невозможно добиться более высоких результатов. Один недавний пример: коалиция «Регионы» была создана для проведения кампании по привлечению большего внимания к организациям и проблемам за пределами двух крупнейших городов России, включая равный доступ к государственному финансированию. Такие кампании уже имели определенный успех, но проблемы остаются глубокими и барьеры довольно сложно преодолеть. Эта тема рассматривается в следующих главах нашей книги.

Глава 6. Проблемы развития в небезопасном окружении — Таджикистан

В предыдущих главах этой книги мы рассмотрели аспекты революции 1917 года и политику большевиков в 1920-е и 1930-е годы, отметив важность национальной политики Ленина, способствующей расширению инфраструктуры и промышленному развитию в самых отдаленных частях СССР. Огромные усилия, предпринятые населением Центральной Азии в процессах социально-экономического развития до и после Второй мировой войны, начали окупаться к концу 1950-х годов. Города развивались, дороги и жилые дома строились, система здравоохранения и образования дали новому поколению новые возможности в жизни. Однако в эти же годы в союзных республиках начался процесс бюрократизации в обществе; партийные и национальные элиты чувствовали себя все комфортнее с накопленными ими привилегиями. Вызов этому бросила горбачевская перестройка. В то же время во многих частях Советского Союза, особенно в странах Балтии и на Кавказе, набирали силу националистические и антисоциалистические движения. В Центральной Азии процесс распада протекал медленнее, хотя, как мы уже отмечали, и у российского колониализма, и у советских «административных нападков» были противники и в этом регионе.

Внезапный коллапс Советского государства в 1989–1991 годах немедленно привел к кровопролитию в самых отдаленных частях Союза, в том числе в регионах, которые не были в авангарде антисоветского национализма. Армения и Азербайджан оказались в состоянии войны из-за спорного анклава Нагорный Карабах¹⁵⁵; а Таджикистан пережил самую серьезную и разрушительную междоусобицу во время гражданской войны 1992–1997 годов, в которой, по некоторым оценкам, погибли 70 000 человек.

Настоящая глава посвящена вопросам развития в Таджикистане – самой

155. Анклавы – районы, принадлежащие одной республике, но полностью окруженные территорией другой республики, были одной из советских «бомб замедленного действия», запущенных независимостью. Они были приемлемы в рамках Советского Союза, где границы между республиками почти не имели значения, но ими очень трудно управлять и выстраивать отношения в новых условиях – между отдельными странами.

бедной из бывших советских республик, а также роли России в Таджикистане в этот период, начиная с 1991 года. Рассматриваются роль ГО, эффект экономического кризиса и природа текущей миграции из Таджикистана в Россию. Произошедшее в Таджикистане многое говорит о влиянии России в ее традиционной «сфере интересов»¹⁵⁶ в новых политических и экономических условиях. Наконец, мы надеемся показать, что поиск единого подхода и взаимопонимания со своими соседями в Центральной Азии стал крайне важным для стратегии развития России.

1. Таджикистан и Россия в 1990-е годы

В первой половине 1990-х годов судьба пяти бывших советских республик Центральной Азии не занимала большого места в политических приоритетах России; гораздо меньше, чем славянские республики или Кавказ. Россия фактически игнорировала Центральную Азию, за исключением Казахстана (из-за большой численности этнического русского населения), возможно, в надежде, что не будет необходимости брать на себя предыдущие обязательства СССР (субсидии, составляющие до 40% валового внутреннего продукта в Центральной Азии). И вообще, 1990-е годы стали десятилетием, когда было широко распространено мнение о том, что Советский Союз был «слишком щедрым», оказывая помощь зарубежным странам. Это было время, когда что-либо связанное с международным развитием вызывало мало интереса у новой российской элиты.

В начале 1990-х годов в российской политике доминировала прозападная тенденция, но с огромным разнообразием мнений по экономическим, социальным и военным вопросам. Поначалу политическая элита, похоже, надеялась, что США или Европа окажут достаточную поддержку для разрешения многочисленных кризисов в стране. Только когда стало понятно, что этого не произойдет, они снова обратили свое внимание на постсоветское пространство. Среди приоритетов России в то время была необходимость найти новую стратегию обороны вместе с любыми бывшими республиками, готовыми присоединиться к этой стратегии. Эта настоятельная необходимость постепенно переломила настроение перестроечной элиты, предпочитавшей обойтись без тесной работы с центральноазиатскими го-

сударствами, поскольку их лидеры не принадлежали к «демократическому» лагерю. В действительности, кроме демократической / исламской оппозиции в Таджикистане и президента Аскара Акаева в Кыргызстане, все лидеры в регионе были тесно связаны с предыдущим коммунистическим режимом.

Еще одной причиной сотрудничества с консервативными или авторитарными режимами в Центральной Азии стала необходимость предотвратить закрепление «старых врагов» в регионе (например, турок и англичан). Этот аргумент получил поддержку со стороны групп, которые в остальном мало интересовались Центральной Азией, например, славянофилов в российской политике. Споры о том, что делать с Центральной Азией, отражали более широкое обсуждение вопроса об идентичности России как части европейского мира или евразийского государства, помогающего соединить Запад и Восток.

В начале 1990-х годов стратегия России в отношении вновь созданного Содружества Независимых Государств (СНГ) была довольно расплывчатой и носила реактивный характер. Правительство Ельцина делало акцент на налаживании двусторонних отношений с новыми независимыми государствами, игнорируя призывы к восстановлению сложных экономических связей советской эпохи или просьбы о дополнительной помощи (хотя значительные долги, накопленные республиками в советский период, были списаны). Помимо приоритетов обеспечения политической и экономической стабильности и безопасности этнического русского населения, два других вопроса оказывали большое влияние на расчеты разработчиков новой государственной политики. Во-первых, они были обеспокоены тем, как предотвратить распространение терроризма и незаконного оборота наркотиков из Афганистана, где в 1996 году, после вывода советских войск, союзник России Хафизулла Амин был свергнут талибами. Во-вторых, наблюдался повсеместный страх перед распространением исламского экстремизма.

Вопрос о том, как реагировать на политический ислам, стал насущной проблемой для российского руководства с началом гражданской войны в Таджикистане в 1992 году. В своем анализе для английского исследовательского института, Свягельская делила российские подходы к этой проблеме на три основных школы¹⁵⁷. Она описывает первую группу как «паникеров» – тех, кто рассматривал всю Центральную Азию как питательную среду для боевиков и считал все исламские движения «фундаменталистскими». В этой школе можно было найти как славяно-православных националистов, так и прозападных либералов, или «атлантистов». Вторая группа состояла из «отвергавших» – тех, кто утверждал, что в советское время страны

156. По-английски иногда переводится как «backyard».

157. I. Sviagelskaia, *The Russian Policy Debate on Central Asia, Former Soviet South Project*, Royal Institute of International Affairs, 1995.

Центральной Азии стали настолько светскими, что любая реисламизация займет много времени, прежде чем она оформится. Это хорошо сочеталось с тем подходом, что Россия может позволить региону идти своим путем.

Сама автор принадлежала к третьей категории, которую она назвала «реалистами». В эту группу вошли востоковеды, историки и этнографы, которые, по ее словам, «не видят ничего трагического в очевидном движении республик Центральной Азии к мусульманскому миру, не считают исламский фундаментализм единственной и неизбежной альтернативой в развитии местных обществ и далеки от приписывания исламу антироссийских или антиправославных настроений». Утверждая, что Центральная Азия не должна рассматриваться в качестве отдаленного и уязвимого христианского форпоста во враждебном исламском регионе, она, наоборот, указывала на смешанное христианское и исламское население России. В то время в СНГ было около 60 миллионов мусульман, в том числе 13 миллионов в самой России.

«Реалистическое» мнение не сразу привлекло внимание лиц, принимающих решения во внешней политике. Ключевые элементы внешнеполитической доктрины Ельцина отражают его собственный неудачный опыт в 90-е годы — от маргинализации страны на ключевых международных форумах до бомбардировок западными странами Югославии перед лицом сильной российской оппозиции. Его концепция не претерпела существенных изменений со стороны Путина. Россия придерживалась сложной или двойной позиции по многим ключевым вопросам, например, оставалась дружественной по отношению к Европейскому союзу (с которым она ранее подписала Соглашение о партнерстве и сотрудничестве), но враждебной по отношению к НАТО на этапе, когда обе эти организации только начали расширяться на постсоветском пространстве. После событий 11 сентября Путин принял решение о сотрудничестве во время военных операций в Афганистане, что позволило НАТО пролететь над Россией и открыть американские авиабазы в Кыргызстане и Узбекистане для передвижения войск и поставок в Кабул. Петровский ссылается на «секретный» документ, принятый в сентябре 2002 года на Совете Россия-НАТО о политических аспектах международной миротворческой деятельности в регионе¹⁵⁸. В интересах безопасности России ситуация в регионе не должна подвергаться дальнейшей дестабилизации. Но, как оказалось, вмешательство США в афганистанский конфликт не было более успешным, чем советская экспедиция, и последствия продолжающейся войны 20 лет сдерживали развитие во всей Центральной Азии.

Россия, ислам и гражданская война в Таджикистане. Сторонники мира и толерантности в странах бывшего СССР так же, как и на Западе, столкнулись

158. В. Петровский, *От империи к открытому миру*. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2007.

с вызовом, обусловленным тем, что понятия «проблема безопасности» и «ислам» в последние годы часто используются вместе¹⁵⁹. И это несмотря на многие факторы в истории ислама и христианства в Центральной Азии, которые демонстрируют потенциал и актуальность мирного сосуществования этих двух религий. Так, мусульманские завоеватели Центральной Азии около 1400 лет назад принадлежали к школе ханафи, которая считается одним из самых умеренных течений в исламе. С самого начала влияние ислама сильно различалось, оно было сильнее в городских поселениях и слабее в кочевых общинах, но ни один из феодальных режимов в регионе никогда не принимал теократического режима правления. Завоевание Россией Средней Азии в XVIII и XIX веках не преследовало миссионерской цели. И хотя Православная Церковь следовала за русскими солдатами и чиновниками в новые колонии, ее роль заключалась в том, чтобы служить общинам поселенцев, а не привлекать новых верующих из числа коренного населения. Русские цари предпочитали не вмешиваться в мечети или в исламскую культуру и образование. Как мы видели выше, исламские идеи продолжали развиваться в течение царского периода, создавая реформаторские движения, подобные джадидистам, которые имели важный и позитивный потенциал для мусульманских общин в самой России¹⁶⁰.

В своем отношении к религии большевики были более радикальны, чем царские власти, и в значительной степени смогли установить контроль над исламом через официальных религиозных представителей¹⁶¹. Однако параллельный «народный ислам» существовал наряду с официальной религией в семьях и общинах, используя своего рода самиздат для распространения религиозных текстов и проповедей. После обретения независимости «исламский бум» прошел по всей Центральной Азии, так же как и «православный бум» в славянских республиках. Раскол между традиционным и радикальным исламом начал формироваться в 1980-х годах, когда центральноазиатские республики постепенно открылись для мусульманского мира посредством различных программ культурного и образовательного обмена. Во время гражданской войны в Таджикистане тысячи молодых мусульманских оппозиционеров отправились в Афганистан и Иран, а другие приняли участие в создании Партии исламского

159. См. L. Jonson, *Vladimir Putin and Central Asia: the Shaping of Russian Foreign Policy*, Ithaca, Cornell University press, 2004. Автор пишет, что исламский вопрос «секьюритизировался» в России, то есть он представляется общественности как вопрос «жизни или смерти» и соответственно поднимается вверх в политической повестке дня. Это означает, что вещи, совершенно непохожие, часто «помещаются в одну лодку», с. 10–15.

160. R. Sagdeev & S. Eisenhower, *Islam and Central Asia: an Enduring Legacy or Evolving Threat?* Washington DC, Centre for Political and Strategic Studies, 2000.

161. Некоторые истории из первых рук о религиозных лидерах в Узбекистане, Таджикистане и Афганистане советской эпохи смотрите в книге M. Whitlock, *Beyond the Oxus: the Central Asians*, John Murray, 2002.

возрождения. Сначала эта партия вошла в коалиции правительства с силами «демократии», однако позже через свое военное подразделение возглавила оппозицию во время основных военных действий.

Из-за гражданской войны процессы современного развития в Таджикистане начались на несколько лет позже, чем в других странах Центральной Азии. Война шла не повсеместно, но с огромными человеческими жертвами и разрушениями инфраструктуры и имущества. Демократы и исламисты были сильны в центре страны (например, в городе Кофарникон, где проживал религиозный лидер Ахбар Тураджонзода), в высокогорном районе Горного Бадахшана на юго-востоке и в Гарме на севере. Правительственные силы, реорганизованные в Народный фронт при поддержке России и Узбекистана, доминировали в городских, более промышленно развитых районах, таких как Ленинабад (ныне Худжанд) в Ферганской долине, Душанбе и южном районе Куляба. Человек, который стал президентом в конце мирного процесса – Эмомали Рахмонов, бывший директор колхоза, был из города Дангара Кулябского района; и многие говорят, что с того времени Таджикистан контролируют кулябские региональные группы.

Во второй половине 1992 года силы Народного фронта вновь завоевали районы, контролируемые оппозицией, и вынудили тысячи сторонников оппозиции покинуть страну. Под руководством российских войск были созданы миротворческие силы, и в апреле 1994 года в Москве начались переговоры. Однако создание Совета национального согласия продвигалось медленно. В ходе переговоров полевые командиры сделали все возможное, чтобы очистить «свою» территорию от элементов оппозиции и закрепить достигнутые военные и экономические успехи. Такие ключевые фабрики, как алюминиевый завод в Турсунзаде, стали полем жестокой битвы, поскольку различные фракции пытались получить над ними контроль. К тому времени, когда в июне 1997 года в Москве было подписано Генеральное соглашение, семьдесят лет советского развития в Таджикистане пошли вспять. Как писала тогда Свягельская, гражданская война «экономически, социально и культурно отбросила Таджикистан назад.... (Страна) практически отодвинута к стадии полуфеодалных отношений»¹⁶². Между тем многие зарубежные комментаторы с нетерпением ожидали начала новой «великой игры» в Центральной Азии. То есть ожидали новую конкуренцию за власть и влияния в регионе со стороны внешних держав.

С момента обретения независимости на нескольких этапах важнейшее значение имела военная помощь России Таджикистану. Например, в 1999–2000 годах эта помощь выражалась в ремонте ракет «Зенит», которые в годы граж-

данской войны собирали охотники за металлоломом. В 2005–2006 годах Москва выделила Таджикистану 26 миллионов долларов США в виде военной помощи, включая вертолет М1 и военные самолеты. В 2007 году таджикской армии была передана большая часть знаменитой 201-й моторизованной дивизии (долгое время находившейся на южной границе страны)¹⁶³.

Ислам и политическая борьба в других регионах Российской Федерации: краткое сравнение. В 90-е годы режим Ельцина столкнулся с рядом проблем, связанных с сохранением жизнеспособности или существования Российской Федерации. Мы уже упоминали о движении за региональную автономию на Урале и в Сибири. Если посмотреть на регионы с мусульманским населением, здесь особое значение имеют два примера. Во-первых, татары вновь оказались в авангарде борьбы за национальное самоопределение и свободу вероисповедания. В начале правления Ельцина они провели и победили на референдуме о своем суверенитете, после которого их лидер Шамиев добился значительных прав во внутренней политике в Татарстане (ему также удалось обойти главную радикальную исламскую партию республики). Таким образом, татарам удалось договориться с федеральными властями России.

В Чечне, напротив, борьба между традиционалистами и радикалами была более упорной и жестокой. Колонизация Северо-Кавказского региона в XIX веке была чрезвычайно жестокой, и в советское время ислам в Чечне был подавлен так же, как и в других частях СССР. Стремление республики к независимости в 1990-х годах привело к первой чеченской войне, когда националистические лидеры обратились за поддержкой к более широкому мусульманскому миру. Впоследствии миллионы долларов и большое число иностранных боевиков были отправлены на Северный Кавказ, что существенно изменило баланс в пользу радикальных ваххабитских сект, таких как возглавляемая Басаевым¹⁶⁴. Чтобы прекратить эту войну, Ельцин заключил сделку, и российские деньги начали поступать в Чечню на программы восстановления, однако крупные суммы перенаправлялись повстанцам. Вторая чеченская война, начатая Путиным после вторжения Басаева в соседний Дагестан и взрывов в нескольких многоквартирных домах в Москве, была такой же кровавой. Второй раунд войны привел к дальнейшему расколу в мусульманском лагере Чечни, где ведущий религиозный деятель Ахмад Кадыров возглавил традиционное крыло (до его убийства на первомаяском параде). И тогда его место занял его сын.

163. *Бизнес и политика*, Душанбе, 13.11.2011, с. 4.

164. Напротив, ведущий религиозный деятель Таджикистана Акбар Тураджонзода регулярно повторял, что ПИВ не собиралась создавать теократическое, или фундаменталистское, государство.

162. Sviagelskaia. Op. cit., 26.

2. Традиция против модернизации в Таджикистане после гражданской войны

Светские силы и силы гражданского общества вовлечены в затяжную моральную, идеологическую и политическую борьбу за гегемонию с консервативным исламом в Таджикистане. В рамках Национального соглашения, положившего конец гражданской войне, главной политической силой в стране стала Национально-демократическая партия Рахмонова, а Партия исламского возрождения (ПИВ) снова стала партнером по коалиции, получив 30% официальных постов на всех уровнях в государстве. Позиция Партии исламского возрождения в правительстве была уникальной в бывшем Советском Союзе, но она оставалась «младшим партнером» в режиме и не могла разрабатывать экономические и социальные предложения, способные решить проблемы послевоенного периода.

Примерно через 15 лет после подписания Мирного соглашения, Саодат Олимова из исследовательского центра «Шарк» в Душанбе отметила некоторые из этих проблем. Во-первых, спад в системе образования, как по продолжительности обучения, так и по показателям посещаемости (особенно среди девочек и детей из сельской местности) и по качеству предоставляемых услуг. Доля ВВП, затраченного на образование, составила в 1991 году 9,7%; а за последующие 20 лет эта доля сократилась вдвое. Во-вторых, деиндустриализация: сегодня из числа функционировавших в советское время заводов осталось всего лишь 20%. Изменения в структуре экономики означают сокращение секторов, в которых требуются высококвалифицированные работники, и увеличение числа низкоквалифицированных рабочих (это сфера услуг и базары). В-третьих, деурбанизация: когда исчезла заработная плата, семьи вернулись в села, чтобы заниматься натуральным хозяйством. Доля населения, проживающего в городских районах, снизилась с 33 до 26%. В-четвертых, давление, обусловленное демографическим ростом, приводящее к огромному давлению на школы. В целом наблюдалось серьезное сокращение человеческого капитала, необходимого для развития¹⁶⁵.

Приведенная далее таблица отражает, во-первых, проблемы в области развития, по-прежнему стоящие перед Таджикистаном; а во-вторых, отличие от приведенных в предыдущей главе данных по Перми («типичной» российской области).

165. Материалы конференции CERCEC о разрушениях на «новом постсоветском Юге». Алматы, 2011.

Таблица 6. Некоторые данные из отчетов о человеческом развитии в Таджикистане

Индикатор	Баллы
Население	7,3 миллиона человек (2009 год)
Городское / сельское	26% городского населения, 74% сельского населения
Средний уровень дохода	2,200 долларов на душу населения. В 2006 году он составлял всего 85% уровня в начале 1990-х годов
Средняя продолжительность жизни мужчин / женщин	67,1 года среди женщин и мужчин вместе взятых. 63,9 года среди мужчин и 70,5 года – среди женщин
Уровень детской смертности	37 смертей на 1 000 детей (2012 год)
Уровень безработицы	Уровень безработицы 2,4% официально. Большое число людей занято натуральным хозяйством
Доступ к питьевой воде	58% (данные SDC за 2010 год)
Уровень загрязнения	Основные проблемы связаны с алюминиевым заводом в Турсунзаде, на долю которого приходится 40% экспорта страны

Примечания.

Сравнивая статистические данные по Таджикистану и Перми, можно заметить следующее:

1. Существенную разницу в разбивке городского и сельского населения в двух местностях;
2. ВВП на душу населения в Перми в восемь раз выше, чем в Таджикистане, но средняя продолжительность жизни в Перми ниже как среди мужчин, так и среди женщин;
3. Официальный уровень безработицы в обеих местностях низкий, но если принять во внимание неформальную экономику, то проблема занятости значительно серьезнее;
4. Экологические проблемы, в том числе загрязнение, доступ к питьевой воде и системы канализации, актуальны как для Перми, так и для Таджикистана.

С конца 1990-х годов началась огромная работа по оказанию гуманитарной помощи Таджикистану: доставка продовольствия, медикаментов и других предметов первой необходимости. А в восстановлении страны важную роль стали играть агентства из США, Европы и других стран. Я начал работать в Таджикистане в середине 2002 года. Мне понравились богатые культурные традиции этой горной страны. В первые пять лет мы провели ряд обучающих семинаров с ресурсными центрами для гражданского общества по всей стране; позже основное внимание уделялось более узкому кругу местных НПО, занимающихся вопросами сокращения бедности и гендерного равенства. Приведу некоторые наблюдения за ситуацией в социальном секторе в послевоенные годы, какой она показалась мне, работнику в области гражданского общества.

- Многие говорили в то время о пассивности населения Таджикистана. Некоторые считали, что чувство иждивенчества было порождено советской системой социального обеспечения, другие – что причиной было бесплатное предоставление продовольствия и прочих товаров во время гражданской войны. А наш опыт показывал, что какая-то часть населения в каждом селе была готова мобилизоваться для достижения коллективных целей.
- Усиление разобщенности людей, семей, сел и даже регионов, бесспорно, было последствием конфликта, в котором люди занимали разные позиции. Иностранцам работникам далеко не всегда было заметно наследие гражданской войны (старая вражда, линии обороны и солидарности), а таджикское население предпочитало не говорить о войне.
- Профессиональные сети светского общества в Таджикистане сильно пострадали в 1990-х годах. Вместо них более важную роль стали играть религия и семья, а также новые сети, обеспечивающие средства для выживания. Такими были сети вокруг новых проектов развития.
- Продовольственная безопасность стала большой проблемой. Такие агентства, как «Христианская помощь» (Великобритания), Оксфам, Корпус милосердия и CARE International, инвестировали большие средства в диверсификацию сельского хозяйства, то есть помогали дехканским (мелким) фермерам выращивать фрукты и овощи на своих семейных участках или других землях, арендуемых у местных органов власти¹⁶⁶.
- Многие НПО начинали жизнь в роли субподрядчиков в программах гуманитарной помощи и реконструкции международных агентств,

но в этих программах возможности развития своей независимой позиции и стратегии были ограничены. В то же время у государства не было четкой позиции о роли и статусе гражданского общества, и его практика время от времени проводить перерегистрацию ОГО привела к закрытию многих организаций.

- Международные агентства не всегда работали с новым поколением НПО. Были проекты, где другие партнеры играли главную роль в социальной мобилизации и распространении информации, например: сельские комитеты и традиционные институты (*махалля*, мечеть или советы старейшин) или местные органы власти (*джамоаты*).
- В сельских регионах риски экологической безопасности были значительными. Как страна, где половина территории находится на высоте 3 000 метров над уровнем моря, Таджикистан очень уязвим перед лавинами, оползнями и наводнениями. Из-за процессов изменения климата сотни больших и малых ледников постепенно уменьшаются в размерах. Международные агентства вкладывают всё больше средств в различные практические инициативы: посадка деревьев, укрепление берегов рек и информирование населения об опасности. Но риски остаются.
- Серьезный энергетический кризис осложнял условия жизни в эти годы. В большинстве районов страны электроэнергию и газ подавали всего на несколько часов в сутки. Таджикистан страдал от постоянно увеличивающихся цен на импортируемую электроэнергию. Старая советская региональная энергосистема постепенно разрушалась, а проекты по продвижению альтернативных и возобновляемых источников энергии только начинали осуществляться.

Многие из проектов развития, в которых мы работали, имели небольшие масштабы. Подобные местные инициативы непосредственно вовлекали группы и сообщества граждан и часто представляли собой наиболее эффективную форму помощи. Наши партнеры пытались влиять на национальные программы и политику доноров по сокращению бедности. Как было написано в предыдущей главе, не всегда было легко добиться согласованности действий на национальном и местном уровнях.

Программы развития в Центральной Азии, как и в других регионах мира, все больше зависят от проблем безопасности и политических приоритетов правительств стран-доноров и многосторонних международных организаций, таких как ООН и Всемирный банк. Это мир «международного развития». Но в Таджикистане были программы помощи и сотрудничества, которые – так мне показалось – существовали в совершенно ином поле, не связанном с нами. Российские солдаты, охраняющие южную границу Таджикистана с Афганистаном, связи таджикских университетов с вуза-

166. Программа ИНТРАК оказала содействие местным НПО и группам самопомощи для развития производства продуктов питания. Агентства по развитию уделяли гораздо меньше внимания старым колхозам, занимавшимся в основном производством хлопка и пшеницы.

ми России, инвестиции Ирана в строительство тоннеля через Памир из Душанбе в Худжанд на севере, армии китайских рабочих, занимающихся ремонтом магистральных дорог страны – все эти усилия существовали как бы в другом пространстве, нежели финансируемые западными странами программы в области развития. Что происходит между донорами: сотрудничество, сосуществование или просто геополитическая конкуренция? С точки зрения практикующих специалистов, таких как я, ответить на этот вопрос было сложно, так как мы ни разу не видели вместе представителей программ, финансируемых США, Великобританией, Россией и Китаем.

Вопросы управления и рискованные инициативы. Возвращаясь к глобальной критике индустрии развития, изложенной во 2-й главе, напомним, что программы приходят и уходят, даже наблюдается некоторый экономический рост, но неравенство между богатыми и бедными странами, похоже, не сокращается. Создается впечатление, что всегда кто-то выполняет роль донора, а кто-то – получателя; на самом деле, обеим сторонам выгодно поддерживать свой статус-кво¹⁶⁷. Таким образом, правительства стран-доноров могут продемонстрировать свою щедрость и обилие полезных советов и практик, в то время как развивающиеся страны за счет своих проблем получают долгосрочную стратегию мобилизации ресурсов¹⁶⁸. Это замечание относится как к Кыргызстану, так и к Таджикистану. В 2007 году Таджикистан признал официальное понижение своего статуса страны с «переходной экономикой» до «развивающейся» страны. Иными словами, он выпал из группы стран, предпринимавших попытки в ближайшее время приспособиться к капиталистической экономике, и переместился в более крупную группу стран, которым суждено дольше бороться и труднее выбираться из несправедливых и нелегких условий жизни, в которых они находятся.

Анна Матвеева (2009) подробно обрисовала путь, пройденный президентом Рахмоновым и его правительством после окончания гражданской войны¹⁶⁹. Это по-прежнему однопартийный, единоличный режим, но есть и другие аспекты, заслуживающие внимания, и одним из них является коалиция с легальной исламской политической партией. То же самое относится и к успеху режима в ограничении вооруженных вторжений с юга или повстанчества изнутри. Президент пришел к власти в результате выборов, проведенных во время гражданской войны, и успех референдума в 2003 году позволил ему оставаться у власти на протяжении двух 7-летних периодов (в конце 2013 года он снова одержал победу). Его правительство

167. См. O. De Rivero, *The Myth of Development*, Zed Books, 2001.

168. То есть более бедные страны в качестве способа получения дополнительных доходов начинают подчеркивать свои минусы, а не плюсы.

169. A. Matveeva, *Perils of Emerging Statehood: Civil War and State Reconstruction in Tajikistan*, London, LSE, 2008.

не подвергается более серьезной критике со стороны международных агентств из-за расположения и геополитического значения страны, находящейся рядом с Афганистаном¹⁷⁰. У режима много внешних и внутренних критиков, но, похоже, на очень высоком уровне было достигнуто соглашение, согласно которому международные игроки не будут дестабилизировать ситуацию в стране и требовать изменений в правительстве.

Наблюдая за всем этим во время регулярных посещений Таджикистана на протяжении десяти лет, я убедился, что так же, как и в Кыргызстане, у национального правительства ограниченное пространство для маневра. Это не является оправданием для кумовства и коррупции, которые, несомненно, существуют до сих пор, а просто констатация основополагающего факта о слабости правительства. Эту точку зрения можно продемонстрировать на двух примерах. Первым примером служит огромная гидроэлектростанция, которую президент предложил построить в Рогуне в центральной части Таджикистана. Учитывая тяжелую энергетическую ситуацию, в которой оказались почти все домохозяйства в Таджикистане, это потенциально жизненно важный и востребованный проект. Он может не только удовлетворить потребности населения и бизнеса страны, но и позволит Таджикистану продавать электроэнергию своим соседям. Это экологически чувствительный проект, так как большая плотина расположена в регионе, подверженном риску землетрясений. Но, следует отдать должное стране, в местной прессе можно найти статьи экспертов за и против проекта¹⁷¹. Несколько лет назад президент Рахмонов¹⁷² организовал публичную кампанию по продаже акций Рогунской плотины, он фактически заставлял население покупать акции посредством вычетов из их заработной платы и других мер. Но затем после давления со стороны стран в низовье – Узбекистана и Казахстана – Таджикистан вынужден был разрешить проведение международной экологической оценки проекта Рогунской ГЭС. Таким образом, здесь видна очень рискованная стратегия государства: с одной стороны, активное продвижение крупного проекта в области развития, с другой стороны, возможность риска, что надо будет отменить или отложить его на неопределенный срок.

Второй пример еще раз отражает попытки определить национальную повестку дня и соответствующие проблемы. Президент Рахмонов и его министры вовлечены в затяжную борьбу за ограничение влияния ислама

170. J. Heathershaw, "Discourses of Danger", *Central Asia Survey*, vol. 24/1, 2010.

171. Смотрите *Азия Плюс*: 12.10.11 «Рогунская плотина как гарантия»; «Таджикистан и Узбекистан – кто сделает первый ход?»; *Бизнес и политика*: 13.11.11 «Претензии Узбекистана в отношении Рогунской плотины».

172. Несколько лет назад президент удалил русское окончание «ов» из своей фамилии, но мы оставили его, чтобы избежать путаницы.

в обществе. Здесь много разных углов: от военных действий против исламских боевиков, проникающих в страну из Афганистана, до регистрации мечетей и ограничений на проповедуемое ими, кампании за школьную форму в светском стиле и против исламских головных уборов у девочек. Практически по всем этим вопросам существует оппозиция как среди светских, так и религиозных представителей. Иногда правительство принимает достаточно провокативные решения, например, введенные несколько лет назад меры для ограничения числа людей, посещающих свадьбы и похороны¹⁷³. Здесь на самом деле на карту поставлены очень важные принципы и можно понять позицию президента. Однако есть сомнения в отношении эффективности кампаний правительства за новую школьную форму или запрет головных платков для изменения общественного мнения.

3. Экономический кризис и миграция как предохранительный клапан

Выводы анализа в первой части этой главы не очень обнадеживают сторонников модернизации и светской модели развития страны. Понятно, что для решения проблем страны, которые в большом количестве накопились с 1991 года в Таджикистане, не прошло достаточно времени и не вкладывалось достаточно средств¹⁷⁴. Очевидно, что обе стороны – правительство и исламская оппозиция – предпринимали усилия по поддержанию мира, но идеологическое противостояние между светскими и религиозными властями остается неразрешенным. Здесь сильное гражданское общество, включающее активные религиозные и светские ассоциации, поможет найти общий язык по ключевым вопросам. Таджикистан находится в географическом тупике, дестабилизирован войной на своих границах, в стране наблюдается регресс в экономике.

Как выразился один таджикский экономист, финансовый кризис в столицах западных стран в 2008–2009 годах «обнажил негативные последствия

173. Обоснование новых правил заключалось в том, что многие семьи обанкротились в своих попытках «не отставать от соседей», организовывая все более экстравагантные семейные церемонии.

174. Или инвестиции оказались неэффективными из-за всеобщей нестабильности, связанной с войной в Афганистане.

экономических реформ на постсоветском пространстве...». Реформы продолжаются и по сей день, но, по его мнению, с самого начала они были неверными, если сравнить опустошение экономики стран бывшего СССР с Вьетнамом и Китаем, в которых государство поддерживало более упорядоченный, рациональный процесс развития. Анализ такого рода независимых авторов существенно отличается от анализа неолиберальных международных агентств. По мнению левых критиков, в отличие от США, Великобритании и т.д., Таджикистан страдает не столько от чрезмерного контроля со стороны государства, сколько от хаоса мировых финансовых процессов¹⁷⁵.

В конце 2000-х годов многие люди по-прежнему чувствовали себя отчужденными, несчастными и потерявшими опору в таджикском обществе. Хотя, согласно официальным статистическим данным, уровень развития составлял 5–7% в год, население видело лишь экономический спад или крах. По результатам социологических опросов, сейчас люди считают, что удача важнее, чем усердный труд, и что их «заставляют делать то, с чем они не согласны». Для населения семья и местная община по-прежнему являются наиболее важными институтами (более 85%), и ни один другой институт не набирал более 10% голосов. Через десять лет после окончания гражданской войны около 50% населения по-прежнему живут в глубокой бедности. Рыночная экономика привела к определенным успехам, но уровень технологических и повседневных операционных изменений в целом остается достаточно низким. Например, всего лишь у 5% опрошенных имеется банковский счет или кредитная карта. Около 60% населения по-прежнему выживает за счет выращивания фруктов и овощей на своих приусадебных участках¹⁷⁶.

Мужчины и женщины в Таджикистане пришли, кажется, к собственным выводам об экономической ситуации задолго до этого опроса. Сразу после окончания гражданской войны люди (а беженцы среди них еще раньше) начали демонстрировать своё неприятие ситуации и покидать Таджикистан в поисках работы. Их основным пунктом назначения стала Россия – Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург и другие крупные города. Период с 2000 года до экономического кризиса 2008 года, резкого роста цен на нефть и газ привел к сильному годовому приросту в

175. Х. Умаров, *Кризис в Таджикистане: глубина действия, формы проявления, пути преодоления*, Центр экономических исследований, Таджикский институт инновационных и коммуникационных технологий и Фонд Фридриха Эберта, 2010.

176. См. статью Р. М. Бабаджанова, «Социальная отчужденность и её роль на формирование уровня жизни и рынка труда», *Преобразование экономики Таджикистана: состояние, проблемы и перспективы*, Российско-Таджикский (Славянский) Университет и Фонд Фридриха Эберта, 2011.

России, вызвав огромный спрос на трудовых мигрантов из более бедных республик Центральной Азии¹⁷⁷.

По недавним оценкам, в Российской Федерации работает около 700 000 мигрантов из Таджикистана и примерно столько же из Узбекистана и Кыргызстана, хотя сложно назвать точные цифры, так как многие трудоустраиваются по неофициальным каналам. С точки зрения развития, труд мигрантов внес существенный вклад в стабилизацию экономики в самой Центральной Азии. Так, согласно МВФ, с 2005 по 2008 год денежные переводы, отправленные мигрантами на родину своим родным, способствовали сокращению бедности в Таджикистане вдвое. Серьезную обеспокоенность вызывает тот факт, что замедление мировой экономики негативно отражается на мигрантах в России, при этом особенно уязвимыми становятся такие секторы, обеспечивающие занятость, как строительство. На фоне ухудшения международной экономической и политической ситуации это серьезная угроза для страны в последние годы.

Как и в странах Западной Европы, мигранты в России заполняют пробел, вызванный постепенно стареющим населением. Прогнозы относительно потерь рабочей силы разнятся, но, согласно данным Всемирного банка, к 2025 году Россия столкнется с дефицитом в 25 миллионов рабочих, несмотря на проводимую правительством Путина политику, направленную на увеличение рождаемости¹⁷⁸. Федеральная миграционная служба России подчеркивает потребность в квалифицированных кадрах, но уровень квалификации многих прибывающих из Центральной Азии остаётся низким.

Характеристики таджикских мигрантов в Москве. Исследование, проведенное Зайончковской в Москве в 2009 году, отразило вклад таджикских мигрантов (по оценкам, 100 000 человек) в экономику и многокультурный характер российской столицы¹⁷⁹. Опрос выявил, что подавляющее большинство мигрантов приехали в Россию на работу. Они выбрали Москву, потому что здесь им было легче найти работу, так как их семья или друзья уже проживали в городе. Каждый шестой имел российское гражданство. Почти 80% трудоустроились официально, 20% работали без регистрации. Эксперты, опрошенные в ходе исследования, высказали мнение, что в

177. Россия также была основным пунктом назначения для мигрантов из Кыргызстана и Узбекистана. Меньшее число мигрантов из всех трех стран направляется в Казахстан.

178. По оценкам директора Всемирного банка в России Михаила Рутковского, веб-сайт «МОМ Таджикистан», пресс-релиз от 08.02.2012.

179. Ж. Зайончковская и другие, *Иммигранты в Москве*. Москва: Три Квадрата, 2009.

это время наблюдалась положительная тенденция: все большее число мигрантов проходили официальную регистрацию.

По данным Федеральной миграционной службы, в России в 2007 году около 40% таджикских рабочих были заняты в строительстве, 15% – в оптовой и розничной торговле, 10% – в жилищном секторе, а остальные – в сельском хозяйстве, транспортном и других секторах. Общая характерная черта заключается в том, что мигранты занимаются трудом значительно ниже уровня своего образования и профессиональной квалификации¹⁸⁰. Почти половина из тех, кто находился в Москве в течение длительного времени, столкнулись с дискриминацией или предвзятым отношением при поиске жилья или в общественном транспорте, но меньшее количество – при поиске работы.

Как организовать миграцию, чтобы обеспечить наиболее эффективные результаты для принимающего сообщества и самих мигрантов? Следует ли сделать это официально с использованием планового подхода (старый термин был «оргнабор»)? Можно ли решение этой задачи доверить частным агентствам занятости? По подсчетам представителей профсоюзов, в 2011 году менее 5% мигрантов, работающих в России, прибыли по официальным каналам, то есть по объявлениям компаний о работе, размещенным в колледжах, на биржах труда, в медицинских центрах и т.д. Большинство же по-прежнему находит работу через родственников или неформальных координаторов, или бригадиров. И причина, по утверждению самих мигрантов, проста: бедность заставляет людей мигрировать, и бедность означает, что дома, в Таджикистане, они заняты зарабатыванием на очередную порцию еды и сбором всей семьей минимума денег на поездку¹⁸¹. Несомненно, систему необходимо улучшить. Некоторые местные органы власти в России создают свои собственные каналы для привлечения рабочей силы из Центральной Азии, заполняя рабочие места в определенных отраслях промышленности с гарантированным жильем. И неправительственные организации активно участвуют в работе с отправляющей стороной, особенно по вопросам здравоохранения и соблюдения прав при трудоустройстве.

Другой проблемой является владение языком – не столько среди старшего поколения, которое достаточно хорошо владеет русским языком, сколько среди молодых мигрантов. Федеральная миграционная служба России придерживается позиции, что изучение языка должно начаться до того, как мигрант покинет Таджикистан. В 2012 году посещение классов по

180. Зайончковская, там же, с. 177–81.

181. *Вести трудовой миграции*, № 5 (29) мая 2011 г.

изучению русского языка и овладение базовым уровнем стало обязательным. И представители центров правовой помощи в Душанбе согласны с этим: без знания русского языка мигрант оказывается в замкнутом мире диаспоры, и в этом мире 90% подвергаются эксплуатации¹⁸².

Действительно, еще одной большой проблемой в отправляющей и принимающей странах является эксплуатация трудовых мигрантов и условия, в которых они работают. В Центральной Азии новостные материалы с такими заголовками, как «Современное рабство», являются обычным явлением, например, в типичной статье утверждается, что тысячи людей выманили из Таджикистана в Россию ложными обещаниями, и они стали жертвами эксплуатации как в городах, так и в сезонное время на сельскохозяйственных работах на юге¹⁸³. Усилия по отслеживанию ситуации и наказанию торговцев людьми осложняются коррупцией в правоохранительных органах. Российские профсоюзы жалуются на урезание заработной платы недобросовестными работодателями, а также на плохие условия труда, нарушение правил безопасности в строительстве и других секторах.

Очень тревожным явлением в России является насилие в отношении иммигрантов из Центральной Азии, как и нападки расистов на представителей других этнических меньшинств (Крайнего Севера, Кавказа, Китая, Африки и т.д.). В таджикской прессе подробно освещаются эти истории, и консульские отделы всех стран Центральной Азии в Москве и других городах испытывают огромные трудности, связанные с контролем ситуации, предоставлением своевременной помощи жертвам и их семьям. В свою очередь, консульские отделы оказывают давление на российские власти, чтобы пресекались действия скинхедов и крайне правых экстремистов, ответственных за многие нападения¹⁸⁴. Проблема насилия на почве расизма и межэтнической напряженности достигла апогея в России после беспорядков между футбольными болельщиками и группами национальных меньшинств на Манежной площади в центре Москвы в 2011

182. *Азия Плюс* от 16.03.12.

183. С сайта МОМ в Таджикистане, пресс-релиз от 28.05.2012. Здесь очень важны технические детали. Существуют три способа легально стать трудовым мигрантом в России: 1) через квоту, если работодатель является официальным предприятием; 2) как квалифицированный специалист; 3) заполнив «патент», который стоит 1 000 рублей в месяц (35 долларов США) с возможностью продления до одного года. Патенты были созданы для самозанятых, но на деле используются намного шире.

184. Типичные заголовки: *Азия Плюс* 30.3.06 «Кто убил Хуршеду?» (Санкт-Петербург), 7; *Азия Плюс* 22.6.06 «В Волгограде убит таджик», А9; ФК 16.7.07 «Нацисты убивают таджиков в России», 1, *Азия Плюс*, 16.8.07 «Публичные казни в Интернете»; *Комсомольская правда*, 28.04.2012 «Кыргызская женщина-мигрант: «Русские такие милые. Но почему они убивают нас?»».

году. Как Путин (в то время премьер-министр), так и президент Медведев выступили с заявлениями, осуждающими насилие и призывающими к большему пониманию. На местном уровне государственные гранты предоставляются неправительственным организациям, занимающимся вопросами толерантности. Важную роль также играют средства массовой информации, например, телекомпания «Мир» в странах СНГ.

В ходе исследования Зайончковской мигрантам задавали вопрос, намерены ли они принять российское гражданство и остаться там дольше. Здесь важным моментом является то, что до недавнего времени большинство граждан бывших советских республик имели право получить российское гражданство (эта ситуация совершенно отличается от той, с которой сталкиваются бывшие колониальные народы, мигрирующие в страны Европейского Союза). Большинство респондентов в этом исследовании намеревались остаться только временно, но те, кто находился в Москве уже 3–5 лет, были более склонны остаться дольше и перевезти сюда свои семьи. Как показал опрос, проведенный в 2012 году, из-за низкой заработной платы им приходилось откладывать воссоединение с семьей. Всего лишь 7% респондентов зарабатывают более 30 000 рублей в месяц, при этом 15% получают менее 15 000 рублей в месяц (1 000 и 500 долларов США соответственно)¹⁸⁵.

Вывод из этого исследования, в целом, оказался противоречивым. Да, таджикские иммигранты живут в плохих условиях и некоторой враждебности со стороны принимающей общины, но многие из них получили образование или новый опыт работы и навыки. Они улучшили свои условия жизни, свободно смешиваются и дружат с местным населением, открыты для взаимоотношений с представителями других национальностей и стараются пользоваться культурными преимуществами городской жизни. Они отправляют своим семьям в Таджикистан так необходимые для существования деньги и удерживают свою страну на плаву. Поэтому эксперты называют миграцию в Россию «предохранительным клапаном». Ценные человеческие ресурсы Таджикистан утрачивает, но миграция позволяет снять определенное напряжение в обществе. И есть надежда, что какой-то процент вернется со своим новым опытом и знаниями.

185. Данные с веб-сайта Федеральной службы государственной статистики: <https://rosstat.gov.ru>.

4. Перспективы развития в Таджикистане

Россия имеет институциональную базу и огромное влияние во многих сферах жизни стран Центральной Азии. Среди них выделяются системы образования и здравоохранения, построенные в советское время и заполненные новыми навыками и ресурсами за счет России в последние годы. Российская система высшего образования по-прежнему предоставляет определенные возможности студентам из бывших республик. Русский язык имеет привилегированный статус в большинстве стран бывшего СССР. В области права и государственного управления российское и советское наследие все еще очень сильны: базовые рамки во многих сферах сохранились с 1991 года, а новые законы и положения должны соответствовать этим рамкам даже в таких новых областях, как регистрация или свобода для НПО.

Тем не менее это наследие подвергается нападкам со стороны многих и очевидно, что ему приходится сталкиваться с сильной конкуренцией со стороны других регионов и стран в глобализированном мире. По мнению Роя, государства региона будут постепенно отдаляться от России, что отчасти связано с тем, что Советы не предпринимали попыток создать в регионе постоянную российскую элиту¹⁸⁶. В Центральной Азии проживало почти 5 миллионов русских (наряду с многочисленными немецкими и украинскими общинами), но они постепенно вернулись на родину, что привело к огромному истощению ресурсов во многих промышленных и профессиональных секторах. В Таджикистане к 2010 году доля русского населения снизилась с 7 до менее 1%. Рой пришел к выводу, что Россия не справилась с задачей создания современной сферы влияния, главным образом, из-за отсутствия экономических инструментов или поддержки политических партий в Центральной Азии, которые могли бы выступать в качестве надежных союзников¹⁸⁷.

Роль региональных ассоциаций в СНГ. Изменилась ли ситуация с начала 2000-х годов? Вопреки мнению Роя, следует обратить внимание на попытки Российской Федерации создать региональные ассоциации в своей «сфере интересов». Любая форма более широкой ассоциации потенциально может оказаться полезной Таджикистану в его географической ситуации с неразрешенными границами с Кыргызстаном и Узбекистаном на севере и воюющим Афганистаном на юге. Общим коллективным институтом в бывшем Советском Союзе является Содружество Независимых Государств (СНГ). Опыт постколониальных ситуаций во всем мире свидетельствует

о том, что такого рода организации действительно могут играть важную политическую и культурную роль и обеспечивать точки входа для бывших метрополий (например, Лондона, Парижа, Мадрида). Однако СНГ, безусловно, пока еще не является двигателем развития. Согласно прессе бывшего Советского Союза, большинство наблюдателей придерживаются мнения, что их новое Содружество слишком бюрократично и неспособно поддерживать социальную мобилизацию, несмотря на четкий посыл, по результатам опросов общественного мнения, о том, что бывшие советские граждане хотели бы сохранить связь друг с другом.

По мнению российского эксперта по внешней политике Петровского, чтобы завоевать больше доверия общественности, СНГ должно было бы наделить свои парламенты и исполнительные органы большей властью. Большая интеграция в СНГ маловероятна, если вопросы идентичности, культуры и образования, свободного передвижения людей через границы не будут решаться непосредственно и более решительным образом. В настоящее время декларации прав человека в СНГ не сопровождаются действиями по наказанию за нарушение прав, поэтому Содружество не стало «общим домом» для его народов, как предусматривалось изначально. Петровский подчеркивает важность человеческого измерения и необходимость уделять больше внимания личной безопасности граждан на основе новой социальной политики и сетевого сотрудничества со всеми секторами¹⁸⁸.

С экономической точки зрения Таджикистан с самого начала (в 1996 году) был вовлечен в обсуждение о возможном таможенном союзе между государствами бывшего Советского Союза и создании Евразийского экономического сообщества. Однако на сегодняшний день результаты довольно скромны¹⁸⁹. Больше было инвестировано в новые режимы коллективной безопасности в регионе. Таким образом, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) обеспечивает механизм взаимодействия России по военным вопросам с Таджикистаном и Кыргызстаном. Все три страны активно сотрудничают с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Шанхайской организацией безопасности (ШОС) – последняя с Китаем в качестве основного партнера. Однако с точки зрения человеческого развития проблема с ассоциациями, основанными на безопасности, заключается в том, что они в большинстве случаев играют в соответствии с правилами, установленными вооруженными силами и военно-промышленным комплексом, часто усиливая непрогрессивные национальные стереотипы. Такой подход может сдерживать как развитие гражданского общества, так и взаимопонимание между культурами.

186. Довольно большая разница с ситуацией в других постколониальных странах: отсутствие влиятельного иностранного класса помещиков или плантаторов в период после независимости.

187. Roy, op. cit., 105–07, 195–97.

188. Петровский, там же, с. 77.

189. Быков, там же, с. 72–79.

Как эти вопросы выглядят в русскоязычной прессе в Таджикистане? Периодический просмотр таких газет, как «Азия-плюс», «Бизнес и политика» и «Вечерний Душанбе», позволяет предположить, что костяк опытных местных обозревателей, получивших образование в России, решительно выступает против политики США во всем мире и поддерживает роль России в Центральной Азии. Большинство обозревателей скептически относятся к успехам войны в Афганистане. Разнообразные статьи и аналитические материалы посвящены другим игрокам – Китаю, Ирану, Малайзии, арабским государствам и т.д. и отражают попытки режима получить поддержку везде, где это возможно. Таджикистан, по-видимому, значительно ближе к исламскому миру (особенно к странам, говорящим на фарси – к Афганистану и Ирану), чем любая другая страна в Центральной Азии. Отношения со странами бывшего СССР регулярно освещаются в прессе Таджикистана, при этом выражается глубокая обеспокоенность дальнейшими спорами с Узбекистаном. Несмотря на большую степень влияния в обеих странах, Россия не смогла разрешить этот спор.

Гражданское общество в небезопасном государстве. Мы должны признать, что, несмотря на наши совместные проекты, гражданское общество не может решить все вызовы развития в Таджикистане. Здесь речь идет не только о проблемах коррупции или неэффективности государства. Есть еще ограничения, связанные с войной в Афганистане и проблемы, возникающие в результате экономической глобализации. Но гражданское общество делает свой вклад в решение таких вопросов. Хорошим примером последнего является работа НПО по вопросам миграции. В Таджикистане НПО не только активно информируют мигрантов об их правах, о рисках для здоровья и всевозможных административных вопросах: они осуществляют целый ряд программ по поддержке оставшихся семей. Они активно участвуют в дискуссиях о том, как использовать денежные переводы мигрантов не только на краткосрочные потребности семьи, но и на более долгосрочные инвестиции в сообществе. В городах России усиливаются контакты с диаспорой и местными НПО, работающими с отдельными лицами и семьями в принимающей общине.

В опубликованном в конце 2000-х годов отчете ИНТРАК кратко изложены проблемы, стоящие перед гражданским обществом в Таджикистане в последние годы¹⁹⁰. Они включают проблемы отношений как с государством, так с донорами. Потенциал ОГО остается довольно слабым, и им трудно поддерживать более широкие сети такого рода, которые могли бы повлиять на международные агентства или осуществлять мониторинг

государственных программ и соблюдения основных прав граждан. Положительным моментом является тот факт, что, когда ОГО работают в рамках существующей правовой базы и сосредоточены на практических изменениях в законодательстве или в сфере базовых социальных услуг, определенный прогресс все-таки возможен. Есть уже определенный резерв национальных и местных экспертов (тренеров, юристов, оценщиков проектов, аналитиков, лидеров НПО), которого не было в конце гражданской войны. Это ресурс на будущее.

Похоже, доминирующий дискурс о Центрально-Азиатском регионе в наши дни – это вопрос о «хрупких государствах» и первостепенной необходимости обеспечения безопасности и предотвращения конфликтов. Джонс Луонг считает, что конкуренция между региональными элитами в странах региона была до сих пор более проблематичной для его государств, чем давление снизу со стороны гражданского общества. Так что не следует, что, если гражданское общество пока слабо, государство обязательно является сильным. Как только США наконец уйдут из Афганистана, события могут развиваться быстро. Перспективы для Таджикистана здесь довольно неясны: либо откроется мирная торговля на юге, либо усиливающаяся нестабильность в Афганистане начнет распространяться на север.

Ситуация с миграцией в Таджикистане и России сегодня похожа на общее положение дел в этих странах. Да, миграционная политика и программы в обеих странах носят скорее тактический характер, поскольку ни государственная система, ни население этих стран не были полностью готовы к изменениям, которые принесла массовая миграция. Но иммиграция выглядит как долгосрочная необходимость для России, и мы уже видим там определенные шаги для решения возникающих проблем. Вопрос для Таджикистана сложнее. Миграция обеспечивает страну жизненно важными источниками дохода в виде денежных переводов, но она лишает страну некоторых ее самых активных и амбициозных людей. Если бы это входило в согласованную с Россией стратегию, гарантирующую всестороннее развитие, возможно, оно стоило бы такой цены. Однако пока рано говорить о том, что подобное стратегическое направление существует в реальности.

190. I. Zharkevich, Civil Society and Political Accountability in Tajikistan, INTRAC, 2010, 37–45.

Глава 7. После отчуждения: социальные движения и протесты в России 2000-х годов

1. Демократические протесты в движении

Со времен перестройки одними из самых масштабных и критических для политической системы России оказались уличные протесты осенью 2011 года и весной 2012 года. Как и в случае движений, которые привели к цветным революциям в других странах бывшего Советского Союза, их катализатором стали предстоящие выборы на фоне растущего разочарования населения в социальной и экономической политике и в коррупции политического истеблишмента.

Демонстрации начали набирать силу во время избирательной кампании в Государственную Думу, намеченной на декабрь 2011 года. Их поддерживали и «официальная» оппозиция – политические партии, представленные в парламенте, и другие партии, надеявшиеся достичь установленного порога, чтобы пройти в парламент. А думские выборы были прелюдией ко второй немаловажной борьбе – президентским выборам в марте 2012 года. В самом начале процесса не было ясно, кто из участников тандема «Путин–Медведев» будет баллотироваться на пост президента, и решение Путина снова участвовать в президентской гонке разочаровало тех, кто возлагал надежды на более либеральную линию Медведева.

На Болотной площади и проспекте Сахарова 10 декабря 2011 года собралось около 60 000 человек и почти столько же два месяца спустя. Главное послание «Россия без Путина» сопровождалось различными изображениями Путина на плакатах, например, как он может выглядеть спустя еще два шестилетних президентских срока. Лозунги протестующих были сколь гневными, столь же и забавными. Например, один лозунг напротив символа партии «Единая Россия» гласил: «Я не голосовал за этих ублюдков», а ниже: «Я голосовал за других ублюдков». Другая строка бросала вызов консервативной части населения России: «Вы даже нас не представляете»... Правоохранительные силы не особенно церемонились с участниками, и у многих даже сложилось впечатление, что они находились там для того, чтобы спровоцировать насилие со стороны протестующих.

Хотя во время протеста основной акцент был сделан на честные выборы, он опирался на временную коалицию либеральных, левых и националистических сил. Среди лидеров было несколько представителей старой гвардии – Немцов, Каспаров и Зюганов, но также и некоторые новые лица, которые к тому времени добились национального признания, в том числе лидер левых радикалов Удальцов и националистический активист против коррупции Навальный. Протестующие призвали положить конец тому, что Фурман назвал «имитационной демократией» в странах бывшего Советского Союза. Режим не только задействовал большое число полицейских, но одновременно заявлял, что санкционирование маршей продемонстрировало реальность политической свободы в России.

Как показывали общенациональные опросы, «Единая Россия» всегда имела все шансы победить на выборах в Думу, при этом второе место занимали коммунисты. Так и было. По официальным данным, «Единая Россия» получила 49% голосов, хотя, по мнению некоторых независимых экспертов, – только 34%¹⁹¹. Но оппозиция, по крайней мере, отметила тот факт, что партия власти получила значительно меньше мест в Думе по сравнению с 70% в 2007 году. Распределение мест в последующие четыре года было следующим: «Единая Россия» (ЕР) – 239-е место, Коммунистическая партия (КП) – 92-е, партия «Справедливая Россия» (СР) – 64-е, Либерально-демократическая партия (ЛДПР) – 56-е¹⁹².

Благодаря победе в Думе Путин оказался в выгодном положении на президентских выборах, однако он все еще был уязвим на более личном уровне. Другими словами, его решение снова баллотироваться для многих означало, что Путин не может отказаться от власти, что у него и его окружения есть что терять. Тем не менее, когда тележурналисты спросили, действительно ли он готов к третьему сроку президентства, Путин ответил просто: «Я могу выполнять эту работу, справляюсь с нагрузкой», сравнил себя с Франклином Рузвельтом и его четырьмя сроками подряд на посту президента США. Говоря о продолжающемся экономическом кризисе, Путин отметил, что «для восстановления России необходима стабильность» и его президентство обеспечит эту стабильность¹⁹³.

191. Независимые наблюдатели выразили недоверие к высокой явке на выборы в некоторых отдаленных регионах России, например, 99,5% в Чечне, где 98% голосов досталось «Единой России».

192. См. T. Wood, "There is No Alternative: Russia on the Eve of the Presidential Elections", *London Review of Books*, Vol.1 34, № 4, 23 February 2012. И в том же выпуске LRB взгляды левого активиста Кирилла Медведева «They treat us like shit» об акциях молодежи и студентов во время выборов.

193. Телеканал Russia Today, 17 октября 2011 г.

Призыв оппозиции к справедливым президентским выборам 4 марта позволил сохранить временное хрупкое единство. Как показал опрос, проведенный Левада-центром в середине декабря, 44% населения поддержали протесты, что являлось, действительно, очень высоким показателем. Но с присущим русским фатализмом 67% заявили, что их союз вскоре распадется ... На самом деле, большим триумфом оказались демонстрации и дебаты, продолжавшиеся вплоть до голосования. Кандидатами были Путин (ЕР), Зюганов (КП), Миронов (СР) и Жириновский (ЛДПР), а также новое лицо – бизнесмен-миллионер Прохоров. Доминирование старых политиков само по себе разозлило многих, особенно молодых избирателей и представителей среднего класса Москвы и Санкт-Петербурга, желавших перемен. В результате президентских выборов на первом месте оказался Путин с более чем 50% голосов, поэтому ему не пришлось бороться во втором туре.

2. Критика повестки модернизации «Путина–Медведева»

Легко увидеть идеологию российской элиты после 2000 года, будь то ее более либеральные или корпоративистские фракции. Это называется «модернизация», о чем пишут российские эксперты и журналисты постоянно. Для этой книги важно рассмотреть, насколько этот термин совпадает с «развитием».

Несколько интерпретаций. В недавно изданном учебнике под редакцией Аринина, модернизация определяется как «эффективное самообновление политической, экономической и социальной систем в соответствии с потребностями времени» со всесторонними и поэтапными изменениями во всей системе общественных отношений¹⁹⁴. Это спланированный процесс, при котором ключевым фактором является профессиональная компетентность. Внутренние проблемы, которые модернизация призвана решить, определяются как неэффективное управление, чрезмерная зависимость от производства сырья, отсутствие инноваций в экономике, общество, не готовое к самоуправлению или самоорганизации, ненадлежащие системы здравоохранения и образования, плохая обеспеченность жильём и т.д. К

194. А.Н. Аринин (ред.), *Модернизация России как условие её успешного развития в XXI веке*, РОССНЭП, 2010.

внешним проблемам относятся следующие: неконкурентоспособность на международном уровне, неспособность реагировать на изменение ситуации и баланса сил на мировой арене или на экономические кризисы.

Это нисходящая технократическая повестка с акцентом на правящие классы как на основной движущий фактор изменений. Примечательно, что авторы сразу же отмечают, что до сих пор большая часть российской элиты «обслуживает свои эгоистичные и клановые интересы». Они должны понимать, что, если так будет продолжаться, они могут потерять все, что имеют¹⁹⁵. Из различных критических анализов стратегии модернизации России мы коротко рассмотрим только три, условно определенные как: 1) системная критика; 2) подход, ориентированный на развитие; 3) анализ ситуации изнутри элиты.

Ряд российских экспертов разработали «системную критику» модернизации, проводимой «Путиним–Медведевым». Хорошее описание поля деятельности с идеалистических позиций приводится уральскими политологами Мартыяновым и Флишманом, взявшими за отправную точку идею Валлерстайна о моральном коллапсе в основе капитализма¹⁹⁶. В их дискуссии о «политических дискурсах периферийной империи» выдвигается гипотеза о выходе России из мировой капиталистической системы (хотя, по их мнению, крайняя невероятная и рискованная).

Другим из давних популяризаторов «системной критики» является Сергей Кара-Мурза. По его мнению, режим Путина игнорирует «цивилизационный характер и путь» России и попирает советское наследие, в котором ведущая роль отводилась классу трудящихся в обществе. В своей книге «Проект „Путин“» автор делает типичные прямые выпады против политики того времени. Во-первых, это разрушение системы социального обеспечения. Автор оспаривает аргументы о необходимости отхода от советского «патернализма», утверждая, что современное государство должно обеспечивать гарантии. Во-вторых, деиндустриализация (показывающая, что в 1990-е годы Россия потеряла около 10 миллионов рабочих мест). Он отвергает критику в адрес провалившихся экономических мегапроектов предыдущего периода. Например, комментируя кризис на одной из крупнейших в стране плотин гидроэлектростанции (Саяно-Шушинской ГЭС в Центральной Сибири), он утверждает, что мегапроекты сами по себе были неплохи. Чрезвычайная ситуация 2010 года была вызвана не внутренними недостатками первоначальной кон-

195. Аринин. Там же, с. 11–17.

196. В. Мартыянов и Л. Флишман, *Россия в поисках утопии: от морального коллапса до моральной революции*. Москва: Весь Мир, 2010.

струкции, а неспособностью адаптировать ее к другой модели использования в условиях рыночной экономики. В-третьих, это дерегулирование (например, уничтожение государственной службы Госстандарта и отказ от советской функции «народного контроля», ухудшение состояния станций по техническим вопросам гигиены, повторное появление болезней, например, оспы, малярии), от которых, как раньше считали россияне, они избавились навсегда.

Это осознанный «евразийский» взгляд, утверждающий, что Россия представляет собой сочетание европейских и азиатских элементов. Кара-Мурза критикует высказывания Суркова – идеологического советника Путина – относительно «азиатского» характера советского режима и часто цитирует статьи в *Financial Times* с целью разоблачения поддержки, оказываемой Лондоном, правительствами западных стран и международными агентствами, неолиберальных реформ России. По его словам, Путин последовательно продвигает приватизацию (например, в своем обращении к народу в 2003 году, в котором он заявил, что «частный предприниматель всегда эффективнее правительства»)¹⁹⁷.

Еще один пример этого подхода можно увидеть в журнале «Левая политика». В передовых статьях этого журнала редко встречается критика самого президента, но регулярно и детально дается системный анализ «Капитализма: издание 2», о чем говорилось в конце первой главы этой книги¹⁹⁸. Их главный аргумент – Россия стала сырьевым придатком мировой экономики. В журнале широко освещаются вопросы социальной политики. Например, в анализе политики занятости 2000-х годов, который фокусируется на роли женщин в неформальной экономике, Очкина отмечает, что официальные статистические данные не отражают всей картины безработицы. Между тем реалии неформального сектора не поняты до конца и не принимаются во внимание, и использование доходов от продажи нефти для создания кратковременных рабочих мест не может заменить реальные экономические программы, то есть отраслевые стратегии и постоянные рабочие места¹⁹⁹.

197. С. Кара-Мурза, *Проект «Путин», Кремль. Отчёт перед народом*. Москва: Алгоритм, 2011, с. 9–17, 31–33, 91–109.

198. В сборнике эссе *Социализм 21: 14 текстов постсоветской школы критического марксизма*. Москва: Культурная революция, 2009 (статья О. Смолина «Новейшая революция в России и перспективы социализма в XXI веке») ужесточение Путиным нового режима рыночной экономики сравнивается с восстановлением порядка Наполеоном в термидорский период после французской (буржуазной) революции.

199. Анализ Анны Очкиной политики занятости в России был размещен на сайте IGSO в апреле 2009 года.

Подход, ориентированный на развитие, который предложил Ван Зон, вкратце уже описывался в четвертой главе. Этот подход фокусируется на вызовах модернизации «сверху–вниз» и проблемах бедности и социальной изоляции, которые кажутся неизбежным последствием неолиберальных реформ. В нем подчеркивается многосторонний характер развития, в частности, человеческое измерение, продвижение децентрализации и муниципальной реформы и постановка вопроса о том, как создать «трехсекторальный» подход, в полном объеме вовлекающий гражданское общество и бизнес в процесс принятия решений.

В этом же лагере находится несколько авторов в сборнике Аринина. По мнению Павленко, при теперешнем режиме «у нас наблюдался рост, но не развитие». Нам нужна экономическая модель, отражающая российские традиции и историю. Для модернизации необходима более широкая мобилизация населения, чем Дума. Частный капитал должен использоваться в интересах всего общества. Рынок не священная корова, и жизненно важные общественные услуги не должны основываться на рыночных принципах. Под социальной справедливостью подразумевается сокращение существующего неравенства доходов посредством договоренностей между основными секторами общества. Как отмечает Бухвальд, муниципальная реформа проводилась сверху с ограниченными признаками того, что она была востребована массами. Такая реформа провозглашает множество благородных целей (например, равный доступ к муниципальным услугам для граждан во всех регионах страны), но на самом деле победителями выходят только государственные чиновники²⁰⁰.

Ван Зон приводит длинный список тех, кого подвело развитие «сверху–вниз»: владельцев квартир, обманутых строительными организациями; незащищенный от рэкетиров малый бизнес; пенсионеров, утративших свои пособия в натуральной форме; рабочих, которые все еще ждут, когда правительство восстановит ключевые отрасли промышленности; местных налогоплательщиков, пострадавших от неэффективного правления чиновников и неформальных вотчин. «Издержками стратегии развития России» являются ухудшение систем здравоохранения, образования и физической инфраструктуры; низкая эффективность в современных технологических секторах; утечка мозгов и бегство частного капитала; неприятие властями прозрачности, подотчетности и обратной связи с гражданским обществом. Результатом стал огромный разрыв между государством и обществом – элитой и народом²⁰¹.

200. См. статьи Павленко и Бухвальда в А.Н. Аринин (ред.), *Модернизация России как условие её успешного развития в XXI веке*, 2010, с. 169–72 и 129–36.

201. См. также А. Олейник, «Власть и рынок», РОССПЭН, 2011 г. с более техническим анализом, посвященным напряженности между правительством и капиталистической, или олигархической, властью в течение десятилетия с 2000 по 2010 г. в России.

Анализ изнутри системы исходит главным образом от бывших чиновников и экс-министров времен Ельцина и Путина – Касьянова, Кудрина и других. Эти чиновники придерживаются в основном неолиберальной линии и пользуются популярностью у западных обозревателей. Критика носит «внутренний» характер, потому что она исходит из самого «сердца» делового сектора, который управляет экономикой, особенно в его доминирующих глобальных капиталистических формациях. Некоторые их аргументы близки к аргументам предыдущей группы аналитиков. Так, ключевой вопрос «инсайдерских критиков» – это рост и перспективы нового среднего класса. Например, Ван Зон цитирует слова левоориентированного обозревателя Костинова о том, что средний класс «буквально задыхается от господства государственных чиновников, местных властей и преступного рэкета»²⁰².

Публичные заявления режима Путина и Медведева в 2000–2009 годы описываются Мартъяновым и Фишманом как своего рода «паллиативная идеология». Слово «развитие» часто используется в ежегодных посланиях президента и других важных выступлениях, равно как и «эффективность» и «свобода», однако оно лишено какого-либо политического содержания. В действительности анализ показывает сходство российской риторики о развитии с официальной риторикой многих других стран, о которых мы могли бы упомянуть²⁰³.

3. Преодоление проблемы отчуждения: от разрозненности людей к коллективным действиям

В самом начале этой книги мы выделили проблемы, с которыми столкнулись «парадоксальные», растерянные или отчужденные мужчины и женщины в 1990-е годы. На рубеже тысячелетий приводились российские и европейские исследования, отражавшие, как социальная изоляция постепенно захватывает больше людей, живших в достатке всего лишь несколько лет назад. Основными факторами, из-за которых отдельные люди и семьи оказались в такой ситуации, стали болезни, инвалидность, многодетность, смерть кормильца, безработица или крах малого бизнеса. В действительности «нормальные» семьи никоим образом не были «ис-

202. Газета «Аргументы и факты», 7 июня 2006 г.

203. Мартъянов и Фишман. Там же, с. 81–103.

ключением из числа отчужденных» во «внутренней периферии» России, как мы впоследствии назвали ее.

При рассмотрении какой-либо проблемы России в ее пространственном распределении, она очень часто, по известной метафоре, похожа на архипелаг. Это особенно касается городской бедности и лишений, затронувших не только маргинализированные группы в быстро развивавшихся Москве и Санкт-Петербурге в переходные годы, но и рабочий класс в моноиндустриальных городах по всей стране. А еще есть население небольших поселков и сёл, для которых «переход» 1990-х годов означал непосредственно регресс. В исследованиях Уайт о жизни малых городов России приводится цитата географа Родмана: «Глубинка не только отстает от столицы, но во многих отношениях фактически движется в противоположном направлении. Возрождаются доиндустриальные, дорыночные, феодальные отношения: натуральное хозяйство, ростовщичество, накопление ценностей, рабство. Создается впечатление, что модернизация центров происходит за счет архаизации периферии». В действительности депрессивные рабочие поселки с преимущественно этнически русским населением в сибирских лесах являются такой же частью «средней периферии», которую мы определили как автономные округа и регионы с этническими меньшинствами, находящимися в бедственном положении. Конечно, нельзя во всем винить 1990-е годы; даже в советское время признавалось, что в мелких городах существуют безработица, застойная торговля, плохие транспортные услуги и отсутствие удобств.

Тем не менее даже в тихих и отдаленных уголках России определенная культурная и общественная жизнь продолжается и по сей день. Как отмечает Уайт, хотя люди начали отказываться от обязательной культурной деятельности сразу после смерти Сталина, совместные традиции, как например, субботники, продолжали выполнять полезную функцию. Как отметила Уайт, в России после 1991 года представители местной интеллигенции были по-прежнему непропорционально активны по сравнению с другими социальными группами в коллективной или общественной деятельности (например, учителя искусства и музыки, врачи, библиотекари). Одним из новых факторов стала возрастающая активность Православной церкви, которая постепенно открывала свои церковные здания, забирая их у государства (часто использовавшиеся местными общинами, что иногда приводило к некоторой напряженности). Уайт отмечает, что местные газеты продолжают играть полезную роль. Люди очень серьезно относились к своей местной газете, гражданские активисты разного профиля помогали ее выпускать, и в результате помогли развить местную идентичность и независимое общественное мнение. Согласно выводу автора, хотя НПО сами по себе были слабыми, коллективный дух далеко не потерялся в глубинке²⁰⁴.

204. White, op. cit., глава 7 о гражданском обществе и политике.

Противостояние идеологии безысходности. В России есть множество объяснений и оправданий тому, почему население не принимает участия в общественных или политических акциях или почему люди настолько «многострадалны» ... Мы можем увидеть размышления на эту тему у великих романистов XIX века, таких как Гоголь или Достоевский, а также в ряде философских и политических работ. В книге о пропаганде, средствах массовой информации и отношениях между властью и народом в России, Яковенко предлагает аналогичную линию, определяя русскую культуру как «антигреческую», потому что его соотечественники не придерживаются ключевых аспектов древнегреческой демократии, таких как уважение человеческого достоинства и частной собственности²⁰⁵. Он аргументирует это тем, что, хотя на протяжении всей истории России наблюдались всплески политической активности, наступает момент, когда ключевые социальные элементы отказываются от своей политической субъективности, то есть массы не берут на себя ответственность за политический процесс. Он приводит жаркие внутривнутрипартийные дебаты 1920-х годов, которые в конечном итоге были подавлены Сталиным без достаточного сопротивления со стороны народа; и, по его мнению, после 1991 года реформы местного самоуправления были ослаблены неспособностью ключевых социальных групп воспользоваться этой возможностью и осуществлять их снизу²⁰⁶.

Определенно ответить нельзя, но одно можно сказать точно: существует множество противоположных примеров, когда люди пытались продвигать демократию и социальную справедливость и подвергались репрессиям за свои усилия. На самом деле перестройка вызвала большую волну акций протеста – от забастовок шахтеров на Крайнем Севере России, движений за независимость в странах Балтии и на Кавказе до экологических и низовых или неформальных движений, которые разрослись по всему СССР. Еще одним примером жестокого подавления являются столкновения 1993 года в Москве после того, как Ельцин направил танки на парламент, за которыми последовало несколько лет глубоких разочарований в оппозиционных движениях. Следующая волна народных протестов прошла в 1998–1999 годы с забастовками железнодорожников и захватом заводов против разграбления активов по всей стране. Однако большинство таких кампаний и акций провалились в суровых условиях новой экономической системы России.

205. И. Г. Яковенко. Там же, с. 43.

206. См. также R. Rose, *Understanding Post-Communist Transformation: A Bottom-Up Approach*, London, Routledge, 2009. После анализа народного скептицизма, цинизма и «терпения» в регионе, вызванных отсутствием каких-либо заметных выгод от переходного периода, Роуз заключает, что «автократические режимы хорошо учат людей ждать» (с. 36), но отличает терпение от лояльности. В последующих главах показана эволюция в реакции населения, например, «устойчивая, но положительная тенденция с 2001 года к нормализации российского общества» (с. 175).

Борьба за демократию осенью 2011–весной 2012 годов стала третьей фазой народного радикализма, начавшейся в 2005 году с протестов пенсионеров против монетизации пособий, за которыми в конце 2006 года последовала волна акций протеста рабочих, особенно автомобильной промышленности. Удальцов, Навальный и многие другие лидеры, получившие известность в 2011–2012 годах, приобрели первый опыт борьбы во время гражданских акций протеста в предыдущие пять лет.

За тщательное документирование социальных движений середины 2000-х годов мы многим обязаны Карин Клеман и ее коллегам – социологам из института «Коллективные действия». Внушительный результат их труда «*От обывателя к активистам*» подробно описывает три примера: 1) общенациональную кампанию пенсионеров против монетизации пособий; 2) конфликт работников автомобильной промышленности (работников компании «Форд» во Всеволожске и «АвтоВАЗа» в Тольятти); 3) борьбу за самоуправление и улучшение условий в жилищном секторе²⁰⁷. У меня как специалиста по организационному развитию эти истории вызвали большой интерес. На следующих страницах они будут дополнены наблюдениями во время моих путешествий и встреч с активистами по Уралу и Сибири в 2011–2012 годы.

Все три случая, приведенные Клеман, интересны по-своему. Чтобы понять кампанию против монетизации, нам нужно вернуться к советскому периоду и длинному списку пособий в натуральной форме, на которые имели право рабочие, матери, пенсионеры и другие группы населения: бесплатный проезд в общественном транспорте, льготы в фабричных или других столовых, льготный вход в культурно-развлекательные учреждения и так далее. В 1990-е годы эксперты правительства по социальной политике выявили, что не все пожилые люди, например, пользуются этими услугами и заключили, что другие формы социальной помощи будут более эффективными, в частности, предоставление пенсионерам денежных выплат вместо бесплатных проездных на общественный транспорт. Однако эксперты серьезно просчитались: по всей стране прошли гневные массовые демонстрации, а властям пришлось отступить (хотя новая политика не была отменена полностью). В чем суть успеха этих протестов? Авторы кейса показывали, что политические акции против монетизации успешно апеллировали к культурным и историческим сильным сторонам России – уважению к старшему поколению, высокому официальному статусу жертв Второй мировой войны, и солидарности, выраженной другими уязвимыми

207. К. Клеман и др., *От обывателя к активистам*, Три Квадрата, 2010. Краткий вариант исследований можно найти в работе Е. С. Петренко «Гражданское общество современной России: социологические зарисовки с натуры», Институт Фонда общественного мнения, 2008, главы 7, 8 и 10.

группами, которые тоже не хотели терять пенсии и льготы, присужденные им в советское время.

Борьба работников автомобильной промышленности, описанная в книге Клеман, состояла из продолжительных, часто неформальных акций, в неблагоприятных условиях высокого уровня безработицы. В целом, 90-е годы обнажили слабость профсоюзов России, отсутствие у них опыта организации независимо от Коммунистической партии. И действительно, после 1991 года многие «красные директора» пытались сохранить как можно больше рабочих, невзирая на нехватку денег для выплаты им заработной платы. Но так было не везде и этого оказалось недостаточно, чтобы сохранить прежние условия работы надолго. Описанные в исследовании Клеман забастовки показывают, как люди преодолели деморализацию, вызванную повсеместной безработицей, падением реальной заработной платы и неспособностью официальных профсоюзов защитить своих членов. Неформальные организации рабочих играли ключевую роль в противостоянии работодателю, часто заставляя профсоюзы активизироваться.

Процесс перехода людей от апатии к активности подробно анализируется в исследовании Клеман о жилищных активистах в Астрахани²⁰⁸. Исходной точкой здесь стала приватизация государственного жилья в начале 1990-х годов; отсюда и внезапное исчезновение социального жилья в городах России и ситуация, когда у местных властей не было денег для оплаты ремонта и содержания домов (поскольку почти никто больше не платил за аренду). В числе связанных с приватизацией проблем была неэффективность управляющих компаний, привлеченных местными властями для обслуживания сотен тысяч многоквартирных домов по всей России. Астрахань построена на болотистой местности, и около 14% жилья к началу 2000-х годов находилось в опасном состоянии. «Это обычные проблемы, – пишет Клеман, – ржавые трубы, затопленные подвалы, вонючие подъезды в домах и лифты, не работающие на протяжении многих лет».

Из-за всеобщего недовольства работой жилищно-коммунальных компаний Астрахань стала лидером в плане самоуправления, осуществлявшегося ассоциациями жителей. В тематическом исследовании шаг за шагом описывается, как в разных многоэтажных домах формировались комитеты. Используемая в исследовании концепция «переосмысления» объясняет, как воображаемые образы людей, чувство солидарности и их репутация в гла-

зах других менялись в процессе создания самоуправляемых групп. Многое из этого хорошо известно работникам гражданского общества и общинных организаций. Анализ Клеман отражает важность правильной стратегии кампании, коллективного принятия решений, развития отношений с государственными органами (жилищными, электроэнергетическими и другими обслуживающими компаниями), а также тщательного изучения вопросов планирования и нового Жилищного кодекса. Большим шагом в жилищном движении для многих стал переход от позиции (рамок) «ситуативного» или разового активиста к позиции «убежденного» или долгосрочного активиста. Для достижения устойчивости были важны взаимное доверие и одобрение соседями шагов, предпринятых членами комитета как с учетом их индивидуальных ролей, так и с точки зрения предлагаемых решений.

Образ действий на уровне улиц. В приведенном выше анализе на основе подходов или теорий Тилли и Тарроу мы рассказали о социальных движениях, добивавшихся выполнения своих требований с использованием последовательной стратегии и определенного «репертуара» действий²⁰⁹. Социальные движения выражают взгляды и надежды тех слоев населения, которые не удовлетворены существующим положением вещей и бросают вызов идеологической гегемонии правящих групп общества. Их стратегии и действия могут быть, выражаясь на жаргоне работников развития, «институциональные» или «не институциональные». Говоря о протестах, мы имеем в виду в основном последние, и они могли бы быть активными или пассивными по своему характеру. В случае активных протестов они могли носить насильственный или ненасильственный характер, быть организованными или спонтанными. И их опыт показывал, что чем лучше разработает общество постоянные механизмы для обсуждения и переговоров (такие как рассмотренные нами в главе 5), тем меньше вероятность насилия или конфликта.

Во время поездок в Сибирь в 2011–2012 годах у автора была возможность пообщаться с активистами гражданского общества совместно с институтом «Коллективное действие», проводившим кампании по широкому кругу вопросов. Например, лидер пенсионеров в Новосибирске рассказал о своем участии в кампании, чтобы заставить городские власти принять более гибкую систему бесплатного / льготного проезда пенсионеров в общественном транспорте (это продолжение описанной выше борьбы против монетизации на местах); в кампании по прекращению вырубки деревьев, чтобы освободить место для частной гостиницы в городском парке; а также в акции протеста против коррумпированного руководства крупного цементного завода. Все эти акции предусматривали проведение неформальных действий. И это было не просто. В соответствии с установленными ограничениями на

208. См. также работу Шоминой, «Самоорганизация жителей на локальном уровне» в 2008 г., Л. И. Якобсон (ред.), *Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством*. Москва: ВШЭ, 2008, в которой анализируется развитие сообществ по жилищным вопросам.

209. Tilly & Tarrow, op. cit., 1–24.

уличные протесты в России, для проведения любого пикета или уличной демонстрации было необходимо заранее подать официальную заявку. Ему и его друзьям, многие из которых тоже вышли на пенсию, удалось наладить контакты с более широким кругом избирателей во время выборов 2011–2012 годов. На одной из этих демонстраций на улице собралось почти 7 000 человек, однако через несколько недель молодые люди исчезли, и дело снова продолжили пенсионеры-«завсегдатаи».

Кроме «уличного активизма», чрезвычайно важное значение имеет официальный или институциональный способ защиты прав людей. Юрист из Новосибирска рассказал о своей работе в альтернативном профсоюзном центре по защите прав рабочих в судах. По его словам, профсоюзные активисты десять лет обсуждали новый Трудовой кодекс с государством и работодателями, но результаты были меньше их ожиданий. Приходится постараться развивать более широкие альянсы; например, он тесно сотрудничает с юридическим центром в городе, консультируя жилищные ассоциации и жителей общежитий, принадлежащих работодателям. Еще одна группа клиентов – это беременные женщины и матери, находящиеся в декретном отпуске, которым работодатели отказывают в реализации их прав, либо в случае, когда в результате сокращения бизнеса или банкротства компании они становятся первыми жертвами. Его юридический центр состоит в национальной сети, предоставляющей консультации мелким НПО с небольшим опытом работы²¹⁰.

На встрече с профсоюзными активистами также присутствовали представители НПО «Голос», специализирующейся на вопросах выборов и демократии, а также местные активисты, занимающиеся аналогичными темами. Они высказали свое мнение о недавней волне протестов и рассказали о своем опыте наблюдения за выборами в 2011–2012 годах. Хотя реальных результатов пока немного, они отметили: «Есть свидетельства того, что правительство иногда прислушивается к нам, например, видеокамеры были установлены в помещениях, где проходят выборы». Когда в Новосибирской области потребовалось 300 наблюдателей, желание изъявили 700 волонтеров, во многих случаях они тратили свои деньги на бензин, чтобы добраться до отдаленных избирательных участков. В целом избирательный процесс в Новосибирске прошел справедливо. В случае возникновения проблем подавались письменные жалобы и принимались соответствующие меры.

210. Еще одно важное направление работы – консультирование трудовых мигрантов. Во всех основных сибирских городах проживает значительное число мигрантов с Кавказа и из Средней Азии. Активисты местных НПО считают, что к ним относятся не настолько враждебно, как в Москве и Санкт-Петербурге. Однако они далеки от полной интеграции в общество и определенная напряженность все же ощущается.

Примерно в 1 250 км к востоку, в Иркутске, редактор местной независимой газеты «Народный контроль» описал работу, проводимую для освещения и раскрытия фактов коррупции и злоупотреблений на местах. По его словам, главная цель его газеты в том, чтобы мобилизовать общественное мнение и повлиять на государство. Последний номер газеты только что вышел увеличенным тиражом в 200 000 экземпляров для Иркутска и области. «Если я помогу людям понять, что происходит в их собственной голове, в их дворе, в городе в целом, это значит – я достиг своей цели», – так представлял цели газеты редактор. Одним из его близких союзников является лидер жилищного движения, вышедшая на пенсию учительница, которая живет в 8-этажном доме в огромном жилом комплексе на холмах над рекой Ангара. Она рассказала о борьбе за создание товарищества собственников жилья для своего квартала, объединившего около 2 000 человек – одного из первых товариществ в Иркутске, получивших юридический статус. Этой работе, действительно, не видно конца: постоянная борьба с обслуживающими компаниями, а теперь борьба с частными застройщиками нового квартала прямо напротив её дома. Но есть уже и результаты работы: родители добились установки нового светофора после двух несчастных случаев со смертельным исходом, когда дети переходили главную дорогу, направляясь в школу.

При проведении любой кампании чрезвычайно важно распространение информации. У граждан России достаточно опыта в области использования средств ИКТ и хорошо развиты навыки современного маркетинга. Интернет и электронная почта доступны и эффективно используются. Примером может служить новое движение «38mata.ru», возглавляемое молодыми матерями по охране детства. О нем мне рассказали активисты – жители Иркутска. Движение мобилизует общественность, активно используя возможности социальных сетей. Поднимаемая ими проблема очень актуальна в наши дни, поскольку одним из результатов пронаталитской политики федерального правительства является рост рождаемости в городе: около 20 000 семей сейчас ждут своей очереди в яслях.

Можно ли совместить неформальные уличные акции и долгосрочное сотрудничество с властями для решения актуальных проблем? В Екатеринбурге сотрудники аппарата омбудсмена привели в пример работу Комитета солдатских матерей, которая оказалась чрезвычайно эффективной во время войны в Чечне. Комитет Свердловской области регулярно встречается с высшим военным руководством по вопросам условий жизни молодых призывников, в то же время отдельные группы матерей участвуют в акциях протеста против случаев виктимизации солдат и нанесения им телесных повреждений.

Летом 2012 года президент Путин в ответ на массовые демонстрации во время президентских выборов и выборов в Думу наложил гораздо более суровые наказания на организаторов и участников несанкционированных

протестов²¹¹. Молодежные и анархистские группы в Москве и Санкт-Петербурге уже давно экспериментируют со всевозможными видами перформативного искусства для высмеивания и сопротивления власти. Например, в Санкт-Петербурге одна из таких групп изобразила огромный фаллос на разводном мосту перед зданием ФСБ, который все могли увидеть в момент его поднятия. Таким образом арт-группа хотела привлечь общественное внимание к культуре «мачизмо» (от исп. macho — букв. «самец»), лежащей в основе политики государства. Рок-группа Pussy Riot из Москвы приобрела мировую известность, организовав (очень короткий) концерт в храме Христа Спасителя с целью выразить протест против все более тесных связей между Президентством и Православной церковью.

Еще одну новаторскую акцию организовали гражданские активисты в Нижнем Новгороде. После ужесточения правил о неофициальных протестах они официально уведомили власти о планируемом шествии к магазину за буханкой хлеба. В Беларуси эксперименты с массовыми «невидимыми демонстрациями» начались несколько лет назад²¹². Все это свидетельствует о том, что в условиях политической борьбы гражданские протесты могут сильно развивать свой творческий потенциал.

Волонтерство в современной России. Существует множество точек соприкосновения между упомянутым выше анализом социальных движений и исследованиями российского гражданского общества, проводимыми такими учреждениями, как Центр исследований гражданского общества Высшей школы экономики в Москве. У последнего есть средства для проведения крупных социологических исследований по самым разным темам, например: о видах деятельности ОГО, их взаимоотношениях с местными органами власти, о развитии благотворительности и так далее. Поскольку волонтерство – это тема, проходящая через несколько разделов этой книги, возможно, стоит упомянуть выводы исследований об этом виде деятельности.

Эксперты Центра исследований определяют волонтерство довольно строго и отличают это понятие от другого – «социальной активности», примеры которой мы наблюдали в Сибири. Волонтерство – это категория работы, а не досуга, она не включает ни членство в НПО, ни оплачиваемую работу. Как показало исследование, проведенное в 2008 году, на протяжении последних 2–3 лет чуть более 60% россиян выполняли ту или иную неоплачиваемую социально ориентированную работу либо на своем рабочем месте, либо в сообществе. В основном это индивидуальное

решение помочь другим людям, не из своей семьи. А по результатам еще одного исследования, многие вносят свой вклад в спорт, досуг, культурную и религиозную деятельность, однако менее 5% населения помогают в работе ОГО в качестве волонтеров.

Преимущество волонтерства состоит в том, что эта деятельность может быть довольно небюрократической и независимой, однако, как показывает краткая история Института коллективных действий, здесь также есть свои сложности.

Практический пример о волонтере-пожарнике. Летом 2010 года в Москве и нескольких других городах наблюдалась сильная задымленность из-за торфяных и лесных пожаров, охвативших тысячи гектаров в северной и центральной частях России. Лидер группы волонтеров – молодой человек, проживающий в городке Орехо-Зуево, расположенном недалеко от Москвы, в своем интервью веб-сайту «Рабкор» рассказал о том, что был встревожен густыми клубами дыма, висящими над городом уже нескольких дней: «Я был в отчаянии, я просто обязан был что-то сделать!» Он обратился с призывом к единомышленникам через социальные сети, и в течение следующих нескольких дней откликнулось около 500 человек. Число реальных волонтеров росло медленнее: сначала 7–10 человек, затем 30, потом 50. Откликнулись не только горожане, но и жители Московской области, и даже других областей. Люди приезжали на своих машинах и со своим оборудованием, чтобы тушить пожары, угрожавшие целым деревням и городам. Они работали в тесном сотрудничестве с Министерством чрезвычайных ситуаций, но самому министерству не хватало оборудования и воды для тушения пожара.

В итоге группа получила поддержку от фонда «Справедливая помощь», связанного с партией «Справедливая Россия», и его лидера Доктора Лизы. Это решило их проблемы с оборудованием и водой. Однако в своем интервью волонтер говорил о проблеме использования их движения в пиар-целях различными политическими партиями, в частности, правящей партией «Единая Россия» и их молодежным движением «Наши».

Волонтерская команда – в общей сложности 150 человек – поддерживала связи и после этого чрезвычайного происшествия. Многие из них обладали хорошими организаторскими и управленческими навыками и были готовы снова оказать помощь в случае необходимости. По словам волонтера, в будущем запросы о чрезвычайной помощи будут только увеличиваться, и не только в связи с лесными пожарами, но и по причине упадка инфраструктуры. Требуют ремонта электростанции, водоочистные установки, промышленные предприятия, ведь во время нефтяного бума средства в них не инвестировали, тем более во время экономического кризиса, поэтому проблемы неизбежны. По его мнению, эта проблема носит политический

211. Со штрафами до 30 000 долларов США по данным газеты «Московское время», 24 мая 2012 г.

212. *International Herald Tribune*, 15 июля 2011 г., с. 1,4. И с невидимыми результатами?

характер в самом широком смысле. «Если мы не разработаем механизмы самоорганизации и ядра нового общества, построенного на принципах взаимопомощи и личной ответственности за свое будущее, а не на паразитизме и безразличии, как в современном обществе, то через 10–15 лет мы перестанем существовать как страна или общество вообще»²¹³.

Анализ социальных движений и гражданского общества. Из каких социальных групп привлекаются волонтеры и активисты? Результаты проведенных ВШЭ исследований волонтерства в значительной степени соответствуют выводам Клеман об акциях протеста: их участники – в основном представители среднего класса, составляющего две трети населения России, намного меньше представителей «социально уязвимых групп», составляющих 20% от общего числа населения, и элиты (15% от общего числа). То же самое можно сказать об участниках многих программ развития, несмотря на все наши усилия по привлечению как самых бедных, так и богатых слоев населения.

Согласно отчету Общественной палаты Сибири за 2010 год, эти новые структуры внимательно следили за ситуацией с акциями протеста. Исходя из результатов опроса общественного мнения о неудовлетворенности граждан правительством, в отчете отмечается, что основными причинами недовольства являются рост цен, безработица и жилищные проблемы. Около 32% населения определяют себя как «бедные», и только 43% считают текущую экономическую ситуацию «положительной». В 2010 году в Сибирском регионе было зафиксировано около 900 акций протеста, в которых приняли участие в общей сложности 75 тысяч человек, большинство этих акций были организованы политическими партиями. Однако в отчете также приведены примеры спонтанных протестов, одним из которых является упомянутая выше кампания по обеспечению населения детскими садами.

Широта взглядов и мотивация деятельности активистов могут создавать проблемы или вызовы для социальных и гражданских движений. Похожая ситуация наблюдалась с массовыми протестами осенью 2011 года. Один из ключевых вопросов заключался в том, как долго эти различные политические силы смогут ужиться друг с другом. Особенно остро этот вопрос стоял в отношении расистских или неонацистских группировок: следует ли демократическим, или общественным, активистам посещать встречи недемократических групп, разделять с ними платформы? Продолжались дебаты.

В книге Клеман рассматриваются основные термины, используемые при анализе социальных движений, в частности, теория «мобилизации ресурсов»,

213. По материалам веб-сайта IGSO, 19.06.2011.

согласно которой лидеры играют ключевую роль, помогая другим глубже понять ситуацию, в которой они находятся, например, путем преодоления культурных стереотипов или пересмотра своего отношения к общепринятым формам поведения. У более бедных групп общества мало материальных ресурсов, поэтому моральная позиция и образ поведения их лидеров и активистов являются важным ресурсом, так же как и их контакты, источники информации и многое другое. Хотя люди, участвующие в движениях, иногда склонны преувеличивать достоинства своих лидеров, лучшие из них действительно хорошо осознают возложенную на них ответственность за расширение прав и возможностей других. Их приверженность горизонтальной коммуникации противоречит обычной «вертикали власти» в обществе.

В период перестройки 1980-х годов в России повысился интерес к социальным движениям и их потенциалу, но события 1990-х годов стали глубоким разочарованием. В последнее время все больше литературы стало появляться об «общественных организациях» («общественных объединениях»), однако этот термин не полностью отражает критическое значение понятия «социальное движение». С одной стороны, как считают авторы книги «От обывателей в активисты», публичная или политически приверженная социология в России остаётся довольно слабой. С другой стороны, в дискурсе гражданского общества в России доминируют либеральные и правые мнения. Здесь мы видим влияние истории, то есть многие россияне ассоциируют термин «гражданское общество» с противостоянием советскому режиму и социалистическим идеям.

4. Заключение: борьба в «трех перифериях»

Во второй части моей книги по-разному рассматривались вопросы гражданского общества и политических действий, а также зачастую нечеткие границы между ними. В самом деле, развитие – это оспариваемая повестка. Перед социальными движениями, описанными в этой главе, стоит проблема: как координировать свою деятельность, сочетать различные точки зрения и более эффективно общаться с широкой общественностью. Напротив, НПО, занимающиеся социальными вопросами на местном уровне, обычно вкладывают больше энергии в создание консультативных групп и проведение конкурсов на получение грантов, обеспечивая прозрачность при отборе контрактов. Это два крыла гражданского общества в современной России: одно из них выходит на улицы, протестуя и требуя соблюдения прав; другое – это попытка сотнями практических способов

улучшить работу социальных служб для людей. На самом деле нужны обе стороны. Им необходимо знать друг о друге, когда и что делать и как опираться на усилия и вклады каждого.

Эпизоды из прошлого и тематические исследования во второй части книги основывались на опыте рядовых активистов, специалистов НПО и работников в области развития. Они демонстрируют потребность в приверженности и эффективном руководстве; потребность проведения четкого анализа меняющейся экономической и политической ситуации; а также потребность в создании союзов и сетевом взаимодействии. Мы попытались показать, как уязвимые и исключенные группы, участвуя в различных мероприятиях и движениях, могут повысить свой уровень самосознания и стать активными, а не быть пассивными по отношению к проблемам, стоящим перед ними.

Но у второй части был более широкий диапазон сравнений, хотя и очень схематичный: между политической мобилизацией в советский и современный периоды; между эволюционным и принудительным развитием; между классовой борьбой и цветной революцией. Надеемся, что и в этой части есть темы, которые будут интересны читателям для более внимательного и подробного изучения.

Наконец, мы рассмотрели «три периферии», или зоны бедности и исключения. «Внутренняя периферия» – это миллионы городской бедноты и бюджетников 1990-х годов – имеет свою иерархию. По мере того как некоторые группы выбрались из бедности в последнее десятилетие, их заменили другие группы, в частности, мигранты из Центральной Азии и с Кавказа, поселившиеся в Москве, Екатеринбурге, Новосибирске и других городах. В «средней периферии» находятся депрессивные зоны Российской Федерации, сильно пострадавшие от деиндустриализации и потери советских субсидий, это мозаика различных национальных территорий. В некоторых регионах сопротивление властям всё ещё продолжается (например, на Северном Кавказе), и сложные культурные, политические и институциональные вопросы всё ещё требуют постоянного внимания. И, наконец, есть «внешняя периферия» – это бывшие советские соседи на Южном Кавказе и в Средней Азии.

Являются ли административные единицы или регионы, оставшиеся в составе Российской Федерации, более благополучными, чем те, которые получили независимость в 1990-е годы? Вероятно, мы можем сказать, что они более стабильны, будучи частью Российской Федерации, по-прежнему являющейся влиятельным игроком в современном мире, с необходимыми средствами на создание рабочих мест для своего населения. Но в то же время у них меньше свободы для принятия собственных решений, чем, например, у Кыргызстана, с 1990-х годов развивающего свою, более открытую политическую систему; или для роли, которую Казахстан играет в развитии евразийской политики и институтов, тесно сотрудничая с Россией.

Часть 3.
Международный контекст

Глава 8. НПО, бросившие вызов политической и экономической власти

Программы в области развития, очевидно, зависят от международного контекста и отношений между странами и государствами. На протяжении первых десяти лет моей работы в Центральной Азии внешний контекст был в основном неблагоприятным. Этот период начался сразу после 11 сентября 2001 года, события которого привели к интервенции международной коалиции в Афганистане и всё усиливающейся повестке безопасности и борьбы с терроризмом. Разрушительные войны на Ближнем Востоке еще больше ухудшили международные отношения. Как мы уже отмечали, 2000-е годы ознаменовались не только медленным восстановлением России после 1990-х годов, но и новым противостоянием с Западом. В 2008–2009 годах экономический кризис, начавшийся в США и Европе, распространился по всему миру, негативно сказавшись на странах с высокой степенью подверженности долгу, таких как Россия и Казахстан. В то же время ведущие экономики мира столкнулись с усилением конкуренции со стороны новых держав, таких как Индия и Китай.

Для ИНТРАК как специализированного агентства, занимающегося вопросами развития гражданского общества, последствия основных мировых тенденций оказались сочетанием проблем и возможностей. Страны, затронутые вооруженным конфликтом, не самые подходящие для его работы, поскольку повестка в области безопасности работает против свободных действий гражданского общества. Экономический кризис приводит к сокращению ресурсов для программ развития, а гуманитарные и экономические проекты могут показаться более важными, чем демократизация или поддержка неформальных групп граждан. Но возможности для работы с гражданским обществом все еще сохранялись. ИНТРАК продолжал работать над краткосрочными и долгосрочными проектами, выпуская свой международный бюллетень «*Онтрак*» и серию «*Праксис*» по укреплению организационного потенциала, одновременно осуществляя свою Программу открытого обучения для работников в области развития. Программа ИНТРАК в Центральной Азии была вовлечена во все эти направления деятельности. В начале своей работы в Центральной Азии в мои обязанности входили в основном управленческие функции: координирование работы наших офисов в Бишкеке, Ташкенте и Алматы. Но к середине десятилетия я начал работать консультантом и оценщиком в других проектах и про-

граммах. Это было ключевым направлением работы ИНТРАК – консультативные услуги для международных и национальных НПО. Но в отличие от большинства консультантов ИНТРАК, мои поездки ограничивались одним регионом – Центральной Азией и бывшим Советским Союзом; я не мог надолго отлучаться от текущих дел в своей программе.

Гражданское общество на распутье. Осенью 2011 года ИНТРАК и его партнеры по развитию в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке запустили проект с целью сравнить недавний опыт и будущие вызовы гражданского общества во всем мире. Обоснование этого проекта было следующим: за последние тридцать лет как северные, так и южные НПО взяли на себя большие задачи в области международного развития. При этом их функции расширились от относительно узкого, но устоявшегося репертуара (например, в деле сокращения бедности) до широкого спектра действий в сферах более серьезного противостояния (например, защита ряда прав и политических позиций). По признанию участников проекта, «новый мировой порядок» с доминирующей ролью США, установленный после окончания холодной войны, постепенно подходит к концу. Глобальное управление стало более сложным, поскольку новые проблемы переупорядочения власти (например, когда страны БРИКС и G20 требовали большего влияния) наследились на старые проблемы бедности и изоляции²¹⁴.

Проект «Гражданское общество на распутье» представлял собой исследовательский проект, в ходе которого было проведено более двадцати тематических исследований развития гражданского общества и борьбы социальных движений в Великобритании, Нидерландах, Греции, Чили, Аргентине, Южной Африке, Индии, Индонезии, России и других странах. Моим собственным вкладом стало тематическое исследование развития гражданского общества в России, часть собранного для него материала уже упоминалась в предыдущей главе. В фокусе исследования были характер и деятельность зарегистрированных НПО, неформальных сетей и кампаний: основные проблемы, с которыми сталкиваются граждане при самоорганизации; роль традиционных и новых медиа; некоторые ключевые требования, предъявляемые к правительствам по всему миру.

В этой главе продолжим дискуссию о многих ключевых вопросах в отчете «Гражданское общество на распутье». В целом речь идет об альтернативных стратегиях развития в странах бывшего СССР. Такие инициативы чаще всего носят гражданский характер, потому что, как правило, именно независимые люди и организации выдвигают или отстаивают новые идеи, призывая

214. Отчет «Гражданское общество на распутье» можно посмотреть на веб-сайте *Development in Practice*. Партнеры ИНТРАК – Ассоциация ресурсов развития сообществ (Южная Африка), Общество совместных исследований в Индии (PRIA), ICD (Чили), PSO (Нидерланды), EASUN (Танзания).

государство и сектор частного бизнеса работать более эффективно, уделять больше внимания общепринятым принципам и ценностям. Мы попытаемся рассмотреть программы развития и кампании, организованные активистами на трех уровнях – на местном, национальном и международном.

Почему на трех уровнях? Во-первых, такой подход обнаруживает большой ряд стратегических и практических вопросов, стоящих перед активистами. Во-вторых, связь между уровнями – переход от локального к глобальному или от глобального к локальному – многие эксперты считают одной из самых серьезных проблем в программах развития. Здесь мы сталкиваемся с вопросами: как распространять успешные методологии или результаты между странами и регионами? Как реализовать глобальные повестки без ущерба экологии и ущемления прав и интересов местного населения?

В этой главе результаты анализа представлены в трех кейсах: 1) «локализм» в экологическом движении в России; 2) национальная кампания против членства России в ВТО; 3) НПО, осуществляющие мониторинг деятельности банков и транснациональных компаний в нефтегазовом и горнодобывающем секторах в странах бывшего СССР. География примеров, так же как и в предыдущих главах, охватывает преимущественно Урал, Сибирь и Среднюю Азию.

1. Местный фактор в экологическом движении в России

Экологическое движение России охватывает многочисленные направления, каждое из которых имеет свою историю, социальную основу и направленность. Оно зародилось в ряде неформальных и студенческих групп 1960-х годов благодаря независимому мышлению специалистов высших учебных заведений и Академии наук, культурному движению этих лет, как, например, «Школа сельских писателей». Лидеры экологического движения постепенно развивали связи с международным сообществом через такие организации, как ООН и ЮНЕСКО, выдвигая собственные альтернативные стратегии, подобные движению 1970-х за новую экологию в городах.

Вероятно, не случайно в 1980-х годах одним из мощных элементов перестройки и гласности стала защита окружающей среды, мобилизовавшая тысячи граждан для протеста против ядерного загрязнения после чернобыльской аварии и различных промышленных мегапроектов (например,

предложение о переброске части стока сибирских рек на юг, в сторону Центральной Азии). Генри определяет три основных вида организаций, действующих России во время перестройки: низовые ассоциации, профессиональные организации и государственные филиалы²¹⁵. Местные организации и клубы были чрезвычайно разнообразны, но большинство из них были небольшие и выполняли практические задачи, например: охрана природы, озеленение города и экологическое просвещение детей и молодежи. В результате их работу в начале 1990-х годов в России многие считают пиком не только экологического сознания, но и демократического движения в целом.

Экологические НПО взаимодействовали с государством различными способами. Как и у других НПО, описанных в предыдущих главах, у них было множество стратегий и методов работы – от полной независимости от государственных природоохранных агентств до тесного сотрудничества с ними. В 1990-е годы было основано несколько партий зеленых, при этом некоторые из них добились успеха в регионах, но никогда не пробивались на национальный уровень. Представители движения были не согласны с программами Ельцина и Путина по ряду вопросов. Самая ожесточенная борьба развернулась в 2000 году против предложения Министерства по атомной энергии начать импорт ядерных отходов из других стран для переработки. Экологические организации собрали 2,5 миллиона подписей за всенародный референдум по этому вопросу, однако четверть из них была исключена Центральной избирательной комиссией, после чего правительство приступило к реализации этой программы.

Во время поездок автора по России в 2011–2012 годах стало очевидно, что экологические НПО по-прежнему очень активны как в просветительской работе, так и в проведении кампаний. Группы активно отслеживали решение вопросов, связанных с гидроэлектростанциями в Сибири, продолжали борьбу за чистоту озера Байкал и его очистку от отходов производства крупного целлюлозного завода.

Экологический «локализм»: альтернативная традиция. В предыдущей главе мы упоминали ведущего эколога Яницкого и его работу по объединению экологических, социальных и культурных проблем в контексте критики растущего индивидуализма и потребительского отношения в России. Существует три области, в которых «локализм» особенно очевиден, и его необходимо учитывать в процессе принятия решений.

Во-первых, это защита местных знаний, то есть не только знаний местных сообществ, столкнувшихся с глобализацией и расточительным развитием,

215. L. Henry, "Russian environmentalism and civil society" in A. Evans (ed.) *Russian Civil Society: A Critical Assessment*, M. E. Sharpe, 2006.

но и знаний защитников экологии («заинтересованных профессионалов»), которые работают с ними. По мнению Яницкого, проблема заключается в том, что утилитарный подход к природе и широкое использование невозобновляемых ресурсов, типичный для советского периода, сохраняются и при новом руководстве. Ссылаясь на ряд экологических кампаний по всей России, он считает, что нелибералам необходимо учитывать замедленный характер реальных изменений. Текущая модель экономического развития в России антиэкологична, отсюда и частые «провалы», как например, прорыв плотин, аварии на нефтепроводах... В исследовании Яницкого, посвященном полуострову Камчатка на Дальнем Востоке России, показана ожесточенная борьба между традиционными общинами (включая малочисленные коренные народы) и новыми экономическими субъектами, в частности, с теми, кто занимается браконьерством в коммерческих целях, что ведет к разрушению среды обитания, или деградации природы²¹⁶.

Во-вторых, это местная антропогенная среда. Как и аналитики российского гражданского общества, упоминавшиеся в первой части этой книги, Яницкий рассматривает экологическое движение в рамках более продолжительного периода истории, цитируя идеи о «городах-садах», восходящие к царским временам, и выдающегося мыслителя начала XX века Вернадского, который установил связь между экологией и социальными и политическими вопросами, чтобы думать о более сбалансированной и мирной жизни для будущих поколений. Другим примером потерь, понесенных гражданским обществом в 1920-е годы, стал распад местных краеведческих ассоциаций, которые, по мнению Коммунистической партии, тормозили стремительные планы промышленного развития. Яницкий категорически не согласен с такими радикалами советского модернизма, как, например, конструктивисты – архитекторы школы Ле Корбюзье с их «научными» домами-коробками, спроектированными для нового спартанского, коллективистского образа жизни. Для Яницкого годы войны (гражданской войны и иностранной интервенции) неизбежно означали де-экологизацию, утрату устоявшихся укладов жизни, особенно в сельской местности, которые раньше были адаптированы к окружающей среде. Ранние советские годы установили своего рода «казарменное существование» (его действительно часто называли «казарменным социализмом»)²¹⁷.

Яницкий выводит этот аргумент на философский уровень, противопоставляя «культуру местоположений или мест» «культуре течений» (упоминаемой Кастеллс²¹⁸). К последним относятся мобильные, более богатые классы и их основные финансовые активы, беспрепятственно перемещаю-

щиеся между странами и по всему миру. К первым же относятся обычные люди, судьба которых гораздо более тесно связана с местом их рождения, у которых мало денег для поездок за границу и меньше шансов получить визы в другие страны²¹⁹. Это критика современного «кочевничества» и меркантильного образа жизни. По Яницкому, только свобода от казарм, войны и террора может предоставить пространство для размышлений о долгосрочных проблемах, таких как защита окружающей среды.

Локализм и проект. В-третьих, в своем анализе идеологического развития российской экологии в середине 1990-х годов Яницкий рассматривает разногласия между экологами-интернационалистами (подверженными влиянию своих зарубежных партнеров) и местными «патриотическими» экологами. В критический момент, по его словам, конфликт между ними был решен прагматически: за счет привлечения иностранных инвестиций на реализацию небольших проектов. Таким образом, большая идеологическая проблема (будущая экологическая стратегия России) была разбита на тысячи мелких проблем местного уровня, которые могли решать различные участники движения.

Все эти комментарии очень актуальны для программ развития в России и других странах. В гражданском обществе много «локалистов», которые с подозрением относятся к политике государства, а некоторые из них не менее скептически относятся к международным агентствам²²⁰. В то же время никакая политика или программа не могут достичь чего-либо без исполнителей, посвятивших себя работе в определенном месте и с определенным набором бенефициаров или местных партнеров. Яницкий ставит под вопрос «проектирование» трудовой жизни в гражданском секторе. Как правило, проект длится, в зависимости от срока действия текущего гранта или контракта на оказание услуг, шесть месяцев или год, – и это может препятствовать долгосрочному стратегическому мышлению. Он также предупреждает об опасности включения НПО в систему государственного управления. Как преодолеть разрыв между низовыми инициативами и более высокими уровнями принятия решений и при этом оставаться независимыми – это, действительно, одна из наших основных задач.

216. Яницкий. Там же, с. 123–26.

217. Яницкий. Там же, с. 21–25.

218. По-английски «the culture of places and the culture of flows».

219. Мы можем возражать, ведь всё-таки наблюдается миграция более бедных людей из постсоветских стран в саму Россию. Фактически, его локалистский аргумент приводит Яницкого к довольно негативному взгляду на миграцию, вписывающемуся в мрачную картину сокращения человеческих ресурсов в современной России.

220. См. книгу Кордонского «Поместная Россия», 2010 г., с. 132–40, о протестах типа NIMBY “not in my back yard”, например, против закрытия сельских школ, строительства новых дорог или вырубки деревьев новыми собственниками. Автор считает, что во многих случаях протесты имеют негативные или эгоистичные цели. Однако такие тенденции есть во всем мире, и очень часто местные жители действительно *знают больше*, как пишет Яницкий.

Многие доноры теперь поддерживают эвокаси, проводимую НПО, посредством которой последние могут влиять на государство и улучшить ситуацию в долгосрочной перспективе, а не просто предоставлять повседневные услуги. Российские НПО уже хорошо понимают преимущества стратегии развития «научить людей пользоваться удочкой» перед благотворительной идеей «накормить рыбой». Эвокаси требует, чтобы НПО мобилизовали свои целевые группы, или клиентов, чтобы более эффективно довести свое дело (доводы или требования) до лиц, принимающих решения. Для этого необходим более глубокий и широкий анализ, чем многие местные организации могут провести в своей повседневной работе. Довольно часто одна из проблем заключается в том, что государственная статистика и общедоступная информация недостаточно освещают эти вопросы²²¹. Отдаленным регионам России, таким как Урал и Сибирь, предстоит пройти долгий путь исследований и разработок для создания альтернативных стратегий. И надо сказать, экологическое движение занимает сейчас оборонительные позиции, о чем свидетельствуют высказывания друзей из российских НПО.

- «Несмотря на все наши усилия в 1990-е годы, нам не удалось достичь многих из наших долгосрочных целей, например, включить защиту экологии в основную школьную программу». Эколог-активист, г. Пермь.
- «Управленческие решения лоббируются бизнес-структурами без учета интересов граждан и окружающей среды». Из резолюции конференции «Актуальные экологические проблемы Новосибирской области», ИСАР-Сибирь и экологическая сеть, февраль 2012 г.²²²
- «Многие считают, что у нас была победа с переходом Байкальского целлюлозного завода на замкнутый цикл водопользования, но мы не уверены, что проблема загрязнения там решена. На заводе до сих пор действуют всевозможные ограничения на независимый мониторинг». НПО «Байкальская волна», г. Иркутск²²³.

221. Многолетний опыт автора этой книги над повышением исследовательских навыков НПО показывает, что такие инициативы могут влиять на практику государства и принимаемые на местах решения, а также помогать создавать альянсы для изменений на более высоких уровнях, где уже работают международные НПО.

222. В качестве примеров в резолюции приводятся незаконная вырубка деревьев (в Академгородке шла серьезная борьба из-за угрозы местным лесам), ущерб, нанесенный авариями нефтепровода, и планы по запуску горнодобывающих работ в национальных парках в Горном Алтае.

223. Дополнение: в начале 2013 года власти, наконец, приняли решение закрыть завод. Сейчас неотложной задачей является поиск более экологически чистых и экологически безопасных занятий для жителей города Байкальск.

2. Эвокаси на национальном уровне в России

Экологическое движение, несомненно, является одним из самых сильных секторов гражданского общества в современной России, объединяющих людей под классическим лозунгом «мысли глобально, действуй локально». Но, как мы видели, оно столкнулось с могущественными политическими и экономическими противниками, и для победы над ними необходимы политические и экономические аргументы на национальном уровне. А с начала 2000-х российские гражданские и политические активисты начали создавать альянс против глобализации или, как многие предпочитали называть его, альтернативное движение, движение *альтерглобализации*²²⁴.

Это движение имеет глубокие корни в национализме славянофилов и среди консервативных мыслителей, которые вплоть до большевистской революции продвигали Россию как особый центр цивилизации, выступая против вестернизации и того, что они считали ее пороками – безнравственности и коммерциализации жизни. В его интерпретации 2000-х годов главным врагом анти- или альтерглобалистов был неолиберализм и мировое господство США. Альтернатива была выдвинута низовыми общественными движениями, включающими организации рабочих, движения пенсионеров и жильцов, защитников окружающей среды, выступающих против атомных станций или перерабатывающих предприятий, кампании против государственного долга и так далее. Некоторые из этих социальных движений имеют локальную направленность и повседневный социальный или политический характер, как мы видели в седьмой главе. Другие сосредоточены на национальных или международных вопросах политики более высокого уровня и возможностях для действий. Сюда относятся протесты против Всемирной торговой организации (ВТО) и участие в мероприятиях Всемирного социального форума.

Кейс: кампания против членства в ВТО в России. Антиглобальные массовые выступления в России начались в ноябре 2001 года с первой уличной акции протеста против политики ВТО. В следующем году аналогичные демонстрации прошли во время визита Джорджа Буша в Россию и в 2006 году во время встречи G8 в Санкт-Петербурге. Эти протесты были не такими масштабными, как демонстрации в Лондоне, Париже, Генуе или Праге; они также не переросли в ненасильственные акции (массовые сидячие забастовки и т. д.), впервые обоснованные Махатма Ганди. Тем не менее для России после 1991 года это были совершенно новые формы проявления

224. Оптимистичный анализ левых перспектив можно видеть у Б. Кагарлицкий *Политология революции*, Алгоритм, 2007 г., в частности, в главе 10 «Восточный фронт» (о бывшем СССР), главе 11 «Преимущество опоздавшего», главе 12 «Другой мир возможен».

воли общественности – антикапиталистические акции в тесной связи с глобальным гражданским обществом. Более того, в середине 2000-х годов за этим последовала серия встреч Российского социального форума. Пять таких форумов были проведены в Сибири в 2003–08 годах в Барнауле, Новосибирске, Томске и Иркутске, а также два общероссийских форума в Москве. В одной из встреч в Новосибирске, например, приняли участие 250 человек из 13 регионов. Города Ижевск и Пермь характеризовались как образцы активной координации общественных движений: обсуждались такие текущие вопросы, как забастовка работников автомобильной промышленности в городе Тольятти; проводились экологические акции с десятками участников²²⁵. В целом эти встречи, вероятно, носили тот же характер, что и глобальные встречи Всемирного социального форума, то есть представляли инклюзивную и несектантскую попытку достижения прогрессивных социальных преобразований²²⁶.

Непрямая линия связывает российский альтерглобализм и ряд других национальных кампаний. Одна из них – Глобальный призыв к действию против бедности (GCAP)²²⁷. Эта коалиция включала примерно 40 НПО из разных регионов России. Она занималась разработкой социальной политики и помогала организациям, работающим с бедными и маргинализированными группами, лоббировать реформы на национальном уровне. Это довольно амбициозная цель с учетом размеров России. Опираясь на почти десятилетнюю работу, проделанную на местном уровне по таким вопросам, как безработица, устойчивые источники средств к существованию и развитие малого бизнеса, в последнее время GCAP фокусируется на проблемах бедности семей и детей, а также низкооплачиваемых работников государственного сектора и сельских общин. Требования GCAP аналогичны тем, которые выдвигаются на встречах Социального форума. Например, учитывая низкие показатели здоровья населения России, одним из требований кампании является повышение государственных расходов на здравоохранение с 4 до 6% ВВП.

Присоединение России к ВТО. В декабре 2011 года Россия была принята в члены ВТО (через 18 лет после подачи первой заявки). Летом 2012 года, вскоре после президентских выборов, Дума ратифицировала соглашение. Это решение несло много рисков для России. Производственный сектор

столкнулся с еще большей конкуренцией с западными странами и Китаем, хотя он едва оправился от рецессии 1990-х годов; а сельское хозяйство России всегда нуждалось в государственной поддержке из-за сурового северного климата страны, что ограничивалось правилами ВТО. В материалах конференции против вступления России в ВТО, проведенной накануне обсуждений этого вопроса в Думе, отмечалось, что членство в ВТО обойдется России в 26 триллионов рублей (чуть менее одного триллиона долларов США) к 2020 году. Это приведет к снижению экономической активности на 5%, а производства и выпуска сельскохозяйственной продукции – на 12,7%. Ущерб человеческому потенциалу оценивался в дополнительные 4,4 миллиона безработных. Основными лоббистами, выступавшими против вступления в ВТО на этой конференции, были профсоюзы и ассоциации работодателей в секторах, подверженных наибольшему риску (сельское хозяйство, пищевая промышленность, машиностроение, производство кожи и обуви, химическая промышленность, электроника, обработка древесины, бытовая техника и автозапчасти).

Существует ли альтернатива ВТО? В дополнение к необходимости оказать поддержку подверженным риску секторам экономики, список мер, предложенных на той же конференции, включал следующее: 1) реформа налогового кодекса, например: введение прогрессивной шкалы подоходного налога, налога на имущество стоимостью более 1 млн долларов США, предоставление права налоговым инспекторам задавать вопросы об источниках доходов; 2) национализация минеральных ресурсов: концессии на добычу нефти и газа могут предоставляться национальным и иностранным компаниям, однако сами ресурсы должны оставаться собственностью государства; 3) запрет государственным служащим, руководителям государственных предприятий и владельцам предприятий, купленных на аукционе, открывать счета в офшорных банках; 4) снижение цен на энергоносители на внутреннем рынке; 5) реформирование правовой системы²²⁸. Несомненным плюсом являлось то, что эта экономическая платформа пользовалась поддержкой широкого круга субъектов. Но впереди предстояла тяжелая оборонительная битва, которая вскоре станет еще более сложной из-за введения торговых санкций в отношении России после украинского кризиса 2013–2014 годов.

Проблемы координирования действий на национальном уровне. Национальная платформа имеет решающее значение для любой кампании с

225. См. библиотеку журнала «Альтернативы», «Кто сегодня творит историю: альтерглобализм и Россия». Москва, 2010. Здесь российские участники подробно рассказывают о событиях Социального форума.

226. B. De Sousa Santos, *The Rise of the Global Left: the World Social Forum*, Zed Books, 2006, (182–87).

227. GCAP- Global Call to Action against Poverty. Координацию деятельности этой коалиции осуществлял Оксфам Россия.

228. См. буклеты кампании, Н. Н. Александров (ред.), ВТО: «Что ждёт Россию? Мировой опыт», 2012 г.; К. А. Бабкин и др.: «Последствия присоединения России к ВТО», 2012 г. Некоторые из этих требований (например, антикоррупционные меры) были включены, хотя и в неполной форме, в новую программу Путина после президентских выборов 2012 года.

долгосрочными целями. Это высший уровень представительной демократии и принятия решений, а также уровень в любом государственном аппарате, на котором принимаются основные репрессивные политики и меры против населения. Чтение таких журналов, как «Альтернатива», «Левая политика» и «Неприкосновенный запас», приоткрывает завесу над ежедневными проблемами гражданских и политических активистов, достигших этого уровня. Многие ожидали, что экономический кризис 2007–2008 годов вызовет волну акций протеста в России (на примере Западной Европы), но этого не произошло. Профсоюзы находились под более сильным давлением со стороны работодателей, и, хотя несколько акций протеста все-таки были проведены, они в основном носили местный характер, а акции солидарности оказались слабыми. Есть несколько постоянных сетей, но тенденция такова, что при каждой новой кампании появляется новая коалиция, которая вытесняет предыдущие. Между тем давление органов порядка на участников протестов усилилось, особенно если их требования можно было квалифицировать как «политические». Активисты сообществ и профсоюзов полностью заняты выполнением своих прямых функций и обязанностей, и им трудно участвовать в более широких акциях. Как мы писали выше, некоторые активисты остаются твердыми «локалистами», а другие противятся любой, будь то левой или правой, политической принадлежности²²⁹.

Политическая среда для гражданской активности в современной России довольно сложна. В этой книге основное внимание уделяется либеральной и прогрессивной части гражданского общества, но для объективности следует отметить, что у националистов и Русской православной церкви также много последователей. Как ясно показывают недавние исследования политической активности в регионах России, протестующие против коррупции, безработицы и плохих жилищных условий придерживаются всех оттенков политических взглядов. Даже лозунг «социальная справедливость» можно использовать по-разному. И барьер на пути к большему принятию альтерглобализма и других прогрессивных требований в настоящее время – это не только ультраправые группы или партии, подобные либеральным демократам Жириновского; это и правоцентристская «партия власти» во главе с президентом. Проправительственная Федерация независимых профсоюзов (ФНПР) наиболее сильна именно в социальном секторе, потому что цепляется за политические позиции, которые профсоюзы занимали в советское время. Это означает, что учителям, врачам,

229. Эти комментарии взяты из отчета конференции, организованной для активистов общественных движений и профсоюзов в мае 2010 г., спонсируемой Институтом глобализации и социальных движений и Фондом Розы Люксембург, с целью изучения влияния мирового экономического кризиса на работу по укреплению солидарности в России. *Левая Политика*, 2010, с. 3–4, 43–61.

медсестрам и другим бюджетникам нелегко высказаться против политики правительства, – наоборот, в 2011–2012 годах именно они массово голосовали за «Единую Россию» и Владимира Путина²³⁰.

И еще один вызов есть у оппозиционеров. По мнению аналитиков Института глобализации и социальных движений, в российском альтерглобальном движении нет настоящего духа интернационализма или связей с другими кампаниями, такими как движение «Оссуру!», которые помогли бы ему расширить базу поддержки, например, среди молодежи России²³¹. На самом деле, по моим собственным наблюдениям, российские НПО и общественные движения, работающие над проблемами бедности или глобализации, мало заметны в странах, очень близких к самой Российской Федерации, по крайней мере, в Центральной Азии. И участие союзников из бывшего СССР в крупных политических акциях в России также довольно ограничено, что является серьезным вызовом для тех, кто предлагает альтернативное, более прогрессивное видение развития региона.

Здесь исключением является, пожалуй, Казахстан, поскольку он географически ближе к России, чем другие страны Центральной Азии, и имеет многочисленное этническое русское население. Рабочее движение в Казахстане сильнее, чем в остальной части ЦА, с активными профсоюзными группами в национальных и иностранных горнодобывающих и производственных компаниях²³². В гражданском секторе казахстанские НПО тесно сотрудничают с местными и национальными властями в рамках «социального заказа» в системе, весьма близкой к российской модели. Они поддерживают тесные связи с партнерами из НПО на Урале и в Сибири. Проблемы развития демократии в Казахстане аналогичны проблемам России.

Следует отметить, что Казахстан изначально был одним из самых активных сторонников культурного и религиозного диалогов в странах СНГ и Евразии. Эти диалоги носят довольно официальный и пропагандистский тон, но он имеет большое значение в мире, где так часто подчеркиваются религиозные и культурные различия. Создание Евразийского таможенного союза в 2015 году, в который вошли Российская Федерация, Беларусь и Казахстан, ускорило процесс постсоветской реорганизации. Это означает, что гражданские и

230. По материалам той же конференции в мае 2010 г.

231. Статья Б. Кагарлицкого об акциях протеста против G8 в Санкт-Петербурге в 2006 году. *Взгляд*, 17.06.2006.

232. Осенью 2011 года крупный конфликт рабочих-нефтяников в Западном Казахстане привел к уличным беспорядкам и расстрелу нескольких активистов в небольшом городке Жанозен. Левые политические партии, профсоюзы и правозащитники развернули мощную кампанию в защиту рабочих, но ценой ареста лидеров кампании.

политические ассоциации в этих трех странах должны решать свои экономические, политические и социальные проблемы в рамках единого пространства.

3. Кампании за международную подотчетность в Центральной Азии

Еще во время СССР, несмотря на приоритеты социалистического развития, существовал значительный разрыв между донорами (более богатыми) и получателями (более бедными) среди советских республик, хотя официальная пропаганда приуменьшала значение этого. Теперь разрыв между независимыми государствами приобрел новую форму и стал более явным. Если мы посмотрим на ситуацию, используя систему показателей надлежащего управления и подотчетности²³³ в государстве и бизнес-секторе перед гражданами, то ситуация выглядит примерно следующим образом.

С одной стороны, в Российской Федерации в последние 10 лет одной из основных задач гражданского общества была попытка повлиять на государство для проведения ряда реформ в области развития. Похожие процессы можно было видеть в таких более богатых бывших республиках, как Казахстан, где с 2005 года постепенно внедрялись механизмы сотрудничества между НПО и правительством. Исторически сложилось так, что социальные и экономические требования предъявлялись в первую очередь правительству, а чуть позже – бизнесу (поскольку частный сектор был еще в зачаточном состоянии, не говоря уже о преступной приватизации...). С другой стороны, в менее богатых странах, таких как Кыргызстан и Таджикистан, с середины 1990-х годов международные агентства и доноры приобретали все большее влияние, поддерживая и в некоторых отношениях заменяя собой слабые правительства. В таких секторах, как горнодобывающая промышленность и энергетика, доминирующую роль играют транснациональные компании. И здесь тоже можно увидеть интересные примеры лоббирования и мониторинга со стороны граждан на разных уровнях.

Как показывают исследования по развитию ГО в Центральной Азии, недавно созданные НПО начали интенсивно работать с донорами к началу 2000-х годов, и довольно быстро их лидеры и активисты стали экспертами

по финансируемым Западом вопросам политики развития и защиты прав человека. В то же время международные доноры пытались разными способами координировать свои действия в регионе и делиться отзывами, полученными от местного гражданского общества. Во многих секторах ведущую роль в этом сыграло страновое представительство ООН, а многие программы развития включают компонент сетевого взаимодействия. Например, в программу ИНТРАК на 2001–2004 годы был включен компонент по улучшению коммуникации и диалога между донорами и гражданским обществом. В рамках этого направления наши страновые офисы проводили ежеквартальные круглые столы для обмена опытом в области развития ГО. Хотя в основном это были встречи для доноров, местные НПО присутствовали на конкретных обсуждениях и выступали с презентациями. Многие такие механизмы уже давно существуют в регионе ЦА, но без формальной структуры, посредством которой сектор НПО мог бы выбирать своих «официальных» представителей. Для этого нужна национальная структура внутри гражданского сектора, достаточно представительная и заслуживающая доверия ключевых игроков, которую не просто создать.

В иерархии взаимоотношений доноров с НПО особое положение занимают международные НПО, такие как «Гринпис», «Спасите детей» и «Оксфам», и во многих отношениях они играют роль посредника между глобальным и национальным или местным уровнем. Для большинства из них в 1990 году регион был довольно новым, а для некоторых (как мы видели на примере VSO) вмешательство было довольно ограниченным во времени. Многих устраивали нелиберальные рамки политики и финансирования доноров, но другие время от времени открыто критиковали глобализацию, геополитическую конкуренцию и их влияние в Центральной Азии²³⁴.

С начала 1990-х годов структура донорских программ и финансирования в Центральной Азии и бывшем Советском Союзе несколько раз менялась, причем довольно радикально. Некоторые доноры покинули регион в начале 2000-х годов, достигнув своих «переходных» целей. Некоторые страны (например, Туркменистан и Узбекистан) выпали из сферы влияния западных доноров, полагаясь на другие финансовые ресурсы и политические союзы. У таких агентств, как ЮСАИД и Евросоюз, которые оставались активными в Центральной Азии, были разные механизмы для финансирования программ социально-экономического развития, например, через страновые бюджеты или в рамках совместных проектов с органами местного самоуправления. Система ООН всегда рассматривала

233. По-английски «good governance and accountability».

234. Например, критика Christian Aid политики помощи в регионе после событий 11 сентября в таких публикациях, как «Новая холодная война», или работа Оксфам Великобритания, направленная против глобальной бедности и торговых отношений.

национальные правительства как своих основных стратегических партнеров, а НПО ценились на другом уровне как независимые консультанты, партнеры или исполнители отдельных проектов.

Еще одно важное изменение можно видеть в географических контурах программ помощи. Примером может служить Евросоюз. В 1990-е годы Евросоюз финансировал две программы международного развития (PHARE для Восточной Европы и стран Балтии, TACIS для СНГ). Ключевым изменением для стран бывшего СССР и гражданского общества в середине 2000-х годов стало введение в действие Политики добрососедства ЕС. Кавказ был включен как «сосед», но Центральная Азия не получила этого привилегированного статуса. Фактически в донорских программах страны Центральной Азии все чаще помещались в регионы, охватывающие Ближний Восток, Афганистан, Южную или даже Юго-Восточную Азию. Их недавняя история и культурная советская идентичность постепенно размывалась.

Международные НПО с долгосрочными обязательствами в Центральной Азии пытались помочь местному гражданскому обществу повлиять на выбор донорами приоритетов и способов работы. Например, в преддверии запуска политики добрососедства ЕС, ведущие европейские НПО заняли проактивную позицию. Группа агентств по оказанию помощи ArgoDev собрала своих центральноазиатских партнеров для обсуждения новой стратегии ЕС, организовав поездку в Брюссель для ознакомления с институтами и политикой ЕС, и помогла создать группу по лоббированию под названием «Центральноазиатская платформа». Новое лобби отстаивало программные приоритеты, определенные региональными НПО, а члены платформы провели базовую исследовательскую работу, анализируя восприятие местными НПО Евросоюза и его механизмов коммуникации и финансирования. В результате этих и многих других усилий ЕС разработал амбициозную программу финансирования для Центральной Азии на 2007–2013 годы.

Новая стратегия ЕС в Центральной Азии содержала много возможностей для участия гражданского общества. Например, участие в новых программах по экономическому развитию и экологии в качестве партнеров и исполнителей проектов. Международные НПО обычно выступали как ведущие партнеры в проектах по сокращению бедности в Таджикистане и Ферганской долине, а в рамках программ малых грантов по демократии и защите прав человека местные НПО сами разрабатывали и исполняли проекты по всему региону, отличающиеся высокой результативностью. Однако были и серьезные недостатки. Во-первых, объем финансовой поддержки для гражданского общества был ограничен. Во-вторых, программа ЕС имеет сложный, бюрократический характер и такие ключевые ограничения,

как, например, оформление всех заявок и отчетов на английском языке, фактически исключают участие небольших и менее опытных НПО²³⁵.

В начале 2000-х годов ведущие НПО Центральной Азии начали критиковать работу международных агентств. Свержение президента Акаева в Кыргызстане в марте 2005 года сопровождалось широким обсуждением результатов инициатив в области развития за последние 15 лет. Многие участники дебатов открыто критиковали эффективность донорских программ. Один из самых драматических результатов этого был получен два года спустя, когда Кыргызская Республика решила не участвовать в программе Всемирного банка для «бедных стран с высоким уровнем задолженности» (НПС). Используя информацию и аргументы международных НПО, лоббирующих лучшие условия для стран-получателей, местные НПО убедили правительство Кыргызстана в том, что НПС существенно увеличит задолженность страны без достаточных выгод для развития²³⁶.

В других странах региона усилия по лоббированию оказались не столь впечатляющими, но отдельные лица и организации постепенно накапливали жизненно важные знания и опыт по сложной проблеме подотчетности: ответственности крупных организаций перед сообществом – налогоплательщиками, бенефициарами, местными стейкхолдерами. В результате в середине 2000-х годов Всемирный банк и другие международные финансовые институты (МФИ) в ответ на давление со стороны глобального гражданского общества начали привлекать НПО к регулярным обсуждениям политики доноров в рамках дебатов об эффективности оказываемой помощи²³⁷.

Кейс: форум НПО при Азиатском банке развития. Азиатский банк развития (АБР) активно работает по всему региону Кавказа и Центральной Азии, предоставляя гранты и кредиты широкому спектру проектов в области развития как отдельным странам, так и через региональную ассоциацию ЦАРЭС (CAREC)²³⁸. Так же, как и Всемирный банк, на протяжении многих лет он является объектом внимания групп гражданского общества,

235. Подробный анализ смотрите в докладе International Crisis Group о новой стратегии ЕС, 1997 г.

236. НПС – Highly Indebted Poor Countries. См. главы 3–4 моей книги «Гражданское общество в Центральной Азии: преодолевая кризисы переходного периода», ИНТРАК, Бишкек, 2017.

237. См. различные публикации на вебсайтах ведущих международных НПО, включая ИНТРАК.

238. CAREC – Central Asian Regional Economic Cooperation.

обеспокоенных такими проблемами, как коррупция и соотношение цены и качества в проектах развития или воздействие проектов на окружающую среду. Форум НПО по АБР – это независимый альянс, не финансируемый банком, инициированный широким спектром групп в Южной и Юго-Восточной Азии, которые в середине 2000-х начали распространять свою деятельность по мониторингу и лоббированию на регион бывшего Советского Союза.

Мониторинг проектов АБР – это непростая задача даже для опытных НПО и экспертов. Как правило, это крупные многолетние проекты с закрытой бюрократической структурой, которая состоит из многонациональных компаний, отделов по управлению программами АБР и их государственных партнеров. Хорошим примером являются проекты автодорожной инфраструктуры, как например, новый транспортный коридор, который должен соединять Центральную Европу с Западным Китаем и проходить через степи, пустыни и горные цепи Центральной Азии. Это был один из первых проектов, мониторинг которого взяла на себя молодая группа по Кавказу и Центральной Азии в рамках Форума НПО. Через пару лет не легкой борьбы на встрече, состоявшейся в октябре 2010 года, гражданские эксперты из Казахстана сообщили о ходе консультаций с общественностью в отношении той части дороги (стоимостью 17 млн долларов США), которая проходит через их страну. Активисты провели семинары, чтобы проинформировать население (которое ранее не знало об АБР), и одной из основных поднятых проблем стало воздействие проекта на окружающую среду. В результате в АБР направлено более 40 жалоб и сформирован комитет по мониторингу и связям с местными властями и соответствующими министерствами в Казахстане.

На той же встрече Форума коллеги из Таджикистана сообщили о другом дорожном проекте АБР, соединяющем город Душанбе с границей Кыргызстана через Раштскую долину. У них тоже были проблемы с доступом к информации. Во-первых, материалы на веб-сайте АБР публиковались только на английском языке; во-вторых, многие подробности о проектах считались конфиденциальными, а доступ к ним имели только Банк и правительство страны. Другая проблема, которую определили НПО, это недостаточное внимание к правам населения, затрагиваемого проектом. Процедуры в случае вынужденного переселения сельских жителей, дома которых подлежали сносу (включая предоставление эквивалентного жилья и/или денежной компенсации), не соблюдались. Споры об оценке имущества и малого бизнеса, утраченных в ходе строительных работ, оставались неурегулированными.

Встречи Форума НПО, как и других групп по мониторингу государственной политики, являются ценным способом обмена опытом по вопросам политики и практики международного развития. Участники обмениваются информацией о программах Банка в разных секторах, об опыте консуль-

таций и лоббирования, о новых законах. На виду процесс, в ходе которого национальные правительства получают доступ к новым грантам и кредитам от международных финансовых институтов путём принятия законов, лоббируемых теми же банками. Например, закон о государственно-частном партнерстве продвигался через парламент Кыргызстана в 2009–2010 годах премьер-министром и Министерством экономического развития. Их цель заключалась в привлечении новых инвестиций (более 35 миллионов долларов США в виде грантов от АБР и 1 миллиона долларов США в виде технической помощи), в поддержке устойчивого экономического роста и создании рабочих мест. Однако он был принят без консультаций с общественностью и не включал мер, направленных на защиту окружающей среды и местных сообществ. По мнению независимых экспертов, закон не обеспечивал подотчетность частного сектора перед обществом, и в некоторых статьях имеются пробелы, способствующие росту коррупции.

В целом Кыргызстан рассматривается АБР как «сторонник реформ» (имидж, созданный президентом Акаевым в 1990-е годы в результате проведения экономической шоковой терапии, вступления в ВТО и проведения «многовекторной» внешней политики). По данным Форума НПО, с 1994 года, т.е. с начала сотрудничества с АБР, Кыргызстан получил более 70 грантов технической помощи на сумму 41,2 миллиона долларов США. В отчете по улучшению инвестиционного климата представлены реалии проектов в области «надлежащего управления» в наши дни. Он иллюстрирует, как правительства регулярно принимают новую политику и проводят реформы, чтобы получить доступ к иностранной помощи и кредитам; от этого зависит занятость государственных служащих, независимых консультантов и экспертных компаний. В 1990-е годы разработкой новой политики в основном занимались международные консультанты, но теперь местные эксперты получают все большую долю «пирога». Проблема в том, что многие реформы вообще не исполняются, а другие не приводят к изначально запланированным результатам.

Кейс: прозрачность процессов в добывающих отраслях и доходов от нефти. Инициатива «Прозрачность в добывающих отраслях» (ИПДО) берет свое начало в лоббировании ОГО в разных странах, направленных на достижение прозрачности в горнодобывающей промышленности. Эта инициатива, формально учрежденная при поддержке премьер-министра Великобритании Тони Блэра в 2003 году, продвигает ряд принципов и механизмов для мониторинга доходов, которые государства по всему миру получают от транснациональных компаний, работающих на их территории. У ИПДО есть международный совет, но страны, согласившиеся использовать ее методологию, действуют независимо, создавая свои собственные многосторонние группы и секретариат. Кыргызстан стал участником инициативы в 2004 году, но его процедуры были официально утверждены только в 2010 году. Чуть более 20 ОГО вошли в состав кон-

сорциума, осуществляющего мониторинг за работой горнодобывающих компаний, принадлежащих иностранным владельцам, 90% из которых связаны с добычей и переработкой золота двумя компаниями – Кумтором и Макмалом. Кумтор – гораздо более крупный из двух, принадлежит «Центерре», Канадской транснациональной компании, значительная доля которой принадлежит правительству Кыргызстана; а Макмал находится в ведении государственной компании «Кыргыз Алтын»²³⁹.

В состав консорциума входят НПО по защите окружающей среды и борьбе с коррупцией, работающие на национальном уровне, а также ряд небольших групп, находящихся в регионах, где ведется горнодобывающая деятельность. Консорциум открыл пять офисов на уровне сообществ и предоставляет информацию широкой общественности через веб-сайт. Однако у него есть серьезные проблемы с доступом к информации. Первая из них заключается в том, что, хотя частные компании зарегистрировались в ИПДО и предоставляют отчеты, налоговое законодательство в Кыргызстане запрещает раскрытие определенных видов коммерческой информации, так что отчеты не «дезагрегированы» для отражения доходов отдельных компаний. Выходит, что отчеты, предоставляемые государством, не полностью соответствуют стандартам ИПДО. Это означает наличие ограничений в отношении того, что могут рассказать активисты ГО обеспокоенным местным жителям.

Несмотря на эти проблемы, наличие ИПДО в Кыргызстане является очевидным успехом. Она получила признание правительства и частного сектора и внедрила глобальную методологию: в 2011 году 26 компаний представили необходимые финансовые отчеты. ИПДО пережила очень бурные времена, особенно после революции 2005 года, когда наблюдалось огромное общественное давление с требованием отозвать контракты на добычу полезных ископаемых, захват земель и блокирование дорог по всей стране. Из-за проблем в предоставлении прозрачной финансовой информации некоторое время членство Кыргызстана даже было приостановлено. В действительности золотодобыча по-прежнему является одним из самых «щекотливых вопросов» в национальной политике и требования о национализации продолжают звучать по сей день. Здесь мы снова видим нечеткую границу между гражданскими и политическими действиями.

Различные механизмы, обеспечивающие элемент общественного контроля над получением и расходованием доходов от нефти и газа в таких странах, как Азербайджан и Казахстан, во многом схожи с ИПДО. Некоторые из этих схем были инициированы Фондом Сороса с успешным использованием финансовых и деловых ноу-хау его основателя Джорджа Сороса.

239. Добыча золота на Кумторе составляет около 10% ВВП Кыргызстана.

В регионе Кавказа и Центральной Азии несколько НПО, занимающихся мониторингом доходов от нефти, стали членами Revenue Watch Institute (Института наблюдения за доходами) – некоммерческой организации, спонсорами которой являются Институт «Открытое общество» (т.е. Фонд Сороса) и Фонд «Нефть Норвегии в интересах развития» (мировой лидер в обеспечении эффективного использования доходов от нефти).

Некоторые члены регионального представительства Revenue Watch Institute по странам Евразии имеют опыт мониторинга государственных бюджетов, другие – мониторинга добывающих отраслей. Из-за технического характера работы ее часто возглавляют высшие учебные заведения или аналитические центры, которые предоставляют обучение, информацию и экспертные консультации для местных активистов. Работа над прозрачностью государственного бюджета дала значительные результаты в нескольких странах региона. Например, в Азербайджане она привела к созданию Группы по национальному бюджету, которая рассматривает государственные бюджеты и убедила правительство улучшить размещение информации о них на своем официальном сайте. Представители ГО в бюджетной группе составляют «гражданский бюджет» – упрощенную версию для распространения среди общественности. В 2001 году Азербайджан учредил Государственный нефтяной фонд, и в течение следующих десяти лет в нем накопилось 70 миллиардов долларов для общественных целей, из которых 40 миллиардов было потрачено, а 30 миллиардов осталось в запасе (в основном в иностранных облигациях и активах)²⁴⁰.

В 1990-е годы в Казахстане подписание контрактов на разведку и добычу нефти и газа с иностранными компаниями привело к крупному скандалу («Казахгейт»), связанному со взятками. А 15 лет спустя, используя крупные средства, накопленные за счет доходов страны от продажи нефти, был основан Фонд Бота. На протяжении нескольких лет Фонд Бота был ключевым источником грантовой помощи для НПО в Казахстане, и таким образом может считаться успешной кампанией против коррупции, за повышение прозрачности бюджета и обеспечение эффективного использования доходов от нефти. Однако основные фигуранты дела «Казахгейт» не были привлечены к ответственности, и эксперты Revenue Watch Institute по-прежнему видят много проблем в управлении финансовыми средствами, поступающими в регион Евразии из горнодобывающего и нефтегазового секторов²⁴¹.

Это подводит нас к наиболее важным стратегическим вопросам, обращенным к гражданским активистам, работающим в сфере подотчетности: как

240. Заметки с семинара PASOS о влиянии ГО на процесс разработки политики, 2012.

241. Пресс-релиз Revenue Watch 27.04.11.

взаимодействовать с национальными правительствами в ходе переговоров с международными банками и транснациональными компаниями? Является ли правительство союзником или противником в этих дискуссиях? Следует ли активистам использовать информацию, полученную в результате взаимодействия с международными финансовыми организациями, для нападок на политику своего государства, например, когда они видят ошибки или проблемы в использовании этих ресурсов²⁴²? Или лучше было бы попытаться работать в качестве союзников со своими правительствами, чтобы решать проблемы, возникающие от политики МФИ, или уменьшить бремя кредитов, которое ложится на страны с низкими доходами в результате этих программ? Как показывает опыт Форума НПО, в некоторых случаях, как например, дорожные схемы в Казахстане, кампании, проводимые вокруг проектов АБР, помогли гражданскому обществу разработать механизмы подотчетности в своих государствах. У активистов улучшились отношения с местными властями: теперь они могут запрашивать информацию в соответствии с установленными процедурами и иногда власти привлекают их в качестве экспертов.

Конечно, не так-то просто найти общий язык с правительством, когда речь идет о коррупции или халатности государственных чиновников. Но и в этом направлении наблюдается определенный успех. Например, в Таджикистане и Кыргызстане неэффективная растрата средств АБР на проекты по ирригации привела к судебным искам против подрядчиков за ненадлежащее использование средств, и банк фактически признал свою ответственность и выплатил финансовую компенсацию пострадавшим сторонам.

Подводя итоги, видим, что все эти вопросы носят сугубо политический характер. В любой крупной сети гражданского общества будут и «реформисты», и «противники» МФИ и последствий глобализации. То есть одни активисты считают, что систему можно реформировать и улучшить, а другие выступают против роли крупных банков и транснациональных компаний. Споры могут быть очень жаркими. Сложность получения ответа на официальные жалобы, направленные банку и правительствам, а также время, затраченное на это, заставляют многих усомниться в ценности реформистского подхода. Трудно вовлечь широкую общественность в решение технических вопросов. Тем не менее, когда активно вовлекается общественность, она может оказать очень мощное воздействие, что ясно показала кампания против НРС в 2005–2006 годах и дальнейшее давление с целью национализации месторождений в Кыргызстане.

242. Серьезной проблемой для всего бывшего Советского Союза как в сфере образования, так и в сфере здравоохранения является угроза приватизации, которую основные доноры нередко поддерживают.

Здесь важен характер Форума НПО по АБР и сети Revenue Watch Institute как региональных ассоциаций, действующих далеко за пределами Кавказа и Центральной Азии. Эти сети имеют доступ к специализированным ресурсам, возможность организовывать региональные встречи и выпускать качественные публикации на основе тщательных исследований, которые имеют огромное значение для местного гражданского общества. Хотя форумы и фонды с головными офисами, находящимися за пределами бывшего Советского Союза (например, штаб-квартира Revenue Watch Institute находится в Вашингтоне), трудно рассматривать, как единицы местного гражданского общества, в настоящее время они являются важным союзником и ресурсом, поддерживающим местные НПО в сложном процессе вхождения в сети глобального гражданского общества.

4. Заключение: а что насчет крупнейших российских компаний?

Наконец нам следует вкратце рассмотреть вопрос о том, насколько российские компании открыты для проверок со стороны гражданского общества или сотрудничества с гражданским сектором на уровне проектов развития. Некоторые из этих компаний имеют глобальный охват и сотрудничают с огромными империями за пределами России и бывшего Советского Союза, то есть в Европе, США и других континентах. Многие из них работают в нефтегазовой отрасли и имеют тесные связи с должностными лицами в правительстве России.

В 1990-е годы Борис Ельцин активно поощрял участие высшего руководства и сотрудников государственных предприятий в процессе приватизации, в частности, в печально известной сделке «займы в обмен на акции», которая помогла ему победить на президентских выборах 1996 года. Премьер-министр Виктор Черномырдин, являясь экс-главой Газпрома, в какой-то степени стабилизировал государственную политику и программы Ельцина в середине этого десятилетия. К другим известным нефтегазовым компаниям, имевшим тесные связи с правительством, относятся ЮКОС – приватизированный, а затем ренационализированный Путиным (с заключением в тюрьму его руководителя Ходорковского); приватизированная, а затем частично ренационализированная Славнефть

и частично приватизированная Роснефть²⁴³. Позиция Путина – «за», а не «против» приватизации. Однако он был обеспокоен вопросом о том, как вернуть стратегические ресурсы в государственный сектор и «показать, кто здесь главный». В 2000-е годы связь между государством и бизнесом стала еще теснее. В этом большую роль сыграли дружественные с правительством бизнес-ассоциации, такие как «Деловая Россия», «Опора» и Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП). И они изо всех сил стараются не расширять свой круг и не впускают в него других конкурентов из сфер среднего и малого бизнеса.

Российские НПО уже более десяти лет пытаются влиять на бизнес, то есть способствовать внедрению корпоративной социальной ответственности (КСО) в этом секторе. Важную координирующую роль в этом сыграла межотраслевая группа в российском штабе Программы развития Организации Объединенных Наций. А в недавней публикации об оценке государственных программ, проведенной экспертами НПО по всей России, наряду со статьями о мониторинге занятости в государственном секторе и муниципальных услуг, есть тематические исследования оценки проектов по КСО, запущенных такими крупными компаниями, как ООО «Росалюм» и «Сахалин энерджи». Это всего лишь первый шаг. Впереди стоят более масштабные задачи, учитывающая коррупцию и хаотичный характер развития в последние два десятилетия²⁴⁴.

В Центральной Азии ситуация несколько иная. В силу исторических причин российский бизнес занимает сильные позиции на постсоветском пространстве. В странах, где русские составляют меньшинство, бизнес стал популярным выбором для амбициозных молодых людей русской национальности, которые видели меньше шансов для продвижения в государственном секторе. В регионе есть много российских предприятий, пользующихся высоким авторитетом – например, некоторые компании мобильной связи. В некоторых странах произошли конфликты между акционерами по поводу владения этими компаниями и контроля над ними, которые вызвали продолжительные судебные тяжбы.

Крупные российские компании, занимающиеся добычей нефти и газа, развитием гидро- и электроэнергетики, производством алюминия, по сей день стоят в стороне от секторов международного развития, где работают НПО. В отчете Фонда «Наследие Евразии» относительно участия россий-

243. См. L-C Sim, *The Rise and Fall of Privatisation in the Russian Oil Industry*, St Antony's Oxford, Palgrave, 2008, где в качестве практических примеров приводятся три вышеуказанные компании.

244. А. Кузьмин и др. *Оценка программ: методологии и практика*. Москва: Престо, 2009 г.

ских компаний в Кыргызстане и Таджикистане отмечалось следующее: хотя страны бывшего Советского Союза часто рассматриваются как «пояс безопасности» для России, на самом деле «устоявшейся практики совместных проектов правительства и бизнеса России по оказанию международной помощи в целях развития нет, а концепция партнерства пока не сформулирована». В отчете это объяснялось отсутствием в России современного агентства международного развития, а также недоверием между государством и бизнесом и отсутствием у последнего стимулов для участия в «социальных и инновационных стратегиях»²⁴⁵.

Так, хотя корпоративная социальная ответственность постепенно укрепляется в России в тесном взаимодействии с российскими НПО, она все еще не стоит на повестке российских компаний в нашей «третьей», или «внешней» периферии. Практика российских компаний значительно отстает от практики других транснациональных компаний, упомянутых в этой главе и участвующих в переговорах о подотчетности перед сообществом. А российскому правительству не хватает значимого партнера или агентства по сотрудничеству для реализации своей стратегии развития в регионе, в отличие от агентств в других странах, которые пытаются увязать цели развития и приоритеты частного сектора. В отчете Фонда «Наследие Евразии» говорится также о проблемах, с которыми сталкиваются все инвесторы в нестабильных государствах, и приводится заключение, что это сложная среда и необходимо проделать большую работу. Мы можем согласиться с этим и добавить, что без участия гражданского общества будет сложно добиться эффективных результатов.

245. Фонд «Наследие Евразии» и ПРООН в России, *Участие российского бизнеса в международной помощи развитию в странах СНГ (Кыргызстан и Таджикистан)*. Москва, 2010.

Глава 9. Современная модель развития России

1. Россия как член БРИК

Чтобы добиться успеха в сегодняшней конфликтной, конкурентной международной среде, России нужна эффективная и привлекательная модель развития. Эта модель не только объединит силы внутри страны, но и сблизит внешних союзников с Россией и поможет стране отстаивать свои аргументы во всевозможных международных форумах и экономических проектах. Если мы посмотрим за пределы России, то обнаружим немало хорошо известных примеров странового развития. «Новый курс» президента Рузвельта в США 1930-х годов: Ујамаа – африканский социализм президента Найрера в период послевоенной деколонизации; бразильские эксперименты по партиципаторной демократии с 1980-х годов; индийские зеленые революции в сельском хозяйстве; программа экономических реформ Дэн Сяо-Пина в Китае; социальная модель развития Европейского Союза, создание зоны евро и продвижение активной политики в поддержку отсталых регионов.

На микроуровне отдельных НПО мы часто называем такие инициативы «стратегией». Они разрабатываются с участием всех заинтересованных сторон внутри и вне организации, а затем становятся ключевой частью коммуникационной стратегии и поиска новых ресурсов. В области международного развития реальность такова: почти каждая страна-донор продвигает собственную политику, подходы, приоритеты, программы. Иногда они включаются в многосторонние программы через систему ООН, Всемирный банк и т.д. Но в то же время страны обычно поддерживают собственные двусторонние связи, напрямую лоббируя использование странами-получателями этого опыта и модели развития. Так, западные страны упорно лоббировали принятие своих моделей капитализма в России в 1990-е годы. В советский период происходил так называемый «экспорт» коммунизма в другие части мира на основе централизованного планирования в рамках социалистической системы. Иными словами, российская модель развития – те стратегии, которые она предлагает своим международным партнерам, вероятно, будет основана на успешном опыте работы на территории Российской Федерации.

Но сейчас многие эксперты внутри страны и за ее пределами придерживаются мнения, что Россия застряла в сырьевой экономике в условиях авторитар-

ного или полуавторитарного политического режима. Внешние обозреватели, вероятно, недооценивают достижения России в решении проблем, накопленных в конце 1980-х и 1990-х годов, им мало что известно об усилиях правительства за пределами страны по созданию новой социальной политики, спасению депрессивных регионов и т.д. Снова подул ветер холодной войны, и это плохо для объективной оценки ситуации и возможностей России. Другими словами, как во время предыдущей холодной войны, из-за намеренно и искусственно нагнетаемой враждебности между Востоком и Западом у людей по обе стороны будет искаженное и неполное представление друг о друге.

Если посмотреть на недавние действия Российской Федерации по развитию международных альянсов и совместных инициатив, которые могли бы бросить вызов глобальным центрам власти, то одно из самых интересных – это развитие группы БРИК. Для меня это было интересно по следующим причинам. Страны-члены БРИК – Бразилия, Россия, Индия, Китай – это очень разнообразная группа, и все партнеры России в БРИК находятся за пределами бывшего Советского Союза и региона Евразии, которому посвящена эта книга. И они не представляют развитых стран Запада, с которыми российская стратегия модернизации так тесно связана. Найдя для себя место в этой группе, Россия стала рядом с некоторыми действительно большими, растущими и влиятельными странами из разных уголков мира. С точки зрения экономического развития (благ), по многим индексам развития страны БРИК занимают строчку где-то посередине – между глобальными крайностями Севера и Юга.

Термин БРИК, кажется, был придуман западными банкирами и экономическими обозревателями, которые на рубеже XXI века начали делать ставки на высокие темпы роста стран с формирующимся рынком на разных континентах, несмотря на обвалы фондовых рынков в России и в странах Восточной Азии, случившиеся ранее. В первой декаде XXI века эти источники были по-прежнему полны оптимизма о перспективах развития российского рынка. В московской англоязычной прессе, как например, в газетах *Moscow News* и *Moscow Times*, можно увидеть регулярные весьма положительные прогнозы. «Готовы к веку БРИК» – типичная статья в *Moscow Times*, в которой отмечается, что страны БРИК уже входят в десятку крупнейших стран мира и к 2050 году могут войти даже в пятерку. «Сколько времени займет у инвесторов признать, что показатели роста на самом деле более оправданы с финансовой точки зрения и в финансовом отношении устойчивее, чем в западных странах?» – спрашивает глава компании *Goldmann Sachs Asset Management*²⁴⁶.

246. Газета *Moscow Times*, 2 августа 2011 г. с. 9. или *Moscow News* от 22/25 июня 2012 г., “BRIC Countries Strong As World Enters New Economic Crisis”, с. 5, с комментарием во время саммита Большой двадцатки в Мексике.

В действительности БРИК — это значимая группа стран, особенно если к исходной четверке добавить Южную Корею, Южную Африку и Мексику, как делают некоторые. Они являются крупными получателями иностранных инвестиций. Если шире посмотреть на «развивающиеся страны», или «развивающиеся рынки», то теперь их 82 из 191 страны, это около 46% сухопутной территории земного шара и 68% его населения. У стран БРИК много общего — не только недавние высокие темпы роста, но и склонность к корпоративизму и развитию при ведущей роли государства. В этом смысле российская модель развития, по сути, стала одним из основных вариантов международного развития начала XXI века.

Один из главных вопросов: что могут сделать Россия и страны БРИК с мировым признанием, которого они добились? Какие новые идеи или политики, представляющие интерес для мировой аудитории, они могут предложить? Это действительно национальная стратегия, которую страна и ее население выбрали и разработали для себя? Или это краткосрочный альянс для достижения ограниченных задач — просто ярлык, придуманный внешними банкирами, который не отражает глубоких тенденций в развитии России?

Опыт интервенции стран НАТО в Азии, арабских странах и Африке в последние годы, похоже, указывает на то, что ослабить военно-политическую гегемонию Запада будет сложно. Несогласие стран БРИК мало повлияло на события в Ираке и Афганистане, а системе ООН приходилось смириться с действиями США и их союзников во время бомбардировки Ливии. Во время Ливийского кризиса эксперты прокомментировали ситуацию по российскому телевидению, общий смысл которой заключался в том, что страны БРИК еще не успели разработать общую платформу по таким сложным вопросам. На сегодняшний день они являются скорее экономическим, чем политическим противовесом Западу. Кроме того, принимаемые ими действия носят в основном двусторонний характер, а не многосторонний или предусматривающий участие всех четырех стран²⁴⁷. Например, Россия и Китай продолжают противодействовать созданию американского военного плацдарма в Центральной Азии, но другие члены БРИК не имеют к этому никакого отношения.

Итак, неясно до сих пор, будет ли приход «века БРИК» означать какие-либо изменения в мировой политике или политике МФИ и как это отразится на развивающихся странах²⁴⁸. Страны БРИК выразили готовность вклады-

247. Комментарий на телеканале Russia Today, 16 октября 2011 г.

248. М. Каддафи задал этот вопрос на Генеральной Ассамблее ООН за год до своей кончины, пользуясь своим председательством в Африканском союзе, с целью предупредить, что при обсуждении стран среднего уровня, таких как Индия и Бразилия, в Совете Безопасности, похоже, игнорируются интересы бедных стран Африки и Азии.

вать большие объемы финансовых средств в программы международного развития, но к чему это приведет? Возможно, здесь уместны замечания ветерана марксизма Самира Амина о том, что мы живем в «мрачное время», когда может появиться множество «монстров». США не отказались от своей ставки на военное господство на земном шаре. Основными конфликтами по-прежнему остаются конфликты между Севером и Югом, капитализмом и социализмом, а также между центром и периферией. У представителей нового правящего класса России не должно быть иллюзий насчет того, что они скоро займут место в верхушке мирового таблоида. В действительности прогрессивные люди по всему миру должны сосредоточиться на решении реалистичных задач в сфере развития и пытаться создавать социальные блоки везде, где это возможно в многополярном мире²⁴⁹.

Об этой сложной ситуации свидетельствует исследование «Гражданское общество на распутье» (смотрите предыдущую главу) и опыт организаций гражданского общества в период обострения международного конфликта. Интересно было познакомиться с представленным в отчете обзором ситуаций в сфере развития гражданского общества в странах БРИК. Ситуация оказалась очень схожей во многих странах. Возьмем пример России и Индии. В обеих странах экономический рост за последние несколько лет был значительно выше, чем в США и Европе; в обоих случаях мы видим появление более широкого среднего класса, огромные потоки внутренней миграции и увеличивающееся неравенство. И Россию, и Индию теперь можно охарактеризовать как страны «пост-иностранной помощи». При этом Дели относится к вмешательству международных агентств в свои дела так же болезненно, как и Москва, и налагает такие же ограничения на внешнее финансирование местных НПО.

В своей части исследования наши коллеги из PRIA — партнерской организации ИНТРАК — отметили, что по мере получения правительством все большего объема ресурсов за счет динамичного экономического роста в Индии в 2000–2010 годах, расходы социального сектора начали увеличиваться, причем часто с участием НПО. В Индии это касается не только предоставления услуг, но и некоторых новых правовых программ (например, в секторах здравоохранения и занятости), а также экспериментов с прогрессивным управлением, что дает НПО больший доступ к правительственной информации, позволяющей им осуществлять мониторинг. Гражданское общество продемонстрировало готовность взять на себя задачу внедрения

249. *Левая политика*, № 3–4, 2008, с. 102–105. Об усилиях левых активистов по налаживанию связей между российскими НПО, общественными движениями и профсоюзами смотрите в предыдущей главе. В странах Центральной Азии серьезно отстает работа по формированию социального блока, способного добиваться социального прогресса.

социальной ответственности (о чем свидетельствует, например, массовое антикоррупционное движение, возглавляемое молодыми городскими активистами). А правительство пытается включить гражданское общество в систему контрактов на оказание услуг, в то же время ужесточая нормативную правовую базу для гражданской активности. Все это перекликается с тенденциями в России, описанными в 5-й и 7-й главах этой книги.

В Южной Африке коллеги из гражданского общества, напротив, отметили тревожное чувство разочарования. После падения режима апартеида многие политические активисты освободительной борьбы перешли из массового демократического движения в правительство. Новому правительству крайне важно включение НПО в систему оказания услуг для удовлетворения основных потребностей населения²⁵⁰. Но пространство для свободы выражения мнений и объединения сокращается, в то время как Южная Африка остается одним из самых неравноправных обществ в мире, а в ее модели капитализма столько же очевидных недостатков, что и в нынешней России.

Страны БРИК, действительно, вряд ли смогут способствовать социальному прогрессу за рубежом, если не добьются его в своих странах. В этом отношении весьма актуален недавний отчет Оксфам, распространенный его московским офисом. Доклад под названием «Оставленные позади Большой двадцаткой?» призывает членов этой группы не забывать о проблемах, связанных с неравенством, и не поддаваться иллюзии, что экономический рост сам по себе приведет к сокращению бедности в их странах. Теперь страны Большой двадцатки включают в свои ряды более половины бедных стран мира (вспомним Индию, Китай...). И с 1990 года неравенство доходов продолжает расти во всех странах Большой двадцатки, за исключением четырех стран²⁵¹.

250. Риски включения ОГО в государственную повестку дня упоминались в предыдущих главах. Интересный анализ опыта консультативных комитетов по всей России смотрите в работе А. Тарасенко «Инкорпорирование некоммерческих организаций в процесс государственного управления в России». В книге «Пути модернизации» (2010 г.) В. Гельман пришел к выводу, что комитеты, созданные по местным рецептам, работают эффективнее, не дожидаясь приказов Общественного совета федерального уровня.

251. «Оставленные позади Большой двадцаткой? Как неравенство и деградация окружающей среды угрожают лишить бедных людей преимуществ экономического роста», Информационный доклад Оксфам, 19 января 2012 г., с. 157.

Таблица 7. Коэффициент неравенства Джини в России и других странах

Страна	Российская Федерация	Бразилия	Китай	Индия	Польша	Южная Африка	США
Коэффициент Джини (2000–2010)	40,1	54,7	42,5	33,4	34,1	63,1	40,8

Источник: Отчет ПРООН о человеческом развитии за 2013 год.

Примечания

1. Коэффициент Джини измеряет уровень неравенства путем сравнения распределения доходов и потребительских расходов отдельных лиц и домохозяйств. 100 баллов означает «абсолютное неравенство», а 0 – «абсолютное равенство». Цифры взяты за последний год в период с 2000 по 2010 год. Эти данные по каждой стране находятся в открытом доступе.

2. В России и Китае основной ущерб эгалитарной системе, унаследованной от коммунизма, был нанесен в 1990-е годы. Так, коэффициент Джини в России вырос на 77% в 1990-е годы и всего лишь на 3% в 2000-е годы; в Китае – на 20% в 1990-е годы и на 3% в 2000-е годы.

На круглом столе, организованном в Москве для обсуждения доклада Оксфам о БРИК, российские эксперты обсудили вопрос о том, каким образом их правительство могло бы улучшить национальные программы по сокращению бедности и неравенства. Одни эксперты делали акцент на экономических мерах (поощрение создания рабочих мест и роста малого бизнеса), другие – на более эффективных социальных трансфертах (на перераспределении ресурсов в депрессивные регионы страны) и программам по оказанию адресной социальной помощи, третьи – опять же на повышении минимальной заработной платы, более щедрых пособиях на детей для бедных семей, прогрессивном подоходном налоге и мерах по преодолению гендерного неравенства. Все участники выразили согласие с необходимостью формирования нового стратегического видения устойчивого развития. При анализе различных вариантов политики весьма полезным оказалось сопоставление показателей России с показателями ее партнеров по БРИК. Так, один из выступавших отметил, что уровень неравенства в Бразилии несколько снизился, что свидетельствует об успешной социальной и экономической политике в этой стране. Благодаря усилиям по сокращению бедности и безработицы в Индии уровень повышается, но очень медленно. В Китае уровень неравенства растет быстрее, несомненно, из-за скорости и масштабов рыночных реформ. В России рейтинг Джини стабилизировался, но на слишком высоком уровне. Как отметили участники, меры по повышению заработной платы и более чем двукратному увеличению государственных пенсий в 2006 году стали ключевыми шагами за последнее десятилетие, но еще многое предстоит сделать²⁵².

Все четыре страны БРИК очень большие по размеру и с серьезными проблемами внутреннего развития, включая проблемы доступа к государственным услугам, плохую инфраструктуру и особые потребности малочисленных или коренных народов. Как мы видели, «Юг» есть как внутри Российской Федерации, так и на более широком постсоветском пространстве: это автономные республики и округа, несколько небогатых российских областей, где уровень безработицы и бедности в два–три раза выше среднего по стране и которые выживают за счет субсидий из центра²⁵³. Названные

252. См. доклады Е. Гонтмахера из Института современного развития, Л. Овчаровой из Независимого института социальной политики и других на сайте «Оксфам Россия» (www.oxfam.ru).

253. Подробнее смотрите в работе Н. Зубаревич «Социо-экономические различия между этническими регионами и политика перераспределения»: *Федерализм и этническое разнообразие в России*, Российская политическая энциклопедия, 2010. С одной стороны, темпы роста отсталых регионов выше, чем в среднем по России, с другой стороны, их рынок труда значительно более ограничен. Правительство Путина–Медведева вложило значительные средства в политически важные республики, такие как Чечня и Татарстан, и в более мелкие, южные или горные районы, такие как Калмыкия, Тува или Алтай, однако официальный уровень бедности по-прежнему составляет около 35–45%.

проблемы мешают представить, что в ближайшем будущем России удастся сравнить показатели ВВП на душу населения с американскими или европейскими. В действительности определение России как страны БРИК во многом более актуально и полезно, чем ее сравнение с США или Европой.

2. Развитие России в период конфликтов на международном уровне

Опираясь на проведенный в предыдущих главах анализ, мы попытаемся обобщить ключевые аспекты модели развития России через 30 лет после распада СССР. Здесь подход заключается в рассмотрении вещей такими, какие они есть на самом деле, а не такими, какими мы хотели бы их видеть.

Во-первых, ясно, что Россия по-прежнему остается сильным, иерархическим государством. Некоторые лежащие в основе исторические и культурные факторы уже упоминались в предыдущих главах. Начиная с 1999 года, после дискредитации демократических сил в окружении Ельцина, российский народ трижды избирал президентом Владимира Путина – кандидата с опытом работы в КГБ, твердой приверженностью вооруженным силам, продаже оружия, а также противостоянию глобальной гегемонии США и расширению НАТО на восток. Массовые выступления (борьба за независимость) по-прежнему наблюдались на Северном Кавказе, а террористические акты и взрывы продолжались на протяжении последнего десятилетия, достигнув самого центра Москвы и Санкт-Петербурга и упрочив доминирующий статус силовиков страны, ее вооруженных сил и служб безопасности. Это все достаточно ясно.

Обязательно ли сильному государству быть авторитарным? По-видимому, такая тенденция существует. В действительности лидеры-популисты, такие как Борис Ельцин или Владимир Путин, отчасти достигли популярности, продемонстрировав «свою силу». А как это проще всего сделать, если не через авторитарность и давление на конкурентов? Часто это происходит в ущерб активистов или групп гражданского общества. Рассматривая этот вопрос с точки зрения социальных движений, Тилли и Тарроу определяют четыре вида режимов, с которыми, возможно, придется столкнуться оппозиционным группам: 1) демократический режим с высоким потенциалом; 2) недемократический режим с высоким потенциалом; 3) демократический режим с низким потенциалом; 4) недемократический режим с низким

потенциалом²⁵⁴. В данном случае под «потенциалом» подразумевается способность государства разрабатывать и осуществлять желаемые политику и программы. Согласно такой шкале современная Россия находится на оси ближе к низкому уровню демократии с высоким потенциалом. Страна в значительной степени повысила свой потенциал при нынешнем руководстве, но у нее более низкий рейтинг в плане демократии, чем в разгар перестройки в конце 1980-х. И это неоднозначная ситуация. В действительности в России сохранился «сложный», или «гибридный», вид режима, как некоторые западные аналитики назвали его более десяти лет назад²⁵⁵.

Кроме того, открытым остается вопрос о том, сможет ли Россия как «сильное государство» стать «государством развития», диверсифицирующим экономику за пределами своей сырьевой базы, и решать проблемы человеческого и социального развития, которые так часто упоминаются в этой книге. Россия придерживается стратегии намеренно отстающей модернизации, ориентированной на западные показатели и эффективность. Она относится к модернизирующим странам второй или третьей волны – странам БРИК и другим странам, преимущество которых в том, что они могут учиться на ошибках западных стран, но также имеют проблемы с эффективной конкуренцией с этими странами. Как и в некоторых других странах, ускоренная модернизация проводилась с подачи «видимой руки» играющего доминирующую роль государственного аппарата (госслужбы, государственных учреждений)²⁵⁶. Взаимоотношения стоящих у власти с агентствами, находящимися ниже по административной лестнице, с бизнес-сектором и гражданами, носят характер «покровитель–клиент». Коррупция называется почти всеми как один из самых больших вызовов для страны, а меры против коррупции до сих пор не достигли ожидаемых результатов.

Каким образом режим мог бы решить эти проблемы? Сделано уже много попыток найти ответы на них. В сборнике статей под редакцией Аринина, упоминаемом в 7-й главе, например, содержится ряд предложений. В одном из них предлагается привлечь независимых экспертов к привнесению новых идей по социальным и экономическим проблемам, переходя к основанной на знаниях экономике, большей меритократии и меньшему количеству назначений, исходящим из принадлежности к определенному клану и особым интересам. В другом предлагается предоставить региональным лидерам больше пространства для действий. В третьем рекомендуются шаги к прямой демократии, то есть к власти народа. В

254. Tilly & Tarrow, op. cit., 55–57.

255. Например, несколько статей в издании L. Diamond & M. Platter, *Democracy after Communism*, Baltimore, John Hopkins University, 2002.

256. А не посредством «невидимой руки» рыночных процессов.

четвертом предложении предусматривается применение трехсекторного подхода (правительство–бизнес–гражданское общество) к развитию и, в частности, к экономической модернизации. Сегодня реальное влияние на экономическое развитие оказывают только государство и бизнес, а ГО является «сторонним наблюдателем». Группам граждан необходимо взять на себя функции по проверке и контролю и стать генератором социальных инноваций, принимая активное участие в формулировании руководящих принципов и ценностей (идеологии) общества²⁵⁷. Вообще, в сборнике мы видим разные предложения для расширения дискуссий и укрепления процессов разработки стратегии развития страны.

Интерпретация: суверенная демократия, подорванная коррупцией? В начале 2010-х годов правительство Медведева–Путина опиралось на несколько ключевых политических концепций, одной из которых была «суверенная демократия». Почему режим продвигал эту идею? Возможно, по двум основным причинам: во-первых, чтобы заявить об особенностях российского опыта (или проблем) в развитии демократии после распада СССР; во-вторых, сказать другим странам: «Руки прочь от нашей политической системы», или «Прекратите вмешиваться в наши внутренние дела». На самом деле, какая страна в мире не предпочитает быть суверенной и не подталкиваемой другими? Но более проблематичным является различие, проводимое российскими лидерами между суверенной и либеральной демократиями.

На рубеже 2010-х годов представители правительства России утверждали, что экономический кризис 2008–2010 годов подорвал мнение о том, что либеральная демократия или демократия западного образца необходима для экономического развития и процветания. «Недемократические» государства, такие как Китай или режимы стран Персидского залива, добились большего успеха, чем демократические страны. В 2008 году объем валового внутреннего продукта США снизился на 2,8%, а 27 стран Европы – на 4,2%, в то время как в Китае он увеличился на 8,7%, ставя под сомнение утверждение Запада о том, что он является авангардом экономического развития. Эти аргументы широко распространены в России, где многие эксперты по-прежнему придерживаются мнения, что экономические вопросы важнее для общества, чем либеральная демократия²⁵⁸.

257. См. статьи Гаман-Голутвиной (с. 18), Чириковой (с. 25–6), Комаровой (с. 46–8) и Павленко (с. 171–72).

258. См. Е. Кузнецова «Демократия в эру ограниченного суверенитета» в книге: Иноземцев В. Л. (ред.) *Демократизация и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века*. Москва: Европа Пресс, 2010. Сама Кузнецова призывает к «разделению» понятий суверенитет и демократия, утверждая, что Европейский Союз демонстрирует позитивные усилия стран, направленных на отказ от суверенных свобод ради более широких социальных выгод.

Но изъяны этих аргументов заметны при рассмотрении проблемы коррупции и стоящих за ней ценностей – политической и экономической морали или культуры. Российские политологи и экономисты все чаще признают, что в 1990-е годы провалилась не только шоковая терапия свободного рынка, но и «культурная шоковая терапия». Надежда возлагалась на то, что экономическая свобода приведет к появлению среднего класса и через этот новый класс зародятся новые «европейские» ценности, которые будут переданы обществу в целом. В период перестройки и после нее Россия, несомненно, получила значительную степень свободы. Но сейчас очевидно, что эта свобода распределялась неравномерно: одни классы и регионы получили много, а другие классы и регионы почти ничего.

По словам либерального комментатора Иноземцева, Россию можно охарактеризовать как «свободную страну с авторитарным режимом». Это кажется парадоксальным, но, как он отмечает, у граждан России есть многопартийная политическая система, свобода слова, возможность открытой критики правителей России, множество национальных средств массовой информации, доступ к западной прессе, свободный доступ в Интернет, рыночная экономика, свобода выезда за границу... И в то же время в России существует системная коррупция. Свобода привела к тому, что «граждан не осталось». Все хотят зарабатывать деньги. Это «деструктурированное общество», не способное самоорганизовываться и преследовать общие цели... «К концу 2010-х годов оформился основной принцип российской действительности: свободное превращение власти в деньги и собственность и обратно». Теперь власть является «своего рода бизнесом», а мировая рыночная экономика – одной из основных опор для такой власти, потому что, во-первых, другие страны готовы покупать столько нефти и газа, сколько Россия может продать; во-вторых, существует множество офшорных налоговых гаваней, где как предприниматели, так и правительственные чиновники могут спрятать свои деньги.

Все эти «парадоксы» привели к гневу, отчужденности и неприятию, которые сегодня так широко распространены среди населения России. Из анализа статей в сборнике Иноземцева выходит, что для многих из постсоветской элиты экономическая сторона (то есть зарабатывание денег) имела перво-степенное значение, а европейская культура и ценности оказались намного ниже в списке... К тому же, значительная часть населения, проголосовавшая за Путина и Медведева, поддерживают популистскую позицию правительства как против либеральной элиты, так и против олигархов. Другой российский обозреватель в статье под названием «Как свергнуть авторитарное большинство» пишет, что продемократическому лагерю необходимо подумать, как снизить это негодование и как превратить российскую культуру из авторитарной в демократическую с помощью своего рода «культурного перепрограммирования». Это предусматривало бы подрыв старых мифов и стереотипов; обеспечение массового обучения демократическому

управлению на всех уровнях; гарантирование государственной поддержки гражданскому обществу, работникам образования и культуры²⁵⁹.

Аринин, кажется, согласен с этим выводом в своем сборнике о модернизации России. Хотя согласно статистическим данным Российской академии наук, 40% россиян живут в бедности, а данные Института социологии показывают, что доходы самых богатых превышают доходы беднейших в 30–35 раз. Мы являемся свидетелями «некомпетентности и безответственности» элиты и государственных чиновников; в то же время на виду алчность и эгоизм российского бизнеса, который в свою очередь приводит к отсутствию мотивации работать у большей части населения в целом... А дети элиты не лучше своих родителей...²⁶⁰

Украинский кризис 2013–2014 годов

Через два года после переизбрания Путина на пост президента Россия оказалась втянутой в серьезный кризис вокруг Украины, и все разговоры о более мягкой линии в международной и внутренней политике, которые время от времени звучали в период президентства Медведева, исчезли. Наоборот, нападки на НПО как на «иностранных агентов», начатые в 2012 году, усиливались, чему способствовали «патриотические силы», призванные Путиным поддержать его действия в украинском кризисе.

На протяжении всего этого времени, расширяя свой портфель в качестве консультанта в сфере гражданского общества, я периодически посещал повернувшиеся в сторону запада регионы бывшего Советского Союза. В рамках одной программы ИНТРАК я оказывал помощь ряду неправительственных организаций сектора образования, созданных Фондом Сороса, в повышении их устойчивости посредством оценки и развития организации. У меня была возможность побывать в Армении и Латвии, встретиться с экспертами в области дошкольного и среднего школьного образования, а также сравнить результаты с коллегами из ИНТРАК, посетившими другие страны бывшего СССР и Восточной Европы. В рамках другой программы мы заключили контракт с датскими партнерами и ПРООН на оказание поддержки сети региональных НПО в секторе демократии и прав человека по всей Украине.

259. М. Урнов, «Ниспровергнуть авторитарное большинство: непростая задача» в книге В. Иноземцев (ред.), *Демократизация и Модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века*, 2010, с. 77–88.

260. Аринин, с. 46–52. См. также «Все в семье». Дети нынешней политической элиты близки к власти и деньгам, но у них нет «легитимности» своих родителей 1990-х годов. Газета *Moscow Times*, 2 августа 2011 г., с. 8. Здесь мы видим другую тенденцию в анализе: проблема сводится к личностным характеристикам главных игроков.

Мы были в Киеве во время Майдана. Кризис 2013–2014 годов стал кульминацией 20-летнего международного соперничества за влияние на внутривластную жизнь Украины и контроль над ней со стороны Европейского Союза и его стран-членов, с одной стороны, и Российской Федерации – с другой стороны. Мой собственный опыт изучения русской культуры и истории, мой опыт жизни в СССР и путешествий по России после 1990 года – всё это вызывало у меня чувство солидарности с аргументацией российской стороны. Мне было сложно избавиться от мысли, что Киев был первой столицей русского государства или забыть героическую борьбу с фашизмом в Украине во время Второй мировой войны. При реализации программы датских партнеров и ПРООН нам довелось встретиться с демократическими и правозащитными НПО, действующими на всей территории Украины. Мы провели национальный семинар в Киеве в декабре 2013 года, когда протесты в столице набрали силу; и в том же месяце я посетил НПО в Крыму и Донецке для проведения с ними организационной оценки²⁶¹. Практически все партнеры по этому проекту имели иную точку зрения на споры между Украиной и Россией. Они всем сердцем поддерживали Майдан. Не в первый раз мне пришлось признать, что многие люди и организации в сфере гражданского общества занимают позиции, с которыми мы лично можем быть не согласны. Но в такие кризисные моменты очень трудно – даже в рамках «открытого» и «свободного» гражданского общества – поднимать эти разногласия без дальнейшей эскалации раздора и риска обвала совместного проекта.

При любом серьезном анализе украинского кризиса необходимо вернуться к истории Российской империи, СССР и периоду после 1991 года и попытаться провести такого рода расследование, которое было сделано в этой книге в отношении Центральной Азии и азиатской части России. Здесь мы только можем отметить, что связи России с Украиной имеют очень давнюю историю, общая история двух стран сложна, их экономики даже более взаимозависимы, чем аналогичные связи между Россией и Центральной Азией. А инвестиционный и исторический интерес России к Украине намного выше, чем у Евросоюза к Украине, за исключением соседних стран, таких как Польша и Литва. Трудно представить Украину без очень тесных связей с Россией. А западные силы в 2013–2014 годах открыто поддерживали государственный переворот, что было не только незаконно, но и являлось подспорьем для крайне правых и симпатизирующих фашистам групп²⁶².

261. В рамках этой программы задача ИНТРАК заключалась в разработке методологии организационного развития, которую можно было бы использовать по всей сети НПО.

262. Если бы к Центральной Азии была привлечена десятая часть внимания российских политиков и СМИ, уделяемого Украине, это было бы значительным достижением для региона.

В результате событий в Киеве, Крыму и на Донбассе (где мы также можем резко раскритиковать действия России) местные НПО, старавшиеся последние годы сотрудничать с правительством в разработке демократических систем, социальной политики и многих других полезных вещей, были вынуждены вернуться к оказанию чрезвычайной помощи беженцам и перемещенным семьям. А гражданская война, как всегда, поощряла своего рода коррупцию и злоупотребление политической и экономической властью, против которых многие НПО боролись годами. Процессы государственного и общественного развития в Украине были остановлены на неопределенное время; во многом произошло то, что мы описали в главе о гражданской войне в Таджикистане. В целом это трагедия для страны.

Наблюдаются и более широкие последствия украинского кризиса в самой России. Всплеск патриотической поддержки режима Путина, последовавший за конфликтом в Украине, означал, что российские НПО были вынуждены занять оборонительную позицию. Кампания против «иностранных агентов» затронула не только такие известные правозащитные и демократические организации, как «Голос» или «Мемориал»; она также затрагивает левые группы, упомянутые в этой книге, такие как Институт глобализации и социальных движений, и местные НПО, такие как Центр ГРАНИ в Перми. Многие организации были вынуждены сосредоточить усилия на новых темах, например, в рамках новой категории «социально ориентированных» организаций или под лозунгом «социальное предпринимательство»²⁶³. Усиливающийся разрыв с США и Европой значительно усложнил российским НПО получение денег или политической поддержки из-за границы. События в Украине привели к введению санкций в отношении России со стороны США и Европейского союза, и после того, как Россия ответила собственными санкциями осенью 2014 года, экономика соответственно пострадала, и государственные бюджеты на всех уровнях были пересмотрены и во многих случаях сокращены.

Ухудшение перспектив развития в Российской Федерации сильно ударило по Центральной Азии. Так же, как и в России, на первом месте в национальной повестке дня стран региона сегодня стоит вопрос безопасности, а не амбициозные новые программы развития. Значительные объемы международной помощи давно были выведены из социального развития и направлены на укрепление сил правопорядка и границ. В ухудшающейся атмосфере люди всё больше обеспокоены проблемой терроризма или незаконным оборотом наркотиков в России. Все меньше людей проявля-

263. См. исследование Центра «Грани» о неполитических кампаниях и презентацию Высшей школы экономики о том, как справиться с кризисом, Гневашева, 2015.

ют положительный интерес к соседним регионам, и все больше людей в России враждебно относятся к мигрантам из Центральной Азии.

Почти в то же время, когда Украина отреагировала отрицательно на попытки России привлечь ее к Евразийскому экономическому союзу, в ЕАЭС вступил Кыргызстан. Некоторые местные НПО выступали против этого шага, хотя для присоединения существовали очень веские причины. Членство в ЕАЭС не только послужило основой для улучшения условий трудовых мигрантов в Российской Федерации; это логическое объединение южных стран, экспортирующих достаточно много своей продукции северным соседям.

Хотя Кыргызстан до сих пор остаётся самым либеральным из пяти государств Центральной Азии, несмотря на взлеты и падения двух цветных революций, в конце 2000-х годов сформировался политический консенсус в отношении того, что Россия является «стратегическим партнером» и стране необходимо присоединиться к Таможенному союзу. Летом 2015 года Кыргызстан официально подписал соответствующие договоры с огромной надеждой на получение немедленной экономической выгоды. Например, много говорилось о том, что сельхозпроизводители Кыргызстана могли бы заполнить пробел, оставленный европейскими поставщиками, которые из-за санкций больше не могут продавать фрукты и овощи в России. Правительством России был создан Российско-Кыргызский Фонд развития, «Газпром» скупил газовую промышленность в Кыргызстане, а российские компании запустили новые проекты по строительству гидроэлектростанций на берегу горных рек Кыргызстана. Однако надежды, возлагавшиеся тогда людьми, пока не оправдываются. Экономический рост был вялым, российская экономика продолжает испытывать кризис, а Казахстан фактически конкурирует за одни и те же рынки и не желает предоставлять особые преимущества своему более бедному южному соседу.

А в то же время: некоторые новые институты в сфере развития. Что касается положительных моментов, Россией сделаны первые шаги, как рекомендовали такие эксперты, как Петровский, по созданию своего рода РУСАИД (Россотрудничество), аналогичного ЮСАИД, не только координирующей гуманитарную и техническую помощь развивающимся странам, но и включив «новое «человеческое измерение» во внешнюю политику²⁶⁴. В то же время развиваются институты группы БРИК. Так, по

264. Организация Россотрудничество была учреждена указом президента в 2008 году и предоставляет гуманитарную помощь и содействие странам-партнерам в целях развития. Программа Россотрудничества уделяет особое внимание россиянам, проживающим за рубежом, продвижению русского языка и культуры, общественной дипломатии и сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне. Программа имеет географическую направленность на страны Содружества Независимых Государств.

данным Оксфам в России, в рамках подготовки к председательству России в «Большой двадцатке» в 2013 году и странах БРИК в 2014 году национальные эксперты приступили к работе над «инновационной» моделью развития и новой «парадигмой сотрудничества». Это позволит придерживаться прежних приоритетов страны в области оказания помощи в секторах здравоохранения, образования и продовольственной безопасности, а также добавить, например, вклад частного сектора (который, как мы видели в 8-й главе, до сегодняшнего дня был относительно небольшим). В рамках этой новой инициативы развития мы видим начало российской поддержки НПО в Центральной Азии, будь то через российскую диаспору или иными способами. Такие институциональные процессы видны в рамках ШОС. Однако эти усилия пока не были достаточно масштабными, чтобы остановить долгий экономический и социальный кризис региона.

3. Развитие в трех перифериях: выводы и перспективы

Какой вывод можно сделать о возможностях развития в трех периферийных уровнях, указанных в этой книге, в условиях сложной, конкурентной и часто острой ситуации в мире, когда российское правительство твердо намерено сохранить контроль как над бизнесом, так и над гражданским сектором? Это было нашей основной целью – изучить модель развития России, посмотреть, в какой степени она приносит пользу более бедным и более маргинальным группам общества, используя концепции гражданского общества и международного развития. Наши выводы довольно краткие и, как и положено моему «импрессионистическому» исследованию, не являются попыткой провести общий концептуальный анализ.

Внутренняя периферия: изолированные и маргинализованные группы в крупных и мелких городах России. Лишенные работы и сбережений в 1990-х годах, растерянные из-за парадоксов недемократической демократии и «нищенского процветания», исключенные группы, кроме некоторых чрезвычайно хорошо организованных объединений (например, ассоциации шахтеров и железнодорожников), медленно реагировали на новую капиталистическую среду. Однако в этой книге мы выражаем своё согласие с российскими экспертами, прослеживается постепенный возврат к гражданской активности и народным протестам. Российский электорат отвергает пуристический неолиберализм, и мы видели, как сложно режимам Путина и Медведева предотвращать или снижать недовольство населения. Правительство предлагает гражданскому обществу внести свой вклад в предоставление социальных услуг и открывает

возможности для проведения регулярного мониторинга гражданскими группами. В действительности в большинстве случаев такие реформы осуществляются «сверху–вниз» или даже формально, но во всей стране есть положительный и новаторский опыт, которому могут поучиться активисты.

В структурном отношении будет непросто вернуть украденное у народа в 1990-е годы. На самом деле российскому правительству, похоже, не под силу даже сокращение потоков капитала, из года в год, вывозимого более богатыми классами. Вступление в ВТО угрожает появлением еще одного структурного препятствия на пути сокращения бедности, особенно в старых промышленных регионах России и в широком поясе, где из-за климатических условий сельскохозяйственное производство более затратно и менее конкурентоспособно²⁶⁵, поэтому глубокие социальные и экономические разногласия сохранятся.

Времена, когда западные страны помогали с решением этих проблем, давно миновали. Как отметил страновой директор VSO, когда закрылась волонтерская программа, россиянам нужна была не «помощь», а сотрудничество и возможности для обмена идеями и опытом с другими странами. Как мы уже неоднократно отмечали, здесь очень важны будут сетевое взаимодействие и связь между гражданами, особенно если ухудшится международная политическая ситуация, как во времена холодной войны.

Средняя периферия: бедные регионы и малые народы внутри Российской Федерации. Продолжается утрата привилегий, которыми пользовались «нерусские» народы в Советском Союзе. Многое зависит от того, являются ли они многочисленными или нет, титульная ли это нация или нет, а также от того, есть ли у них большие запасы нефти, газа или других полезных ископаемых. В большинстве автономных республик и округов Российской Федерации русские составляют большинство, что ограничивает центробежные тенденции. Наш краткий анализ Уральского и Сибирского регионов указывает на огромную проблему в поддержании многих городских поселений и промышленных городков, созданных в советское время. Традиционная ориентация российской государственной политики на запад означает меньшее внимание развитию востока.

С другой стороны, хорошо подготовленное и инклюзивное «видение» развития Российской Федерации, ориентированное на юг и восток, могло бы стать очень привлекательным документом для региональных союзников. География от полярного региона через тундровые и таежные

265. *Ведомости*, 3, «Вероятные последствия вступления в ВТО для сельского хозяйства», 18.06.12.

пояса до хвойных и лиственных лесов и степей на юге — это уникальная, величественная и все еще в значительной степени нетронутая среда. Многонациональные коренные народы и их исторические связи, проживание бок о бок с русским населением; Транссибирская магистраль как транспортный маршрут между Европой и Азией; Волга и Сибирские реки, играющие аналогичную роль для сообщения между севером на югом; добыча полезных ископаемых и промышленные традиции Урала; создание новых центров высоких технологий на базе вузов региона; культурное и архитектурное богатство православной и исламской религий являются важными активами для любой стратегии развития.

Внешняя периферия: соседи России в бывших советских республиках. Глядя на Россию и ее соседей на постсоветском пространстве, мы видим, что новое разделение между севером и югом постепенно восстает из пепла советского уравнивающего эгалитаризма. Неравные отношения между центром и периферией воссоздаются различными способами, то есть через изоляцию, маргинализацию или относительное бессилие различных групп. Самая большая внутренняя экономическая граница в регионе — это теперь граница между Евразийским экономическим союзом и бывшими советскими республиками на юге Кавказа и в Центральной Азии (например, Таджикистаном и Узбекистаном). Проблемы, возникающие в результате конфронтации России с Западом, означают серьезные ограничения в том, какую помощь могут ожидать от нее бывшие советские республики. Хотя большая часть двусторонней помощи России, вероятно, будет направлена в соседствующие с ней страны бывшего СССР, остается вопрос, чему будет способствовать создание организации Россотрудничество: действительно ли Россия будет играть более значительную роль в их развитии? Как отмечалось в предыдущих разделах, Таджикистан до сих пор не получал необходимого внимания или помощи, а Кыргызстан разочарован результатами своего вступления в ЕАЭС.

Эти проблемы регулярно поднимаются в центральноазиатской прессе экспертами из стратегических и аналитических институтов России. Их статьи часто носят резко антиамериканский характер. Иногда они до крайности откровенно критикуют политическую элиту Центральной Азии. Однако без согласованной политики в области развития и долгосрочных практических программ, такие инициативы, как обещание Путиным выгод от расширенного евразийского альянса, заключенного в 2012 году, не вызывают большого доверия в регионе.

Приоритеты гражданских активистов. Исходя из вышесказанного, на мой взгляд, активисты НПО и общественных движений уже играют или могут в будущем сыграть чрезвычайно важную роль в содействии развитию в России, по меньшей мере, в четырех областях. Их нельзя рассматривать в качестве

полного списка, они просто касаются важных вопросов, которые поднимались в этой книге и могут использоваться в массовых кампаниях и проектах на областном и национальном уровнях. Таким образом, мы возвращаемся к гражданским инициативам, о которых мы так часто упоминали в этой книге.

Представление местных сообществ

- Отстаивание интересов местных жителей, особенно наиболее обездоленных. Никто не сможет сделать этого лучше. По словам Яницкого, «защищать места в мире потоков».
- Поощрение культурного и регионального разнообразия. Например, уральские и сибирские города, которые я посетил при написании этой книги, имеют свой разный и ценный характер. Екатеринбург и Новосибирск – это советская промышленность и модернизм; Иркутск – величие России XIX века, Улан-Удэ – буддийская и монгольская составляющая. Поддержание исторических связей между местами и между общинами, расширение географических, культурных и других границ.
- Использование подходов «снизу–вверх», интерактивного и коллективного подходов. Значительную роль в обновлении методологии интерактивного развития сыграли иностранные доноры и НПО, такие как VSO и ИНТРАК, а теперь российские НПО взяли за это по-своему.
- Дальнейший сложный поиск согласия между различными группами: НПО, профсоюзами, политическими партиями, крупными и мелкими организациями – для достижения согласованных общих целей. И здесь альтерглобальное и продемократическое движения демонстрируют и проблемы, и важность поиска единства.

Консультирование и помощь правительству

- Во внутренней политике совместно с местными и национальными властями продолжается поиск качественных услуг. В настоящее время всего лишь 4% населения оценивают услуги НПО «хорошо». Попытка перенести на национальный уровень передовой опыт социальной политики на местах.
- Инициативность в лоббировании и мониторинге работы правительства, вместо того чтобы ожидать приглашения для участия в формальных, неэффективных консультативных органах.
- Содействие развитию отдаленных, более отсталых регионов России, в том числе депрессивные города и села, Сибирь и Дальний Восток, автономные округа ... Лоббирование увеличения государственного финансирования программ НПО в регионах.

- Предоставление консультаций новой организации – Россотрудничеству – для развития прогрессивного, неимпериалистического подхода в программах российского правительства в области образования, культуры и экономического развития. Здесь особую роль могут сыграть представители всех народов бывшего СССР благодаря своему историческому пониманию этих регионов и преимуществ солидарного и мирного развития.

Борьба с расизмом и ксенофобией

- Правозащитные группы уже уделяют пристальное внимание риску и актуальности межнациональных и межэтнических конфликтов внутри России, в частности, в Чечне и на Северном Кавказе; чрезвычайно важно продолжать эту работу и в дальнейшем.
- Содействие в обеспечении того, чтобы «патриотический» дискурс не исключал лиц нерусской национальности, и чтобы «русская цивилизация» не воспринималась только в виде ее европейских аспектов, но включала азиатские, восточные и южные, с приверженностью многонациональности.
- Расширение работы с трудовыми мигрантами и проблемами, связанными с идентичностью и интеграцией, поднимаемыми миграцией. Несколько примеров из поездок на Урал и в Сибирь: конкурсы на получение грантов, пропагандирующие толерантность в школах и обществе; традиция отмечать различные национальные праздники; тщательно продуманные жилищные программы и программы занятости; исследования щепетильных или противоречивых вопросов на местах с учетом взглядов меньшинств. Профсоюзы начали уделять мигрантам серьезное внимание, но они могут сделать и больше.

Развитие региональных и глобальных связей

- Оказание гуманитарной помощи уже стало обычным явлением в странах бывшего Советского Союза, например, активисты общественной организации «Уральский дом» приехали в город Ош с сорока тоннами гуманитарной помощи сразу после беспорядков 2010 года на юге Кыргызстана. Еще одним важным органом здесь является Межправительственный Совет гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ.
- Активная работа в глобальных альянсах (например, в экологическом движении или Всемирном социальном форуме) для усиления российского присутствия на этих форумах.

- Несколько наиболее ярких примеров сетевого взаимодействия НПО можно увидеть в работе с уязвимыми группами. Хорошим примером является Движение людей с инвалидностью, у которого можно поучиться; в качестве другого примера можно привести сеть активистов из небольших автономных регионов.

Было бы хорошо, если бы активисты гражданского общества и прогрессивно мыслящие люди в других странах насколько возможно поддержали эту работу. Речь идет, по крайней мере, о двух сферах. Первая – это содействие практике развития во всех секторах и областях жизни. Вторая – это работа социальных, общественных и политических движений, диалоги и кампании за более свободный, равный и справедливый мир.

Постскрипtum

Правая страна с населением левого уклона. Несмотря на авторитарный режим, население пользуется многими свободами. Термидорианский этап (режим консолидации) после прокапиталистической революции. Во второй половине 2000-х годов гражданское общество, разочарованное событиями 1990-х годов, вновь подключилось посредством официальных каналов, местных инициатив и уличных протестов при необходимости. Таковы взгляды и противоречия по результатам анализа современной России в этой книге²⁶⁶.

Надеюсь, моя книга отражает позитивный дух многих НПО и сотрудников по развитию, работающих наряду с продолжающими борьбу людьми, движениями и общинами. Эта книга «обнажает», то есть прослеживает традицию участия граждан в демократических реформах и процессах развития в России с царских времен, при советской власти и до сегодняшнего дня. Я надеюсь, что примеры, приведенные в предыдущих главах, показали существовавшее в стране в конце XIX и в начале XX века многогранное прогрессивное движение и что в 1917 году многие из них действительно были подхвачены Октябрьской революцией.

В книге раскрываются западные и восточные аспекты большевистского режима и другие течения внутри него – альтернативные социалистические пути, которые стоит изучать глубже. С точки зрения международного развития, меня особенно интересовали низовые инициативы и шаги в сторону децентрализации местных органов власти и укрепления региональной политики в Российской Федерации. Еще один ключевой вопрос, который меня интересовал: каким образом гражданское общество поможет сохранить некоторую автономию, или идентичность небольших национальных групп? Во всех этих сферах есть богатая история, а впереди – нелегкий путь, учитывая централизованную государственную систему России, решительно настроенную выстоять против сил западной политической гегемонии и экономической глобализации.

Возвращение коммунистических стран к капитализму в 1990-х годах поднимало много сложных вопросов для левых и марксистов. Но некоторые уроки советского периода и последующего перехода уже можно отчетливо

266. Эти строки были написаны с широким размахом в 2014 году. Я решил их оставить без изменений как своего рода «исторический документ».

видеть. Во-первых, попытка Советского Союза перескочить через капиталистическую стадию развития в конечном итоге оказалась неудачной (на самом деле в советской системе были элементы государственного капитализма, как тогда отмечали левые критики). Во-вторых, шоковая терапия, применявшаяся в советском блоке в 1990-е годы для возвращения этих стран к мировой капиталистической ортодоксии, привела к серьезным человеческим потерям. В-третьих, в главах этой книги показано, как медленно восстанавливается Россия, а люди и организации снова вступают в борьбу на разных уровнях за общественное благо, за большее влияние на жизнь государства и за контроль над своей собственной жизнью. И вряд ли этого можно достичь без идеологической приверженности какой-либо форме прогрессивных социальных изменений.

Многие россияне восхищаются тем, что они видят на Западе, с 1991 года многие из них переселились в Европу и США. Посещая много стран и на протяжении многих лет проживая в странах бывшего Советского Союза, я тоже могу по-новому взглянуть на происходящее у себя дома и в странах Западной Европы: на многочисленные учреждения, которые остаются в государственной собственности, яркие примеры толерантности и ответственной гражданской позиции, улучшения в технологиях, коммуникациях и общем уровне жизни, которые основатели марксизма считали материальной и моральной базой для социализма. Однако в некоторых аспектах марксистская критика капитализма остается столь же сильной, как никогда: в отношении индивидуализма и маркетизации, проникающих в умы людей и их повседневные отношения; и прежде всего неравные властные отношения, на которых эта книга пытается сосредоточить внимание при рассмотрении вопросов, касающихся развития.

Это подводит нас к ещё одному уроку недавних изменений в регионе. Если Россия вернулась к капитализму, который многие социалисты предсказывали для нее в конце XIX века, то борьба за лучшую или более справедливую систему еще впереди. Перечитывая работы классиков о переходе к социализму, можно заметить их решительную приверженность точке зрения, что переходы никогда не являются простым или коротким процессом – они включают периоды наступления и отступления (которые иногда длятся веками).

Эту идею можно связывать с позициями Александра Зиновьева в 1970–1980-е годы в период «реального социализма» о том, что коммунизм – это не система, которая «приходит после капитализма». Скорее, это система, адаптированная к войне и чрезвычайным ситуациям, которая объективно и какое-то время может отвечать многим приоритетам большинства населения (например, полная занятость и предоставление основных услуг). Однако «коммунальные отношения» между людьми (под которыми Зиновьев имел в виду нечто весьма специфическое, то есть образ жизни людей,

живущих в «коммунальной квартире») могут быть далеки от идеала, и их необходимо закреплять путём создания более современных систем, институтов, законов и традиций. К несчастью Советского Союза, реформы такого рода не были осуществлены до того, как рухнул сам режим. Что я пытаюсь сказать здесь игрой слов «коммунистический» – «коммунальный»? Что коммунизм пытался привести людей к известному «светлому будущему», но на самом деле коллективизм, которым жили люди, во многом обеспечивался насилием и лишениями, а система оказалась не способной оправдать их постепенно растущие ожидания.

В своей книге о жертвах Сталина биограф Бухарина Стивен Коэн (ныне покойный) отмечает, насколько сильно антисталинское движение в России пострадало в 1990-е годы. По мере продолжающегося экономического и социального коллапса у людей не было времени для критики прошлого на фоне настоящего, которое выглядело даже хуже. Однако я согласен с Коэном, что такое общественное мнение постепенно изменится. Слишком много семей потеряли родителей, бабушек и дедушек, заключенных в тюрьмы, казненных или просто исчезнувших, чтобы забыть эту проблему. Это должно стать частью нашего долгосрочного левого взгляда на развитие в России²⁶⁷.

С другой стороны, в 1930-е годы и сегодня классовая война в России была и по-прежнему далека от завершения. Как показывает история, более богатые крестьяне цеплялись до смерти за свои ресурсы, националистические группы сопротивлялись, когда могли (даже сотрудничая с нацистскими оккупантами), а новая буржуазия создавалась в условиях развитого социализма, в том числе в верхах Коммунистической партии. Как нам быть с этим опытом? Каким может быть ответ социалистов или коммунистов на такие вызовы? Скорее всего, ответ должен заключаться в более демократическом социализме и большем уважении к человеческой жизни. А с другой стороны, скольким поколениям бедных и не имеющих власти придется ждать реализации своих политических и экономических прав? Когда начнет сокращаться пропасть между богатыми и бедными, стоящими у власти и не имеющими этой власти? Здесь мы возвращаемся к вопросам о международном развитии, поднятым в первых главах этой книги. И ответы на них не столь обнадеживающие.

В своей книге «Россия в поисках утопий» Мартьянов и Фишман предлагают различные стратегии, которые стоит кратко рассмотреть. Сможет ли Россия снова отказаться от коррумпированной капиталистической системы? На данный момент это кажется маловероятным. Сможет ли она воссоздать новую «империю периферии»? Новые независимые соседи

267. С. Коэн. *Жизнь после ГУЛАГА: возвращение Сталинских жертв*. Редакция «Новой Газеты», 2011.

России по региону будут возражать против любой новой империи. Отстаивая некую всеохватывающую моральную революцию, авторы заявляют, что локалистские, мультикультурные и постмодернистские решения не смогут адекватно решать глобальные проблемы, а будут просто поддерживать сложившуюся иерархию. Это не моя позиция и не позиция многих авторов, цитируемых в этой книге. Но многие согласятся с авторами, что Россия не должна смириться со своим нынешним положением в мировой системе, потому что: 1) она отодвинута на второй план; 2) рабство и несправедливость укрепились²⁶⁸.

А что насчет роли гражданского общества? Это была моя постоянная позиция в этой книге: граждане и свободные ассоциации могут внести большой вклад в развитие, они действительно сыграли ключевую роль на нескольких этапах русской истории. Но мы также видели нелёгкие отношения между гражданским обществом и политическим обществом (смотрите сложную историю народовластия). Как отмечает Кружков, в СССР гражданские вопросы политизировались до крайности, и, похоже, этот процесс в условиях насилия и войны может их исказить (поскольку борьба за власть отодвигает ценности и традиции в сторону). Революция, военный коммунизм и однопартийное государство постепенно разрушали среду, в которой могла процветать многонациональная советская интеллигенция, ставя неудобный вопрос ребром: «Вы за или против нас?» – и репрессируя своих противников. Война, терроризм и война между государством и террористами – все это плохо для современного гражданского общества. Как показывает история, сверхполитизированное общество может подорвать или разрушить гражданское общество.

Многие из этих рисков существуют и в рамках цветной революции, если она перерастает в насилие, как мы видели в кратком описании недавних событий в Кыргызстане и Украине. На постсоветском пространстве цветную революцию мы определили как продолжение перестройки в случае затяжного политического конфликта и неработающих многопартийных избирательных систем. Внешние игроки, такие как США и Россия, вовлечены в него в очень значительной степени. Вопрос о легитимности правительства является фундаментальным для исхода этих переворотов, так же как и уровень самоорганизации или решимости оппозиционных сил. В случае насилия с человеческими жертвами, будет мало что праздновать и гораздо больше времени потребуются для заживления ран или для консолидации своей власти новыми силами.

И последнее о «трех перифериях»: об исключенных классах и маргинальных группах в городах, о застойных регионах России и о бедных соседних госу-

268. Мартьянов и Фишман. Там же, с. 247–55.

дарствах. В моем анализе эти три категории ни в коем случае не противопоставляются друг другу – это был бы путь, по которому часто идут расисты и националисты. Всё, что действительно могла сделать эта книга – выделить некоторые очень сложные проблемы и показать, как их решением занимаются НПО и общественные движения. Для сравнения степени различного рода недостатков и вариантов социальной и экономической политики России необходимо провести более тщательный экспертный анализ. Но по одному аспекту вывод довольно ясен: новые независимые страны в СНГ и сама Россия нуждаются друг в друге. Миграция потенциально выгодна для всех сторон, потому что таким образом создаются рабочие места, улучшаются навыки и повышаются доходы, увеличиваются шансы на местное развитие в России и странах бывшего советского Юга. Во-вторых, существуют и другие аспекты: единый язык, история и культура, то есть положительные факторы, достойные ценности, которые стоит сохранить.

Но при модели развития «сверху–вниз» трудно будет открыть пространство для гражданского диалога о самых сложных, актуальных проблемах в России и на более широком постсоветском пространстве. Серьезное беспокойство вызывают грубые, насильственные и эгоистичные формы развития частного сектора, так же как и неготовность ориентированных на запад элит выделять необходимое время и ресурсы для юга и востока. Модернизация как стратегия наверхствания, по-моему, не приведет к значительному перераспределению ресурсов обратно людям. Левым в России нужно выйти из «режима обиды» и заново открыть для себя дух и практику интернационализма, вновь обратиться к множеству потенциальных союзников, которые есть до сих пор в трех перифериях. Несмотря на сказанное выше о сложном балансе и нечетких границах между политическими и социальными (гражданскими) действиями, эти проблемы требуют политического решения. Моя книга задумана как вклад в решение этого вопроса, возможно, как сторонний взгляд, но определенно заинтересованного наблюдателя.

Аббревиатуры

АБР	Азиатский Банк Развития
БРИК (ассоциация)	Бразилия, Россия, Индия, Китай
ВВП	валовой внутренний продукт
ВТО	Всемирная Торговая Организация
ВШЭ	Высшая Школа Экономики (Москва)
ГО	гражданское общество
ЕАЭС	Евразийский Экономический Союз
ЕС	Европейский Союз
ИПДО	Инициатива «Прозрачность в добывающих отраслях»
ИЧР	индекс человеческого развития
КСО	корпоративная социальная ответственность
МВФ	Международный Валютный Фонд
МОМ	Международная организация по миграции
МФИ	международные финансовые институты
НАТО	NATO (North Atlantic Treaty Organisation)
НПО	неправительственные организации
ОБСЕ	Организация по Безопасности и Сотрудничеству в Европе
ОГО	организации гражданского общества
ОГПУ	Объединенное Государственное Политическое Управление (советский период)
ОДКБ	Организация Договора о Коллективной Безопасности
ООН	Организация Объединенных Наций
ППС	паритет покупательной способности
ПРООН	Программа Развития Организации Объединенных Наций
РСФСР	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

СМИ	средства массовой информации
СНГ	Содружество Независимых Государств
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
СЦПГИ	Сибирский Центр Поддержки Гражданских Инициатив
США	Соединенные Штаты Америки
ФСБ	Федеральная Служба Безопасности (Россия)
ЦА	Центральная Азия
ЦК КПСС	Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества
CERCEC	Centre d'études des mondes russe, caucasien et centre-european, France
DFID	Department for International Development (UK)
ЕЕР	East European Partnership
GCAP	Global Call to Action against Poverty
ICNL	International Committee for Non-Profit Law
INTRAC	International NGO Training and Research Centre
SDC	Swiss Development Cooperation
VSO	Voluntary Services Overseas

Таблицы

Таблица 1. Развитие в России, соседних, дружеских и конкурирующих странах в переходный период	43
Таблица 2. Уральский, Сибирский и Центральноазиатский регионы: площадь и население	76
Таблица 3. Разработка стратегий социального преобразования.....	108
Таблица 4. Вклад волонтеров в области социальной политики и услуг	125
Таблица 5. Некоторые данные из доклада о человеческом развитии в Перми за 2010 год	134
Таблица 6. Некоторые данные из отчетов о человеческом развитии в Таджикистане	153
Таблица 7. Коэффициент неравенства Джини в России и других странах	219

Об авторе

Получив степень по русскому языку и степень магистра социологии литературы, Чарльз Бакстон более пятнадцати лет работал в восточной части Лондона в качестве общественного активиста, затем – координатором программы профессиональной подготовки для безработных. В 1995 году он занял должность регионального менеджера в VSO (Волонтерская служба за рубежом), занимаясь подготовкой проектов и отправкой волонтеров на работу в сфере образования, здравоохранения и гражданского сектора в страны Восточной Европы и бывшего Советского Союза. С 2001 по 2018 год он жил и работал в Бишкеке (Кыргызстан) в качестве менеджера программы INTRAC (Международный центр обучения и исследований НПО), поддерживая организации гражданского общества по всей Центральной Азии. В 2019 году Ч. Бакстон открыл некоммерческий общественный фонд «Книги для развития» с регистрацией в Бишкеке и стал его директором (www.books4develop.org).

